Владимира Ивановскаго.

РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

XVIII и XIX в.в.

въ своихъ постановленіяхъ относительно монашествующихъ лицъ и монастырей.

(Опытъ историко-каноническаго изслѣдованія).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.
1905.

Отдѣльные оттиски изъ ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1904—1905 годъ.

BV
764

570
37

РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 18 и 19 СТ. ВЪ СВОИХЪ ПОСТАНОВЛЕНІЯХЪ ОТНОСИТЕЛЬНО МОНАШЕСТВУЮЩИХЪ ЛИЦЪ И МОНАСТЫРЕЙ.

Восемнадцатый вѣкъ въ исторіи монашества представляетъ собою эпоху коренныхъ, всесторонніихъ преобразованій, когда внутренній и внѣшній бытъ монашествующихъ лицъ былъ строго регламентированъ и права ихъ были точно опредѣлены въ соотвѣтствіи съ внутреннимъ призваніемъ монашествующихъ, общественными и государственными интересами.

Чтобы возстановить предъ собою нравственный обликъ монаха, съ которымъ онъ переступилъ порогъ 17 ст. и убѣдиться въ необходимости тѣхъ мѣропріятій, которыя Петръ I предпринялъ въ отношеніи къ монашеству, достаточно привести отзывъ самого Петра I о нравственномъ состояніи современнаго ему монашества: „нынѣшнее житіе монаховъ, точію видъ есть и поносъ отъ иныхъ законовъ, не мало же и зла происходитъ, понеже большая часть тунеядцы суть и понеже корень всему злу праздность, то сколько забобоновъ, расколовъ, но и возмутителей произошло, всѣмъ вѣдомо есть“ [1]). А Св. Синодъ въ своемъ указѣ 1732 г. какъ бы подтверждаетъ этотъ отзывъ, говоря, что „многіе монахи, презрѣвъ обязанности своего званія, не только внутри монастыря не очень исправны, живутъ не по обѣщанію, но, исходя изъ монастыря (что есть самая непростительная продерзость), и скитаясь безъ нужды по разнымъ мѣстамъ ведутъ себя безчинно и подаютъ соблазнъ къ развращенію, ни мало не помышляя, что чрезъ нихъ хулится имя Божіе“ [2]).

[1]) П. С. П. и Расп. т. IV, № 1197, стр. 58, п. 2.

[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VIII, № 6177.

Если бы преобразовательная дѣятельность Петра I по отношенію къ русскому государству была отложена на нѣсколько десятилѣтій, то, конечно, и монашество осталось бы существовать въ прежнемъ своемъ видѣ, въ какомъ помнитъ его исторія семнадцатаго столѣтія. И только это, задуманное Петромъ I дѣло реформы всего государственнаго строя, вызвало къ жизни вопросъ о монастыряхъ и монашествующихъ лицахъ, какъ вопросъ, имѣющій ближайшее отношеніе къ существу предпринятой Петромъ I реформы. Громадная перестройка всей Россіи, сопровождавшаяся непомѣрнымъ напряженіемъ всѣхъ производительныхъ силъ народа, привела правительство къ одностороннему, чисто—практическому взгляду на подданныхъ, требовавшему непремѣннаго участія всѣхъ въ государственномъ дѣлѣ, въ матеріальномъ служеніи правительству. Подобныя воззрѣнія политики Петра I совершенно не мирились съ идеею монастырскаго отреченія отъ міра и съ тѣмъ привилегированнымъ положеніемъ монашествующихъ лицъ въ обществѣ, по которому они, находясь внѣ матеріальнаго служенія ему, сами многимъ пользовались отъ него. Въ расчеты Петра I, съ указанной точки зрѣнія, входило прежде всего содѣйствовать усиленію производительныхъ силъ государства, условливающихъ собой его матеріальный прогрессъ. Въ этихъ видахъ Петръ I въ своей реформаціонной дѣятельности въ отношеніи къ монастырямъ старается всячески ихъ утилизировать, для чего, съ одной стороны, законодательнымъ путемъ ограничиваетъ до minimum'а количественный составъ монашествующихъ, а съ другой стороны, по своему произволу, распоряжается монастырскими имуществами, употребляя ихъ на удовлетвореніе чисто государственныхъ потребностей [1]).

Но помимо не сочувственнаго, по мнѣнію Петра I, отношенія къ матеріальному служенію обществу и государству, монашествующія лица тормозили дѣло реформы, по его мнѣнію, еще своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ его новымъ начинаніямъ. При вышеуказанномъ нравственномъ состояніи монашествующихъ лицъ въ началѣ 18 ст., и при томъ значительномъ авторитетѣ, которымъ они пользовались среди простого народа, ихъ протестъ по по-

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. IV, № 2482; П. Сбор. Пост. и Расп..., т. II, № 397, 793.

воду дѣятельности Петра I могъ имѣть выдающійся успѣхъ. „Въ толпѣ бунтовщиковъ, на Красной площади, по свидѣтельству одного историка, являлись ему черныя рясы, доходили до него страшныя зажигательныя рѣчи и онъ исполнялся непріязненнаго чувства къ монашеству". Вотъ почему Петръ I при самомъ началѣ своей дѣятельности невольно столкнулся съ вопросомъ о цѣли и назначеніи монашескаго института. Съ своей утилитарной точки зрѣнія Петръ I не могъ, конечно, понять религіозно-нравственной миссіи монашества. За нимъ Петръ I главнымъ образомъ признавалъ практическое значеніе, какъ за сословіемъ, существовавшимъ „ради церковной нужды, дабы были изъ монашества достойные въ чинѣ архіерейства" [1]). Но, признавая практическое значеніе монашества, Петръ I не могъ въ то же время не считаться и съ нравственными цѣлями монашескаго института, почему существованіе его онъ призналъ отчасти необходимымъ еще и „для желающихъ по совѣсти монашескаго житія" [2]). Въ связи съ такими взглядами Петра I на монашество и законодательство этого времени, съ одной стороны, въ отношеніи къ монашеству преслѣдуетъ чисто практическія, матеріальныя цѣли, а съ другой стороны, руководится соображеніями высшаго порядка, отвѣчающими существу самого монашества.

Реформа, намѣченная Петромъ I въ отношеніи къ монашеству, встрѣтила себѣ полное сочувствіе въ его преемникахъ, и мысли, положенныя въ основаніе ея, оказались настолько живучи, что служили почти для всѣхъ послѣдующихъ правительствъ XVIII в. образцомъ и идеаломъ, къ которому по ихъ воззрѣнію нужно было стремиться. Обычной фразой того или другого указа, касающагося монашества, было „то-то и то-то началъ или хотѣлъ исполнить блаженной памяти нашъ родитель или дѣдъ, Петръ I, поэтому и мы послѣдуя ему" [3])... Даже та общая практическая точка зрѣнія въ отношеніи къ монашеству, которая при Петрѣ I служила исходнымъ пунктомъ для реформы, была всецѣло усвоена законодательствомъ и послѣдующаго времени и сохранила свою силу и свое зна-

[1]) П. С. П. и Расп. т. IV, № 1197, стр. 58.
[2]) П. С. П. и Расп. т. IV, № 1197.
[3]) П. С. З. Р. И. т. XI, № 8308, XVI, № 11840 и мн. др.

ченіе вплоть до царствованія Екатерины II, когда съ послѣднимъ актомъ реформаціонныхъ предпріятій намѣренія Петра I относительно секуляризаціи церковно-монастырскихъ имуществъ были вполнѣ осуществлены и когда явилась, такимъ образомъ, возможность для правительства дѣйствовать безкорыстно, сообразуясь въ своей законодательной дѣятельности лишь съ выгодами тѣхъ или другихъ постановленій для внутренней жизни самого монашества. Съ этихъ поръ для монашества наступаетъ новый періодъ жизни. Признавая огромное значеніе за монашествующимъ сословіемъ въ качествѣ проводниковъ въ жизнь общественную религіозно-нравственныхъ идей, условливающихъ собою истинную культуру государства, правительство, съ одной стороны, предоставляетъ монашеству широкія права на участіе въ общественной дѣятельности, а съ другой стороны, стремится къ всестороннему улучшенію условій его жизни, сообразуясь въ данномъ случаѣ съ нравственными цѣлями монашескаго института и каноническими требованіями относительно него. Въ связи съ такимъ благосклоннымъ отношеніемъ законодательной власти 19 ст. къ монашеству, авторитетъ послѣдняго въ это столѣтіе значительно возвышается и оно (монашество) въ 19 ст. пріобрѣтаетъ отъ правительства всѣ способы, какъ для внутренняго, нравственнаго преуспѣянія, такъ и для внѣшняго, матеріальнаго процвѣтанія.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о направленіи законодательной дѣятельности правительствъ XVIII и XIX ст., переходимъ къ болѣе подробному, частнѣйшему изложенію правительственныхъ распоряженій касательно жизни монашествующихъ лицъ и монастырей.

Часть I.

Постановленія относительно монашествующихъ лицъ.

Глава первая.

Условія поступленія въ монастырь и постриженіе въ монашество.

Постановленія Петровскаго законодательства, относительно поступленія въ монастырь и постриженія въ монашество, но-

сятъ на себѣ двоякій характеръ. Одни изъ нихъ имѣютъ въ виду внести больше порядка въ сферу монашеской жизни и уврачевать тѣ нестроенія, которыя замѣчены были въ эпоху предшествующую, другіе же изъ нихъ своимъ появленіемъ обязаны исключительно духу времени, точнѣе говоря, общей утилитарной политикѣ Петра I. Извѣстно, что до XVIII в. монастыри широко растворяли свои двери для принятія къ себѣ какъ дѣйствительно ищущихъ спасенія и душевнаго успокоенія отъ тревогъ и волненій житейскихъ, такъ и тѣхъ, кои приходили въ монастырь съ исключительною цѣлію—найти въ немъ для себя жизнь спокойную, матеріально обезпеченную и въ то же время жизнь, свободную отъ всякихъ соціальныхъ ограниченій, стѣсняющихъ проявленіе самовольства и произвола. Но такое свободное, безконтрольное отношеніе къ лицамъ вступающимъ въ монастырь вредно отзывалось какъ на нравственной жизни самихъ монаховъ, такъ и на интересахъ общества и государства. Въ связи съ этимъ и стремленія законодательной власти 18 ст., съ одной стороны, направляются къ устраненію явленій, препятствующихъ осуществленію истинныхъ началъ монашества, а съ другой стороны, къ охраненію правъ и интересовъ общества и государства.

Мы не можемъ сказать, чтобы тотъ рядъ постановленій Петровскаго законодательства, который имѣетъ въ виду исправленіе дѣйствительно существовавшихъ въ монашествѣ недостатковъ, представлялъ собою что нибудь новое, неизвѣстное предшествующему времени; нѣтъ, многіе изъ этихъ постановленій предлагались еще на соборахъ 17 в. въ качествѣ средствъ, могущихъ содѣйствовать повышенію нравственнаго уровня монашествующихъ, но всѣ они до начала 18 в. оставались мертвой буквой и не приводили къ желаннымъ результатамъ. То зло, которымъ болѣло монашество 17 в., не поддавалось леченію средствами, идущими съ одной стороны и притомъ отличающимися чисто моральнымъ характеромъ. Но особеннымъ обстоятельствамъ и условіямъ монашеской жизни того времени, послѣдняя нуждалась для своего оздоровленія въ помощи свѣтскаго правительства, которое, нужно сказать, само тогда еще не слишкомъ ясно сознавало свои права на совмѣстное участіе въ борьбѣ съ обоюднымъ зломъ. Отсюда, конечно, ста-

новится вполнѣ понятнымъ, почему благія начинанія духовнаго правительства не встрѣчали для своего осуществленія воспріимчивой почвы. То, что духовное правительство дѣлало въ цѣляхъ нравственнаго подъема монашеской жизни, то свѣтское правительство разрушало своимъ безучастнымъ отношеніемъ къ этой сторонѣ монашеской жизни, которая, соприкасаясь съ жизнью общественной. требовала для себя извѣстнаго контроля съ его стороны въ цѣляхъ выгодъ даже самого общества. Вотъ почему постановленія относительно условій вступленія въ монастырь и постриженія въ монашество если и соблюдались строго при Петрѣ I, то только подъ давленіемъ на это исполненіе власти свѣтскаго правительства, понявшаго къ этому времени уже свои интересы и теперь только выступившаго на борьбу съ тѣми ненормальностями въ сферѣ монашеской жизни, которыя, вредя началамъ истинно монашеской жизни, въ то же время подрывали экономическія силы и самаго общества. Но здѣсь явилась другая крайность. Тотъ факторъ, который прежде не дѣйствовалъ и тѣмъ самымъ наносилъ вредъ и обществу и монашеству, теперь начинаетъ дѣйствовать почти исключительно въ свою пользу, нанося тѣмъ самымъ ущербъ правамъ монашества. Положимъ, такая постановка дѣла находитъ для себя объясненіе прежде всего въ личныхъ, субъективныхъ взглядахъ на монашество самого Петра I, но вмѣстѣ съ этимъ она вытекала и изъ общей тенденціи свѣтскаго правительства того времени по экономическимъ цѣлямъ вторгаться въ чужія сферы и нарушать права, не принадлежащія ему, а на первыхъ порахъ, когда жизнь того и другого вѣдомства не была еще строго опредѣлена въ своихъ границахъ и полномочіяхъ, то такое нарушеніе правъ со стороны свѣтскаго правительства могло происходить даже безотчетно. Въ этихъ особенныхъ обстоятельствахъ политики русскаго правительства начала 18 ст. и нужно искать объясненія для происхожденія тѣхъ постановленій и распоряженій, которыя, идя совершенно въ разрѣзъ съ самостоятельностью и независимостью существованія монашескаго института, въ то же время клонились къ ограниченію правъ монашеской общины на ея развитіе и даже существованіе.

Къ лицамъ, желающимъ вступить въ монашество, въ 18 и

19 ст. предъявлялись слѣдующія требованія. I. Опредѣленный возрастъ. „Не принимать въ монахи человѣка ниже тридесятаго году возраста“ [1]), говорилось въ Духовномъ Регламентѣ, каковое требованіе мотивировалось тѣмъ разсужденіемъ, что къ монашескому житію не довольно имѣть совершенный разумъ, но нужна еще извѣстная испытанность себѣ въ способности отрѣшиться отъ влеченій плоти, радостей и удовольствій міра. Для женщинъ возрастъ, въ которомъ разрѣшалось принимать постригъ, назначался minimum—40 лѣтъ. Въ указѣ отъ 8 іюня 1701 г. говорится: „буде которыя дѣвки похотятъ въ монашескій чинъ постричься, ихъ постригать въ 40 лѣтъ, а малолѣтнихъ не постригать“ [2]). По Духовному же Регламенту постриженіе женщинъ должно быть совершаемо не ранѣе 50-ти или 60-ти лѣтняго возраста [3]).

Каноническія требованія не устанавливаютъ какого нибудь опредѣленнаго возраста для пострига. По 40 правилу VI Всел. собора „намѣривающемуся вступить подъ иго монашества нужно имѣть не менѣе 10 лѣтъ, но отъ власти начальствующаго состоитъ разсмотрѣніе, не признаетъ-ли онъ за полезнѣйшее продолжить ему время предъ введеніемъ въ жизнь монашескую и утвержденіемъ въ оной“. Василій Великій для произнесенія монашескихъ обѣтовъ назначаетъ возрастъ 16—17 лѣтъ для дѣвицъ, потому что въ такомъ возрастѣ она можетъ уже сознательно отнестись къ выбору того или другого рода жизни [4]). По 140 же правилу Карѳагенскаго собора возрастомъ, при которомъ позволяется постриженіе, признается 25 лѣтній; но замѣчается въ томъ же правилѣ, если цѣломудрію дѣвы, напримѣръ, угрожаетъ опасность, то, по прошенію родителей, епископъ можетъ постричь и ранѣе 25 лѣтняго возраста. Общая идея этихъ каноническихъ постановленій относительно возраста вступленія въ монашество та, чтобы человѣкъ сознательно принималъ на себя монашескіе обѣты, напередъ испытывалъ себя въ возможности снести принимае-

[1]) П. С. П. и Расп. по вѣд. Пр. Исп. т. II, № 596, стр. 248, пр. I. Изд. 1872 г. С.-Петербургъ.

[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. IV, № 1856.

[3]) П. С. П. и Расп. т. II, № 596, стр. 252, пр. 42—43.

[4]) Правила Св. Отецъ съ толкован. Изд. Моск. Общ. Люб. Дух. Просв., стр. 227. Москва. 1884 г.

мый на себя подвигъ. Но въ то же время, не назначая всѣмъ опредѣленнаго возраста для постриженія, эти правила имѣли въ виду дать возможность лицамъ, желающимъ принять монашество, оградить себя отъ искушеній міра (пр. 140 Карѳ. соб) и „споспѣшествовать имъ не коснѣти долго, ниже колебатися, но поощрять ихъ къ избранію добра и ко утвержденію въ оном (4 опр. IV Всел. собора“). Съ этой точки зрѣнія установленіе опредѣленнаго возраста, а тѣмъ болѣе такая крайность въ этомъ отношеніи, какъ допущеніе женщинъ къ постригу не ранѣе 50-ти лѣтняго возраста, является новостью и находитъ для себя объясненіе въ стремленіи законодательства Петровскаго времени, такъ или иначе стѣснить поступленіе въ монашество и ограничить количественный составъ лицъ, ищущихъ монашеской жизни. Непонятнымъ можетъ показаться только одно въ данномъ отношеніи, именно: почему для лицъ мужескаго и женскаго пола не устанавливается единства въ возрастѣ при постриженіи въ монашество, но для мужчинъ допускается даже нѣкоторая привиллегія. Намъ думается, что и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, сказалось принципіалая точка зрѣнія на монашество самого Петра I. Если онъ вообще считалъ монашество учрежденіемъ практически мало пригоднымъ для современной ему жизни и если существованіе мужскихъ монастырей онъ допускалъ только потому, что послѣдніе все же служатъ разсадникомъ высшихъ іерархическихъ и административныхъ должностей, т. е., иначе сказать, имѣютъ нѣкоторое значеніе въ общей системѣ государственнаго и общественнаго управленія, то признавать монашество для женщинъ онъ могъ, только считаясь съ этимъ явленіемъ, какъ исторически авторизованнымъ, почему, уступая этому только соображенію, онъ разрѣшаетъ вступленіе въ монастырь и женщинамъ, но стѣсняетъ ихъ въ данномъ случаѣ, назначая почти старческій возрастъ для постриженія.

Вышеуказанный возрастъ для вступленія въ монашество признавался обязательнымъ и въ послѣдующее за Петромъ I время, такъ что когда при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ виду недостатка учителей-монаховъ, нѣкоторые епископы позволяли себѣ дѣлать исключеніе изъ общаго правила, постригая въ монахи лицъ, моложе установленнаго возраста, то Синодскимъ

указомъ отъ 29 октября 1733 г. было подтверждено, чтобы даже относительно лицъ съ богословскимъ образованіемъ, нужныхъ для занятія учительскихъ мѣстъ, не дѣлалось въ данномъ отношеніи никакихъ исключеній, и чтобы они ни коимъ образомъ не были постригаемы ниже 30 лѣтняго возраста [1]). Равнымъ образомъ и императрица Екатерина II, въ виду существовавшихъ въ церковной практикѣ случаевъ отступленія отъ требованій законодательства по данному вопросу, особеннымъ указомъ постановила: „строжайше наблюдать за тѣмъ, чтобы въ монастырь не были принимаемы дѣвки и женщины молодыя“ [2]). Однако, при императорѣ Николаѣ I, отъ котораго ведетъ свое начало и нынѣ дѣйствующее въ этомъ отношеніи право, для лицъ, окончившихъ курсъ богословскихъ наукъ и готовящихся къ учительскимъ должностямъ, вступленіе въ монашество разрѣшалось и въ 25 лѣтъ [3]); на практикѣ же оно совершалось иногда даже и ранѣе 25 лѣтняго возраста, по усмотрѣнію и съ разрѣшенія архіерея, и не вызывало никакихъ возраженій со стороны Св. Синода [4]). Постриженіе вдовыхъ священно-служителей разрѣшалось безъ особеннаго разбирательства лѣтъ; для всѣхъ же остальныхъ лицъ возрастъ вступленія въ монашество опредѣлялся для мужчинъ 30-ю лѣтами (не менѣе), а для женщинъ 40 (не менѣе) [5]). Въ данномъ случаѣ разница, сокращенная до 10 лѣтъ между возрастомъ, назначеннымъ для поступленія мужчинъ и женщинъ, не мотивированная ничѣмъ въ законодательствѣ, унаслѣдована, вѣроятно, отъ Петровскихъ временъ и явилась просто безотчетно, по соотвѣтствію съ прежнимъ законодательствомъ по данному пункту.

II. Предварительный искусъ. „Принявъ въ монастырь, не скоро постригати, но дати желающаго принять постриженіе честному и трезвенному старцу въ сожитіе и наблюденіе. И

---

[1]) 1-е П. С. З. Р. И т. IX, № 6504

[2]) 2-е П С З. Р. И. т XX, № 14773. Исключеніе въ этомъ отношеніи допускалось только примѣнительно къ монастырямъ Малороссіи, въ которыхъ, указомъ Елисаветы Петровны отъ 22 марта 1749 г, разрѣшалось постригать въ возрастѣ очень молодомъ, даже 17-ти лѣтъ. 1-е П С. З Р. И. т. XIII, № 9591.

[3]) 2-е П. С. З Р. И. т. VII, № 5399.

[4]) Обозрѣніе Цер. Гражд. Узак. по Дух. вѣд. Я. Ивановскаго, стр. 6, п. 5 примѣчаніе.

[5]) 2-е П. С. З. Р. И. т. VII, № 5399.

тако пребывати въ монастырѣ 3 лѣта неисходно въ кротости и трезвости“ [1]). Такое постановленіе покоилось на томъ вполнѣ справедливомъ основаніи, что истинно желающіе монашества всегда найдутъ въ себѣ достаточно терпѣнія и мужества духа перенести этотъ искусъ, лжеобѣщанники же и тунеядцы сразу обнаружатъ на этомъ искусѣ притворность своихъ стремленій. Само по себѣ это постановленіе съ канонической точки зрѣнія не вызываетъ никакихъ возраженій, ибо требованія 3 лѣтняго искуса для постригающихся и отдача желающаго постричься подъ руководство опытнаго старца, который является какъ бы воспріемникомъ, при вхожденіи человѣка въ новую жизнь, признается вполнѣ отвѣчающимъ духу истиннаго монашества. Съ требованіемъ для постригающихся 3 лѣтняго искуса мы встрѣчаемся въ 5 пр. Двукратнаго собора, бывшаго въ церкви св. апостолъ [2]), равнымъ образомъ въ законодательствѣ Ѳеодосія [3]) и Юстиніана: „во мнишеское житіе приходящихъ, неудобь вскорѣ постригати, но вси три лѣта да терпятъ въ монастыри, не сподобльшеся еще мнишескаго образа“ [4]). Вся разница только въ томъ, что соборныя требованія трехлѣтняго искуса не были безусловны, но ограничивались примѣнительно къ нравственному состоянію и другимъ обстоятельствамъ лица, принимающаго монашество, такъ что срокъ искуса, при благопріятныхъ для постригающагося лица условіяхъ, могъ быть сокращенъ до 6-ти мѣсяцевъ. Такое сокращеніе времени искуса могло быть производимо въ томъ случаѣ, если желающій постриженія былъ лично знакомъ постригающему, или же былъ мѣстный (по своему жительству и въ данномъ случаѣ относительно его поведенія и образа жизни могла быть наведена справка у мѣстнаго общества), „или егда увидитъ игуменъ намѣреніе добродѣтели ихъ и прилежанія“ [5]),

[1]) П. С. П. и Расп. т. II, № 596, стр. 249—250, п. II.

[2]) Кормчая. Изд. 1810 г., л. 153 обор пр. 5; Номоканонъ при Больш Треб, Изсл. Павлова, пр. 80.

[3]) Журн. Мин Н. Пр. 1850 г. ч. LXV. „Обозрѣніе Греко-римск. законовъ“, стр. 45.

[4]) Кормчая ч II, л. 6 обор. Извѣстно также, что въ монастырѣ Пахомія Великаго,—основателя общежитія монашескаго,—для формальнаго поступленія въ монашество требовался обязательно трехлѣтній искусъ (Странникъ 1872 г. кн. IV, стр. 165).

[5]) Номоканонъ при Б. Тр. Павлова, пр. 80.

такое сокращеніе срока для искуса возможно было и „мужеви говѣйну, иже въ мірѣ сый мнишески живетъ“, а также по случаю тяжелой болѣзни [1]).

Установленіе же для всѣхъ обязательнаго 3 лѣтняго искуса и особенно строгія требованія на счетъ исполненія этого постановленія, конечно, нисколько не мирятся съ духомъ изложенныхъ каноническихъ требованій, почему своимъ возникновеніемъ обязаны исключительно выгодному для Петра I стремленію къ ограниченію количественнаго роста лицъ, ищущихъ монашества.

Обязательность 3-лѣтняго искуса для желающихъ постричься въ монахи въ послѣдующее время потерпѣла нѣкоторое измѣненіе въ отношеніи только къ лицамъ получившимъ богословское образованіе, да къ овдовѣвшимъ священно-служителямъ; въ отношеніи же ко всѣмъ остальнымъ эта обязательность остается въ силѣ и по нынѣ дѣйствующему законодательству. Указомъ Св. Синода, въ царствованіе императрицы Екатерины I, дозволено было постричь въ монашество 14 студентовъ богословія, не подвергая ихъ трехлѣтнему искусу, но вмѣнивъ 12-ти лѣтнее обученіе въ школахъ за означенный искусъ [2]). Въ царствованіе Петра II было разрѣшено Смоленскому епископу Гедеону постригать въ монашество ученыхъ лицъ безъ строгаго исполненія 3-лѣтняго искуса [3]). Но такая уступка лицамъ съ богословскимъ образованіемъ дѣлалась изъ стремленія правительства привлечь ихъ къ служенію школьному дѣлу, именно, къ занятію учительскихъ должностей. Ограниченный окладъ жалованья въ то время учителю—міянину не привлекалъ образованныхъ лицъ къ труду на педагогическомъ поприщѣ; между тѣмъ какъ учительство, соединенное съ монашескимъ званіемъ, для многихъ было очень заманчиво, такъ какъ учитель монахъ, кромѣ жалованья, положеннаго по своей должности, пользовался еще содержаніемъ, положеннымъ ему спеціально, какъ монаху. Въ царствованіе императрицы Анны Іоановны, которое характеризуется въ отношеніи къ монашеству особенно точнымъ исполненіемъ за-

[1]) Кормчая, ч. I, стр. 153 обор., пр. 5.

[2]) П. С. П. и расп. по вѣд. Прав. Исповѣд. т. V, № 1490.

[3]) Ibidem, т. VI, № 2212.

вѣтовъ Петра I, снова и для лицъ съ богословскимъ образованіемъ 3 лѣтній искусъ явился обязательнымъ, хотя его и дозволено было для нихъ замѣнять 3 годовымъ учительствомъ въ школѣ [1]). Въ правленіе принцессы Анны—Брауншвейгъ Люнебургской, въ виду крайняго оскудѣнія монашества, явившагося результатомъ стѣснительныхъ постановленій относительно него всѣхъ предшествующихъ царствованій, Синодскимъ указомъ 26 мая 1741 года было разрѣшено сокращать срокъ 3 лѣтняго искуса для всякаго желающаго постричься до 6-ти мѣсяцевъ, принимая во вниманіе при назначеніи времени искуса указанное уже нами 5 пр. Двукратнаго собора и 80 пр. Номоканона, или основываясь при этомъ на удостовѣреніи „отъ честныхъ и вѣроятія достойныхъ людей“ (въ формѣ свидѣтельствъ съ приложеніемъ рукъ), что ищущіе постриженія и въ мірѣ проводили добропорядучную жизнь [2]). При Екатеринѣ II, которая весьма сочувствовала политикѣ Петра I въ отношеніи къ монашеству, эта льгота была уничтожена и постриженіе въ монашество производилось съ строгимъ соблюденіемъ предписаній Духовнаго Регламента [3]). Высочайше утвержденными 29 мая 1832 г. императоромъ Николаемъ I правилами относительно принятія въ монастырь и постриженія въ монашество изъ послушническаго 3 лѣтняго искуса, который указуется въ Духовномъ Регламентѣ, были сдѣланы исключенія, именно: 1) для тѣхъ, которые совершили въ духовныхъ училищахъ курсъ богословскаго ученія съ отличнымъ ободреніемъ въ поведеніи, вмѣсто 3 лѣтняго искуса, могло быть вмѣнено время постояннаго пребыванія ихъ подъ надзоромъ и нравственнымъ руководствомъ духовнаго училищнаго начальства, 2) для вдовыхъ священно-служителей, достаточно ободряемыхъ въ поведеніи по сей службѣ, 3 лѣтній искусъ также отмѣняется [4]). Съ такимъ рѣшеніемъ этотъ вопросъ остается и въ нынѣ дѣйствующемъ правѣ [5]).

Что же касается „старцевъ“, которымъ поступающіе въ мо-

---

[1]) 1-е П. С. З. Р И. т. IX, № 6504.

[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XI, № 8382.

[3]) Ibid., т. XVI, № 12934.

[4]) 2-е П. С. З. Р. И. т. VII, № 5399.

[5]) „Законы о состоніяхъ“ Я Конторовичъ ст. 219—20. С.-Пет. 1901 г.

настырь по Духовному Регламенту были отдаваемы подъ начало и во все время искуса пользовались ихъ духовной опытностью, а при окончаніи установленнаго времени для искуса являлись свидѣтелями ихъ нравственной подготовленности къ вступленію въ монашество [1]), то согласованность этого требованія съ каноническими правилами нетрудно показать. Въ 79 прав. Номоканона говорится: „аще кто дерзнетъ постриши монаха безъ пріимца, стрѣчь безъ старца, да извержется“ [2]), а во второмъ правилѣ Двукратнаго собора читаемъ: „отвюдь никого не сподобляти монашескаго образа, безъ присутствованія при семъ лица, долженствующаго пріяти его къ себѣ въ послушаніе и имѣти надъ нимъ начальство и воспріяти попеченіе о душевномъ его спасеніи“. Значеніе этихъ старцевъ съ канонической точки зрѣнія опредѣлялось, съ одной стороны, ихъ духовнымъ руководствомъ лица, вступающаго подъ иго монашества, а съ другой стороны, ихъ контролирующимъ значеніемъ, ибо при такой постановкѣ дѣла исключалась возможность притворнаго принятія монашества, когда, по свидѣтельству Двукратнаго собора, въ монашество поступаютъ „не ради того, да въ чистотѣ послужатъ Богу, но ради того, да отъ чтимаго одѣянія воспріимутъ славу благочестія и тѣмъ обрящутъ безпрепятственное наслажденіе своими удовольствіями; ибо таковые отринувъ одни свои власы, остаются въ своихъ домахъ, не исполняя никакого монашескаго послѣдованія или устава“ [3]). Въ отвѣтахъ Никиты Ираклійскаго говорится, что необходимость въ старцахъ, которые могли быть свидѣтелями при постриженіи вызывалась случаями „бывающаго потомъ ради распрѣнія, аще воистину бысть постриженіе, или не бысть, видѣ бо нѣкія, не слухомъ, по искушеніемъ навыкъ, яко и постригшеся: отвергашася постриженія и яко мирстіи человѣцы пребываху, и не бѣ кто обличая ихъ“ [4]). И по нынѣ дѣйствующему праву требуется, „чтобы для ближайшаго духовнаго руководства и частаго испытанія и очищенія совѣсти, каждый изъ братіи былъ въ постоянномъ сношеніи со стар-

[1]) П. С. П. и расп. т. II, № 596, пр. 12, ст. 250.

[2]) „Номоканонъ при Б. Тр.“ Павлова. Пр. 79, стр. 205.

[3]) Двукрат. соб. пр. 2.

[4]) Кормчая, ч. II, л. 182 обор., гл. 54.

цемъ, которому ввѣренъ при постриженіи или при вступленіи въ монастырь, или съ общимъ въ монастырѣ духовникомъ“ [1]).

III. Свободное и непринужденное желаніе вступить въ монашество. „Вошло въ обычай, говорится въ Духовномъ Регламентѣ, что родители малыхъ сыновъ своихъ, еще прежде довольнаго ихъ разсужденія, обѣщаваютъ въ монахи, а потомъ возрастныхъ увѣщаваютъ, или понуждаютъ стрищися въ монашество, воспоминая имъ обѣщаніе свое и не попуская женитися. Тако обѣщанныхъ и принуждаемыхъ не постригати и не пріимати“ [2]). Точно также относительно овдовѣвшихъ іереевъ и діаконовъ, которымъ прежде отказывали отъ мѣстѣ ихъ служенія и насильно постригали въ монашество [3]), говорится: „какъ таковый изречетъ предъ Богомъ обѣщаніе, что онъ не отъ нужды въ чинъ монашескій идетъ? Что же еще когда онъ и не ощущаетъ въ себѣ дарованія сего и весьма того не хотѣлъ бы? Понуждать не надобно, а въ самовластномъ произволеніи со искушеніемъ постригать мощно“ [4]). За насильственное же постриженіе виновные подвергались суду въ Духовной дикастеріи [5]). Такія постановленія вполнѣ оправдываются съ точки зрѣнія истиннаго взгляда на монашество, по которому монашество, какъ подвигъ, доступный немногимъ, имѣетъ цѣну и значеніе только въ томъ единственномъ случаѣ, когда основывается на внутреннемъ свободномъ самоопредѣленіи человѣческой личности къ самоотреченію, самопожертвованію, а не на внѣшнихъ принудительныхъ вліяніяхъ. Въ духовной жизни человѣка, желающаго посвятить себя монашеству,—свобода выбора есть первый и необходимый моментъ, условливающій собою, какъ истинность его намѣреній относительно принятія монашества, такъ ихъ твердость и непоколебимость. Вотъ почему и каноническія правила требуютъ отъ постригающагося въ монашество прежде всего свободнаго и непринужденнаго желанія къ избираемому роду жизни; въ частности родителямъ, касательно ихъ дѣтей запо-

[1]) Инструкц. Благоч. монаст. § 13, Сборникъ Церковно-Гражд. Постанов. Т. Борисова, т. I, 1885 г. Прилож. къ ст. 643, стр. XLV.

[2]) П. С. П. и Расп.. т. II, № 596, п. 9.

[3]) П. С. П. и Расп. т. III, № 973.

[4]) Духовный Регламентъ изд. 1823 г., стр. 194, пр. 30, или П. С. П. и Расп. № 596, т. II, стр. 248, пр. 30.

[5]) П. С. П. и Расп... т. IV, № 1341.

вѣдуютъ: „да никтоже отъ родителей дерзнетъ препинати чадомъ своимъ приходящымъ къ монашескому житію или оттерзати отъ монастыря, или сего ради отчуждати ихъ наслѣдія. Аще же кто обличится сіе сотворити, да будетъ отлученъ отъ церкве, дондеже покается“ [1]). Въ законодательствѣ 18 и 19 ст. по этому вопросу разногласій никогда не было и фактъ насильственнаго постриженія, помимо того, что не признавался никогда дѣйствительнымъ съ канонической точки зрѣнія, вызывалъ собою очень часто судебный процессъ и разсматривался какъ преступленіе, которое сопровождалось извѣстнымъ наказаніемъ. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе императрицы Екатерины I, по дѣлу о насильственномъ постриженіи нѣкіимъ —Максимомъ Пархомовымъ своей жены Ирины въ дѣвичій монастырь, Св. Синодъ постановилъ: „насильственное постриженіе мужемъ своей жены, безъ указа епархіальнаго архіерея, освобождаетъ жену отъ монашества, такъ что она снова можетъ вступить въ супружескія отношенія къ мужу, не обращая вниманія, что мужъ повѣнчанъ на другой женѣ“ [2]). При императрицѣ Аннѣ Іоановнѣ именнымъ указомъ 1733 г., даннымъ оберъ-гофмейстеру Салтыкову, за насильственное постриженіе Алексѣемъ Милютинымъ своей жены, повелѣно было оштрафовать его на 500 рублей [3]). Въ царствованіе императрицы Екатерины II въ цѣляхъ контроля за правильнымъ порядкомъ постриженія было установлено, чтобы при постриженіи въ монашество, кромѣ духовнаго отца или старца, въ качествѣ свидѣтелей о свободномъ, ненасильственномъ постриженіи извѣстнаго лица, участвовали и свѣтскія персоны, по своему положенію въ обществѣ пользующіяся довѣріемъ [4]).

Въ нынѣ дѣйствующемъ законодательствѣ принужденіе къ монашескимъ обѣтамъ разсматривается въ нашихъ уголовныхъ законахъ, какъ преступленіе sui generis [5]), а обреченныхъ въ монашество родителями въ малолѣтствѣ, если по достиженіи надлежащаго возраста они сами добровольно не пожелаютъ принять его, запрещается постригать [6]).

---

[1]) „Номоканонъ“... пр. 82, Кормчая ч. II, л. 22 и 39 об., Зак. Юстиніана.
[2]) П. С. П. и Расп... т. V, № 1872. [3]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VIII, № 6039.
[4]) П С З. Р. И. т. XVI, № 12234. [5]) Уложен. о наказ. ст. 1586 и 1599.
[6]) „Законы о состояніяхъ“. Я. Канторовичъ, стр. 222, ст. 413, пр. 2. (См. Зак. IX, ст. 347.

IV. Четвертымъ условіемъ для безпрепятственнаго поступленія въ монашество требовалась свобода отъ семейныхъ и общественныхъ обязанностей и отношеній, несовмѣстимыхъ съ монашествомъ. Этотъ пунктъ съ начала 18 ст. привлекалъ къ себѣ особенное вниманіе и особенно строго соблюдался въ виду пробудившагося въ общественномъ организмѣ стремленія къ защитѣ соціальныхъ интересовъ. Для отвращенія злоупотребленій въ правахъ монашества, клонящихся къ нарушенію общественныхъ интересовъ, обращалось особенное вниманіе на причины, побуждавшія разныхъ лицъ поступать въ монастырь, и не позволялось принимать въ монастырь всѣхъ лицъ безъ контроля ихъ отношеній къ семейной, общественной и государственной жизни. По Духовному Регламенту, запрещалось принимать въ монашество: а) мужа, при живой женѣ: „обычай бо есть, что мужъ съ женою взаимное согласіе творятъ, чтобы мужъ въ монахи постригся, а жена бы свободна была пойти за иного. Сей разводъ противенъ слову Божію. И мужъ съ женою не должны разводиться самовольно, а съ разрѣшенія епархіальнаго епископа, по предварительномъ донесеніи Св. Синоду“ [1]). Основанія, которыя лежали въ существѣ этого постановленія, крылись въ каноническомъ воззрѣніи на бракъ, какъ на нѣчто такое, что органически соединяетъ двухъ существъ, такъ что оставленіе однимъ другого должно быть совершаемо только по взаимному согласію на то, или „развѣ словесе прелюбодѣйна“, причемъ въ первомъ случаѣ мужъ и жена должны были оставаться одинокими, т. е., не вступать въ бракъ съ другими лицами. Въ 115 пр. Карѳагенскаго собора читаемъ: „да по евангельскому и апостольскому ученію, ни оставленный женою, ни отпущенная мужемъ, не сочетаваются съ другимъ лицемъ, но или тако пребываютъ или да примирятся между собою. Потребно есть просити, да будетъ изданъ о семъ царскій законъ“ [2]). На соборѣ 1667 г. было постановлено: „не постригать младыхъ людей, женатыхъ, ниже здравыхъ, кія бѣгутъ отъ женъ своихъ безъ согласія женъ и родителей“ [3]).

[1]) П. С. П. и Расп. т. № 596, пр. 4, стр. 248—249.

[2]) Та же самая мысль заключается въ 9 пр. Вас. Вел., въ Кормч ч. I, л. 109, пр. 102 (хотя въ *сборникѣ* правилъ послѣдняго нѣтъ)

[3]) 1-е П. С. З. Р. И. т. I, № 412 ,стр. 700, ст. 3.

„А ежели бы, говорится въ Духовномъ Регламентѣ, мужъ и жена взаимнымъ соизволеніемъ поволили принять чинъ монашескій, и тогда, кромѣ иныхъ обстоятельствъ, смотрѣть на лѣта жены, прошло ли ей 50 или 60 и имѣютъ ли дѣтей и какъ ихъ оставляютъ“ [1]). Общая точка зрѣнія, которая служитъ объясненіемъ къ происхожденію этого и другихъ постановленій и которая была вполнѣ согласна съ духомъ каноническихъ требованій, состояла въ томъ, чтобы не допускать до принятія монашества лицъ, связанныхъ въ своей жизни какими нибудь узами, налагающими на нихъ какія либо обязанности по отношенію къ другимъ. Послѣдующее за Петромъ I законодательство, до настоящаго времени, въ рѣшеніи дѣлъ относительно постриженія въ монашество лица, связаннаго супружескими узами, всегда держалось той же канонической точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, въ 1728 г. въ царствованіе императора Петра II дозволено было постричься въ монашество нѣкоему Василію Ершову, при живой его женѣ, по прошенію на Высочайшее имя, но съ условіемъ предварительнаго истребованія отъ жены письменнаго извѣстія объ увольненіи ею мужа отъ супружества для поступленія въ монашество и объ отказѣ ея продолжать супружескую жизнь [2]); въ 1729 г. дозволено было постричься въ монашество бывшей въ замужествѣ княгинѣ Евдокіи, „вслѣдствіе неисцѣльной болѣзни и съ согласія ея мужа, не могущаго вступать съ нею въ супружескія отношенія [3]). По такимъ же основаніямъ могло быть совершаемо постриженіе мужа при живой женѣ и обратно и въ царствованіе Анны Іоанновны. Такъ въ 1730 г. разрѣшено было вступить въ монашество одному женатому мірянину, вслѣдствіе изъявленнаго на это согласія его жены, обязавшейся не выходить замужъ послѣ постриженія ея мужа [4]). По нынѣ дѣйствующему законодательству запрещается принимать въ монашество мужа при живой женѣ, законно съ нимъ не разведенной; когда же пожелаютъ постричься оба супруга, по взаимному согласію, то обращается вниманіе на то:—не имѣ-

[1]) П. С. П. и Расп. т. II, № 596, п. 5.
[2]) П. С. П. и Расп. т. VI, № 2158.
[3]) Ibid. т. VI, № 2226.
[4]) П. С. П. и Расп... т. VII, № 2432.

ютъ ли они дѣтей малолѣтнихъ и требующихъ родительскаго призрѣнія, и имѣютъ ли лѣта узаконенныя для пострига [1]). Практикой церковной установлено совершать постриженіе супруговъ, вступающихъ въ монашество по взаимному согласію, въ одинъ день [2]).

б) Духовнымъ Регламентомъ запрещалось постригать въ монашество воина, состоящаго въ военной службѣ, до увольненія, „ибо явно, что тотъ не съ намѣреніемъ монашества приходитъ, но и грѣшитъ вельми, бѣгая отъ службы своея. Сіе бо есть явное преслушаніе повелѣнія верховныя власти и вредъ наноситъ всему государству“ [3]). Параллельное сему постановленіе мы встрѣчаемъ и въ Византійскомъ законодательствѣ: Маврикій воспретилъ принимать въ монастыри должностныхъ лицъ и воиновъ, не отслужившихъ срока. Но это постановленіе было отмѣнено потомъ, въ виду протеста со стороны папы Григорія Великаго [4]).

Указанное Петровское законодательство въ отношеніи къ лицамъ, состоящимъ на военной службѣ, сохраняетъ свою силу и до нынѣ. Въ XIX ст. возникъ только вопросъ объ ополченцахъ и зачисленныхъ въ запасъ. Въ виду недоумѣнія многихъ преосвященныхъ при ихъ принятіи въ монастыри и постриженіи въ монашество, Св. Синодъ указомъ 11-го іюля 1886 г. разъяснилъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: „ополченцевъ принимать въ монастырь и постригать, такъ какъ они имѣютъ право свободно располагать своею судьбою и посвящать себя какому угодно поприщу; что же касается зачисленныхъ въ запасъ, то въ случаѣ надобности ихъ постричь обращаться въ данномъ случаѣ каждый разъ за разрѣшеніемъ къ Св. Синоду“ [5]).

в) Запрещалось принимать въ монастырь и постригать въ монашество крестьянъ безъ отпускного письма отъ помѣщика [6]), „приказныхъ безъ отпускного вида отъ губернатора,

[1]) „Зак. о сост.“ Канторовича, ст. 413, п. I, стр. 221.

[2]) „Обозр. цер.-гражд. узак.“ Ивановскаго, стр. 7, прим. I.

[3]) П. С. П. и Расп... т. II, № 596, п. 2.

[4]) Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, букв М., стр. 723.

[5]) „Циркул. Указ. Св. Прав. Синода“ 1867—1900. А. Завьяловъ. Изд. 2-е, С.-Пет., 1901 г., Указъ 1886 г. № 16.

[6]) П. С. П. и Расп... т. II, № 596, п. 3.

или воеводы, или отъ архіерея, или отъ монастыря съ прописаніемъ руки ихъ, и со свидѣтельствомъ, что они свободны отъ дѣла приказнаго“ [1]). Тѣ же самыя постановленія были сдѣланы еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, причемъ къ нимъ была присоединена слѣдующая мотивировка: „понеже умножится бѣглыхъ изъ рабства и изъ крестьянства становитися въ попы и во діаконы не священства ради и постригаются не душевнаго ради спасенія, но не хотя въ рабѣхъ, а крестьяне во крестьянствѣ быти“ [2]). Въ 4 правилѣ Халкидонскаго собора мы находимъ постановленіе, по которому въ монастырь „не долженъ приниматься никакой рабъ безъ воли господина своего“ [3]). Въ этомъ правилѣ можно видѣть выраженіе общей канонической точки зрѣнія, по вопросу объ отношеніи личныхъ правъ намѣревающагося принять постриженіе къ правамъ другого лица или общества. Именно, если желающій постричься въ монашество находится въ какой либо зависимости отъ частнаго лица или отъ общества, и если произвольный разрывъ этой зависимости (правовой) способенъ нарушить права другого лица, то, чтобы постриженіе было законнымъ, требовалось обязательно согласіе на это того лица, отъ котораго онъ зависитъ. Въ 1740 г. въ правленіе принцессы Анны Брауншвейгъ Люнебургской было постановлено: 1) постригать въ монашество изъ разночинцевъ, которые отъ командъ своихъ вольные паспорты имѣютъ и никакими дѣлами не обязаны, 2) изъ помѣщичьихъ людей и крестьянъ со свободными отпускными за помѣщичьею рукою, въ которыхъ бы именно написано было, что они отпущены для постриженія“ [4]). При Екатеринѣ II подтверждено было запрещеніе постригать въ монахи лицъ, не уволенныхъ изъ податного состоянія [5]), а относительно лицъ, постригшихся безъ увольнительныхъ видовъ отъ ихъ начальства, или подлежащаго вѣдомства, было приказано, чтобы всѣхъ таковыхъ, если бы даже онѝ во іеромонахи или іеродіаконы были посвящены, лишать священнаго и монаше-

[1]) Ibid, т. II, № 596, п. 8.
[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. I, № 412, гл. VII, отвѣтъ 704 стр.
[3]) Кормчая л. 66 обор., п. 4.
[4]) 1-е П С. З. Р. И. т. XI, № 8303.
[5]) Ibid., т. XVII, № 12573.

скаго сана и отсылать на прежнія мѣста жительства, если они не представятъ увольнительныхъ свидѣтельствъ [1]). По нынѣ дѣйствующему законодательству, желающими постричься въ монашество, должны быть предъявлены: служащими—увольненіе ихъ начальства, а сельскими обывателями и прочими лицами бывшаго податного состоянія—увольненіе отъ общества и свидѣтельство о согласіи на то Казенной Палаты, каковыя учрежденія обязаны выдавать таковымъ лицамъ увольнительныя свидѣтельства, если къ тому не встрѣчается препятствій съ ихъ стороны, не обращая вниманія на возрастъ просителя и другія обстоятельства, подлежащія уже вѣдѣнію духовнаго правительства. Окончательное рѣшеніе дѣлъ объ увольненіи въ монашество лицъ бывшаго податного состоянія предоставлено губернатору [2]).

г) Кромѣ того, въ Духовномъ Регламентѣ предписывается „смотрѣть прилежно о приходящихъ въ монахи, не обязаны ли они долгами, не бѣгаютъ ли отъ суда за воровство, нѣтъ ли за ними дѣла государева и симъ подобная, таковіи бо не каятися, но спрятатися ищутъ и великую бѣду на монастырь наволакиваютъ. Дабы сего не было, не принимать въ монахи изъ иной епархіи приходящаго и людемъ честнымъ неизвѣстнаго“ [3]). И это постановленіе, какъ всѣ другія, своимъ содержаніемъ преслѣдуетъ съ одной стороны интересы общества, а съ другой—интересы самого монашества. По законамъ Юстиніана, если прежде чѣмъ исполнится 3 лѣтніе искусъ, требуемый отъ всякаго постригающагося, за рабомъ явится въ монастырь господинъ и обвинитъ его въ воровствѣ и разныхъ винахъ, ради которыхъ онъ и ушелъ въ монастырь, то господинъ, доказавши это, имѣетъ право взять обратно раба и имущество, внесенное имъ въ монастырь, а послѣдній не имѣетъ основаній удерживать раба [4]). Въ нашемъ законодательствѣ этотъ пунктъ Духовнаго Регламента остается безъ измѣненія, ибо также не позволяется принимать и постригать въ монашество лицъ, обремененныхъ долгами и состоящихъ подъ судомъ [5]), и только запрещеніе

[1]) 1 е П. С. 3 Р. Имперіи, т. XIX, №№ 13405, 13453, 13752.

[2]) „Зак. о состоян.“ Конторовича, ст. 411, стр. 220, С.-Пет., изд. 1901 г.

[3]) П. С. П. и Расп.... т. II, № 596, п. 7, стр. 294.

[4]) Кормчая, ч. II, л. 6 обор.

[5]) „Зак. о сост.“ Конторовича, л. 222, ст. 413, п. 3.

Петровскаго времени о „непринятіи въ монастырь изъ чужой епархіи и людемъ честнымъ неизвѣстнаго“ отжило свой вѣкъ, какъ средство, лишенное въ себѣ силы къ достиженію цѣлей, которыми оно было вызвано, за установленіемъ къ тому болѣе вѣрнаго и прямого пути.

д) Наконецъ запрещается постригать въ монашество ради вкладовъ: „бездѣльный же и тщетный сей обычай есть: дастъ нѣкто нѣсколько рублевъ вкладу въ монастырѣ, одолжая тако монастырь, чтобъ его, когда онъ похощетъ, принять въ монахи. И тогда онъ входитъ въ монастырь, какъ бы въ свою вотчину и за вкладъ свой, аки за долгъ нѣкій, угодія въ монастырѣ ищетъ и отъ настоятеля съ роптаніемъ истязуетъ; и уже мнѣніе у многихъ есть, что таковаго нельзя не приняти въ монахи. Отселѣ вкладовъ и вкладчиковъ таковыхъ не принимать“ [1]). „Аще же (послушникъ) какій вкладъ похощетъ дати въ монастырь, не принимати у него, развѣ по 3 лѣтнемъ искушеніи и то такъ, чтобъ подписался, что онъ никаковаго чрезъ тое подаяніе не ищетъ преимущества и хвалитися имъ и того выговаривати настоятелю и братіи, но и вспоминати не будетъ и весьма уничтожаетъ, какъ бы не далъ ничего“ [2]). Такія постановленія имѣли цѣлью уничтожить широко развитую въ 17 ст. практику принимать въ монашество за вклады. Практика эта оказывала, конечно, деморализующее вліяніе на монашескую общину и въ существѣ дѣла походила на симонію, которая строго запрещалась соборными правилами: „иже злата ради пріемляй во священническій чинъ, или во мнишеское житіе, епископъ убо, или игуменъ, или всякъ священническаго убо чина или да престанетъ отъ того, или да изверженъ буде (19 прав. 7 Всел. соб.)“ [3]), а по второму правилу Халкидонскаго собора „монашествующіе за мздопріятіе предаются анаѳемѣ“. Указанная практика постригать въ монашество за вклады была унаслѣдована Россіею, можетъ быть, еще отъ Византіи, гдѣ, какъ извѣстно, отъ поступающаго въ монашество требовалось внесеніе извѣстной суммы „вклада“ деньгами или же другимъ иму-

[1]) П. С. П. и Расп. т. II, № 596, п. 10, стр. 249.

[2]) Ibidem. т. II, № 596, п. 16, стр. 250.

[3]) Кормчая, л. 151, пр. 19, 7. Всел. соб.

ществомъ. Только лица, внесшія вкладъ, считались дѣйствительными членами монашеской общины, такъ что принятые безъ вклада, „Бога ради", не принимали почти никакого участія въ монастырской жизни. Въ виду пресѣченія подобнаго рода практики еще Стоглавый соборъ предписалъ принимать въ монастыри и „безъ вклада, приходящихъ съ вѣрою и страхомъ Божіимъ" [1]). Въ царствованіе Петра II, по указу Его Императорскаго Величества, Св. Синодъ приказалъ, „чтобы въ дѣвичьихъ монастыряхъ обрѣтающихся вкладчицъ, жительство имѣющихъ не мало время и весьма престарѣлыхъ и монашескаго чина желающихъ, ежели достойны явятся и правиламъ святымъ и Духовному Регламенту и состоявшимся о томъ указамъ противности не будетъ и никакого порока и подозрѣнія за тѣми просители не покажется—на убылыя мѣста въ монашество постригать" [2]), а указомъ 1728 г. разрѣшалось постригать солдатскихъ вдовъ „по церковному уставу и по монастырскому чину *„безвкладно"* [3]). Въ дальнѣйшей своей исторіи приведенное постановленіе Петровскаго времени о непостриженіи въ монашество за вклады не могло имѣть практическаго значенія въ силу того, съ одной стороны, что вообще условія поступленія въ монашество, соблюдавшіяся очень строго, исключали собою возможность принятія въ монастырь только за вклады, а съ другой стороны, въ виду общей тенденціи государства къ ограниченію владѣльческихъ правъ монастырей и строгому наблюденію за ихъ матеріальнымъ состояніемъ, и имущественныя права самихъ лицъ, вступающихъ въ монашество, были строго опредѣлены, въ связи съ чѣмъ вопросъ о постриженіи за вклады въ дальнѣйшей своей исторіи переродился въ вопросъ: что дѣлать съ имуществомъ лицъ, желающихъ постричься въ монашество, каковой вопросъ будетъ нами разъясненъ въ другомъ мѣстѣ.

Но строгія требованія Петровскаго законодательства относительно монашества не всегда имѣли канонический характеръ. Нѣкоторыя изъ нихъ, явившіяся подъ давленіемъ интересовъ

[1]) Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, бук. М., стр. 726.

[2]) П. С. П. и Расп.. т. VI, № 2205, подтвержденіе этого указа въ 1729 г. 10 марта, № 2261.

[3]) Ibid. т. VI, № 2168

чисто государственныхъ, переходили каноническія границы и если имѣли какой либо смыслъ, то только съ точки зрѣнія условной, поскольку отвѣчали духу времени и его запросамъ. Такъ, напримѣръ, Петровское законодательство запрещало постригать въ монахи неграмотныхъ [1]) (развѣ только по именному Высочайшему и Синодальному опредѣленію), имѣя въ виду, конечно, такимъ путемъ достигнуть сокращенія количества монашествующихъ; при почти общей безграмотности русскаго народа тогдашняго времени мѣра эта была равносильна положительному запрещенію всѣмъ вступать въ монашество, каковое запрещеніе при Петрѣ I и состоялось указомъ отъ 28 января 1723 г., въ которомъ повелѣвалось: „въ Синодальной области и въ архіерейскихъ епархіяхъ во всѣхъ монастыряхъ впредь отнюдь никого не постригать“ [2]). Въ указѣ 1826 г. 24 августа (при императрицѣ Екатеринѣ I), мы встрѣчаемъ и мотивировку къ этому постановленію: „вина того непостриганія объявлена, чтобъ вмѣсто того, гдѣ быть вновь монахомъ, опредѣлять на пропитаніе отставныхъ солдатъ“ [3]). Но въ виду того, что такая мѣра грозила окончательнымъ исчезновеніемъ монашеству, которое съ практической точки зрѣнія признавалось все же необходимымъ, указомъ отъ 5 февраля 1724 г. разрѣшалось „въ монастыри только изъ священниковъ и діаконовъ вдовыхъ желающихъ монашества, ежели нужда будетъ въ монастыряхъ для исправленія божественнаго священнослуженія, съ благословенія архіерея принимать и таковыхъ постригать“ [4]), а въ царствованіе Петра II разрѣшалось постригать въ монашество, кромѣ того,—солдатскихъ престарѣлыхъ вдовъ и желающихъ изъ отставныхъ солдатъ, которые съ смотровъ отсылаются для пропитанія въ монастыри [5]). Однако подобныя распоряженія мало увеличивали контингентъ монашествующихъ. Въ указѣ отъ 13 ноября 1727 года говорилось, что вслѣдствіе ограничительныхъ постановленій въ отношеніи къ лицамъ, имѣющимъ право поступать въ монастырь, мона-

[1]) П. С. П. и Расп. т. II, № 596, п. 3
[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, № 4151; П. С. П. и Расп. т. VI, 2076.
[3]) П. С. П. и Расп... т. V, № 1828.
[4]) П. С. П. и Расп... т. VI, № 2076.
[5]) Ibid. т. VI, № 2237 и 2168.

шество оскудѣло въ своихъ членахъ до того, что некому совершать богослуженія и отправлять низшихъ работъ, поэтому Св. Синодъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи постриженія всякому подданному, кромѣ тѣхъ, которымъ указами запрещается[1]). И только въ 1740 г., въ правленіе принцессы Анны Брауншвейгъ Люнебургской, на докладъ Св. Синода о томъ, что „изъ отставныхъ солдатъ и вдовыхъ священниковъ и діаконовъ къ постриженію желателей почти никого не является“, почему многія церкви стоятъ безъ отправленія въ нихъ богослуженія, въ школахъ же, за отсутствіемъ ученыхъ монаховъ, нѣтъ учителей, а хозяйство монастырское за недостаткомъ монашествующихъ приходитъ въ упадокъ, Высочайшей резолюціей было разрѣшено: „для снабдѣнія монастырей монахами, а школъ учителями постригать въ монашество изъ слѣдующихъ чиновъ, кои пожелаютъ: 1) изъ священнаго чина, 2) изъ церковниковъ—служащихъ, 3) изъ разночинцевъ, 4) изъ помѣщичьихъ людей и крестьянъ и 5) изъ семинаристовъ [2]). Въ царствованіе Анны Іоанновны общая политика Петровскаго времени, относительно лицъ, имѣющихъ право вступить въ монашество продолжалась, потому что, какъ видно изъ одного указа, въ ея царствованіе постриженіе мірскихъ человѣкъ въ монастыри для исправленія монастырскихъ требъ разрѣшалось только какъ исключеніе [3]). Общая же политика ея царствованія въ отношеніи къ монашеству выражается въ указѣ отъ 10 іюня 1734 г., подтверждающемъ всѣ прежніе указы, по которымъ „кромѣ вдовыхъ священникъ и діаконъ и отставныхъ солдатъ въ монахи никого не постригать“ [4]). Со времени царствованія Елизаветы Петровны, указанныя нами ограниченія, въ отношеніи къ лицамъ вступающимъ въ монастырь, исчезли. Въ Высочайшемъ указѣ отъ 6 сентября 1761 г. объ этомъ говорилось слѣдующее: „небезъизвѣстно Ея Императорскому Величеству, что съ 1749 г. по 1761 г. постриженіе въ монашество было оставлено, съ тою цѣлію, чтобъ годные въ службу и мужья отъ живыхъ женъ и обратно, также несво-

---

[1]) П. С. П. и Расп... т. VI, № 2076.
[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XI, № 8303.
[3]) П. С. П. и Расп. т. VII, № 2433.
[4]) 1-е П. С. З. Р. И. т. IX, № 6585.

бодные малолѣтніе, по принужденію родителей и другихъ родственниковъ постригаемы не были; въ настоящее же время разрѣшается всякаго чина какъ изъ Великороссіи, такъ и Малороссіи вдовъ и дѣвицъ и мужскъ полъ, которые вышеозначенныхъ препятствій не имѣютъ, въ монашество постригать, если пожелаютъ“ [1]). Но въ царствованіе Петра III, въ указѣ отъ 21 марта 1762 г. Петровскій указъ о „непостриженіи въ монастырь никого, безъ особливыхъ на то именныхъ указовъ, подтверждался снова, съ тою только разницею, что дѣйствіе этого указа распространялось теперь не только на Великороссію, какъ прежде, но и Малороссію [2]). Равнымъ образомъ и въ началѣ царствованія Екатерины II, по соображеніямъ чисто экономическимъ, былъ изданъ указъ, которымъ повелѣвалось, „чтобы впредь изъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ, какъ въ монахи постригаемы, такъ въ духовные и церковные чины посвящаемы въ противность указовъ отнюдь не были“ [3]). И только уже со времени введенія штатовъ монастырей и секуляризаціи церковныхъ имуществъ, дозволеніе „всякому чину“ [4]) искать монашества закрѣпилось навсегда, почему и по нынѣ дѣйствующему праву въ монашество могутъ вступать совершенолѣтнія лица всѣхъ сословій православнаго исповѣданія; причемъ желающій поступить въ монастырь долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ частныхъ и общественныхъ обязанностей [5]).

Для того, чтобы оттѣнить съ канонической точки зрѣнія суть историческаго процесса постоянныхъ видоизмѣненій въ рѣшеніи разбираемаго нами вопроса, достаточно привести 43 правила 6 Вселенскаго собора: „понеже убо монашеское житіе изображаетъ намъ жизнь покаянія, то искренно примѣняющагося къ оному одобраемъ, и никакой прежній образъ жизни не воспрепятствуетъ ему исполнити свое намѣреніе“; иначе сказать;—для вступленія въ монашество соборнымъ правиломъ не требуется какихъ либо умственныхъ и нравствен-

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XV, № 11332.

[2]) Ibid. т. XV, № 11481.

[3]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVII, № 12573.

[4]) Ibid т XVI, № 12060; прил. подъ литер. С, п. 8; т. XIX, № 13405.

[5]) Обозрѣн Церков.-Гражд. Узаконеній по Духов. вѣд. Я. Ивановскаго, стр. 4, п. 1, изд. 1900 г.

ныхъ качествъ, почему постригаться въ монашество имѣетъ право всякій, кто свободенъ, конечно отъ обязанностей и условій, препятствующихъ исполненію его намѣренія. Вотъ почему такія постановленія русскаго законодательства 18 и 19 ст., какъ то:—запрещеніе постригать въ монашество неграмотныхъ, или требованіе не постригать совсѣмъ никого, являются съ этой точки зрѣнія вполнѣ произвольными, канонически не обоснованными.

Намъ остается теперь въ связи съ изложеніемъ условій, которыя требовались нашимъ законодательствомъ 18 и 19 ст. отъ лицъ, желающихъ поступить въ монастырь или постричься, изложить еще и самый порядокъ принятія въ монашество, такъ какъ это обстоятельство, по нашему мнѣнію, составляетъ другую сторону разсматриваемаго нами вопроса, поскольку оно дѣлало законнымъ самое принятіе и постригъ и санкціонировало собою то и другое.

До начала 18 ст. постриженіе въ монашество могло быть совершаемо и игуменомъ, и архіереемъ, безъ особенныхъ на то разрѣшеній высшаго духовнаго правительства. Въ Духовномъ Регламентѣ поставляется въ необходимость игумену или настоятелю монастыря, прежде чѣмъ постричь въ монашество послушника, испросить на то благословенія у епархіальнаго архіерея: „безъ благословенія архіерейскаго не постригать, но да представитъ онаго (желающаго постричься) архимандритъ или игуменъ купно съ духовнымъ его отцемъ или старцемъ, у котораго подъ началомъ былъ доселѣ, епископу, свидѣтельствуя о немъ, что нелестно желаетъ монашества, и что кротокъ, смиренъ, терпѣливъ, послушливъ и трезвъ и сіе на письмѣ дать свидѣтельство и записать. И тогда епископъ, получивъ его, благословитъ постриги. Аще же той монастырь въ дальнемъ разстояніи будетъ отъ епископа, то свидѣтельство о таковыхъ письменное послать ко архіерею съ подписаніемъ рукъ настоятеля и братіи“ [1]), „ибо постриженіе въ монашество собственнаго архіерейскаго правленія дѣло суть“ [2]). Вмѣстѣ съ учрежденіемъ Св. Синода, какъ высшаго административнаго учрежденія, права на разрѣшеніе пострига требовалось испра-

[1]) П. С. П. и Расп ... т. II, № 596, п. 12, стр. 250.

[2]) Ibid., т. II, № 693, п. 6, стр. 370.

шивать у него [1]). И только дѣла по постриженію лицъ въ монастыри Московской епархіи и прочіе Синодальной области вѣдались въ Духовномъ Приказѣ [2]). Въ царствованіе императрицы Екатерины I, указомъ отъ 3 марта 1725 года, въ виду того, что Св. Синоду не было извѣстно:—вездѣ ли соблюдается указъ Петра I относительно непостриженія безъ разрѣшенія Св. Синода, было снова подтверждено, чтобы „какъ монаховъ, такъ и монахинь отнюдь никого безъ указу Св. Синода не постригали, за исключеніемъ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, желающихъ постричься въ монашество, о которыхъ архіереи должны были присылать только вѣдомость, съ указаніемъ ихъ количества, въ отчетѣ объ общемъ состояніи епархіи [3]). При постриженіи же свѣтскаго человѣка, по указу Св. Синода, въ царствованіе Петра II, требовалось, чтобы таковой получилъ разрѣшеніе на то еще у свѣтскаго начальства, губернатора, и „буде онъ отъ свѣтской команды всесовершенно свободенъ и никакихъ ко удержанію отъ монашества виновныхъ причинъ до него не касается, и въ конечной уже старости находится, по желанію, монашескаго чина сподобить, если получитъ отъ губернатора письменное свидѣтельство указаннаго содержанія, таковыхъ епархіальный архіерей могъ постригать“ [4]). Въ царствованіе Анны Іоанновны, въ 1734 году, былъ изданъ указъ, которымъ устанавливался слѣдующій порядокъ на разрѣшеніе пострига: „кто монашества желаетъ, о таковыхъ монастырскимъ властямъ подавать письменно доношенія и требовать о томъ рѣшенія и указного опредѣленія, Синодальной области—въ Св. Синодѣ С.-Петербургѣ и Москвѣ, а епаршескимъ—тамошнимъ мѣстнымъ своимъ архіереямъ, чтобы не было своевольнаго и противнаго правиламъ святымъ и императорскимъ постановленіямъ какого-либо противленія [5]). Относительно же постригающихся въ Кіево-Печерскій монастырь и приписные къ нему, въ резолюціи Кабинета Министровъ, на сообщеніе Св. Синода, было постановлено: „такихъ

---

[1]) Ibid., т. I, № 55.
[2]) Ibid., т. II, № 693, п. 2, стр. 370.
[3]) П. С. П. и Расп... т. V, № 1492.
[4]) П. С. П. и Расп... т. VI, № 2036.
[5]) 1-е П. С. З. Р. И. т. IX, № 6585.

желающихъ монашества принимать съ доклада Св. Правительствующему Синоду, а отъ Синода представлять въ Кабинетъ Министровъ [1]). На протяженіи 18 и болѣе чѣмъ половины 19 ст. постановленія относительно непостриженія въ монашество безъ указа на то Св. Синода постоянно подтверждались. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе Елизаветы Петровны въ 1754 г. 29 марта былъ изданъ указъ, которымъ запрещалось принимать въ монашество кого бы то ни было безъ сношенія съ Св. Синодомъ и до полученія отвѣта изъ Св. Синода [2]). Изъ этого указа видно, что требованіе духовнаго правительства сноситься при постриженіи кого либо въ монашество съ Св. Синодомъ не было простою формальностью, но имѣло существенное значеніе на рѣшеніе дѣла о постригающемся, почему до присылки отвѣта изъ Св. Синода и запрещалось постригать. Только въ концѣ своего царствованія, какъ исключеніе изъ общихъ правилъ относительно этого пункта, Елизавета Петровна издала указъ, которымъ позволялось постригать въ монахи монастырскимъ настоятелямъ и съ разрѣшенія архіерея, или, если его не будетъ въ епархіи, то консисторіи. Настоятели же Ставропигіальныхъ лавръ и монастырей имѣютъ право сами постригать въ монахи, но съ крайней осмотрительностью [3]). Въ царствованіе Екатерины II и Александра I требованіе:—не постригать въ монашество никого безъ указа на то Св. Синода, многократно было повторяемо [4]). При Николаѣ I указомъ отъ 31 августа 1832 г. было „предоставлено Синодальнымъ конторамъ право разрѣшать по вѣдомству ихъ постриженіе послушниковъ обоего пола въ монашество безъ испрашиванія на то каждый разъ разрѣшенія Св. Синода“, которому они обязывались доносить объ этомъ въ концѣ каждаго года [5]). И только уже Александръ II, указомъ отъ 29 сентября 1865 г. „согласно съ

---

[1]) 1-е П. С. З Р. И. т. X, № 7634, п. I.
[2]) Ibidem, т XIV, № 10201.
[3]) 1-е П С. З. Р. И. т. XV, № 11332.
[4]) Ibid., т. XVIII, 12960; XIX, 13721; XX, 14627; XXVIII, 21408.
[5]) 2-е П. С. З. Р. И. т VII, № 5585.

опредѣленіемъ Св. Синода, соизволилъ, чтобы впредь постриженіе въ монашество разрѣшалось епархіальнымъ архіереемъ безъ испрашиванія на то разрѣшенія у Св. Синода", при чемъ епархіальнымъ начальствомъ предоставлено было право постригать желающихъ принять монашество безъ предварительнаго сношенія по этому поводу съ гражданскимъ вѣдомствомъ, единственно на основаніи установленныхъ для сего случая документовъ, долженствующихъ быть на рукахъ вступающаго въ монашество. И только уже по принятіи въ монастырь извѣстнаго лица епархіальный архіерей долженъ былъ доносить объ этомъ постригѣ, съ одной стороны, въ тѣ мѣста, откуда были выданы постриженному въ монашество документы, а съ другой стороны, Св. Синоду, но уже въ концѣ года вмѣстѣ съ представленіемъ отчета объ общемъ состояніи епархіи [1]). По нынѣ дѣйствующему законодательству постриженіе въ монашество разрѣшается епархіальнымъ архіереемъ, съ соблюденіемъ установленныхъ церковныхъ правилъ [2]). Желающіе постричься въ монашество подаютъ о томъ прошеніе епархіальному архіерею съ указаніемъ монастыря, въ который желаютъ поступить. Консисторія собираетъ свѣдѣнія и входитъ въ разсмотрѣніе: можетъ ли просящій постриженія, или представляемый, быть удостоенъ онаго по лѣтамъ отъ рожденія, по времени пребыванія въ монастырѣ на искусѣ, по свидѣтельствамъ о его поведеніи и по безприпятственности въ гражданскомъ вѣдомствѣ. За симъ о постриженіи представляемаго епархіальное начальство дѣлаетъ постановленіе и приводитъ оное въ исполненіе (Уст. Дух. Конс. ст. 77), о принятіи же въ монастырь консисторія увѣдомляетъ то мѣсто, изъ котораго ищущему монашества выданы были документы. О числѣ постриженныхъ лицъ въ продолженіе всего года преосвященный ежегодно обязывается представлять въ Св. Синодъ вѣдомость, въ видѣ приложеній къ отчету о состояніи епархіи [3]).

---

[1]) 2 е П. С. З. Р. И. т. XL, 42505; о томъ же указъ 14 окт. 1865 г.

[2]) „Обозр. Церк. Гражд. Узак." Я. Ивановскаго, стр. 4 п. 2

[3]) 2-е П. С. З. Р. И. т. XVI, ст. 81; „Законы о состоян." Коморовича, стр. 221, ст. 412.

Глава вторая.

Постановленія, касающіяся общаго состава и устройства монашеской общины.

Монашеская община до Петровскаго времени представляла собою поразительное разнообразіе въ отношеніи къ ея составу. Въ нее входили лица, можно сказать, всѣхъ возрастовъ, званій и состояній, причемъ многіе поступали въ монастырь скорѣе для удобствъ жизни и избѣжанія государственныхъ и общественныхъ повинностей, чѣмъ по цѣлямъ нравственнымъ. Не принадлежа къ монашеской общинѣ ни по образу жизни, ни по духу своихъ цѣлей и намѣреній, таковыя лица считали однако себя монашествующими, такъ какъ были чисто внѣшнимъ образомъ связаны съ монастыремъ, исполняя въ немъ иногда тотъ или другой родъ службы. Подобное положеніе вещей, конечно, нельзя было назвать нормальнымъ, ибо оно, съ одной стороны, омірщало монастыри и понижало уровень нравственности монашествующихъ лицъ, а съ другой стороны, шло въ разрѣзъ съ интересами государства; чутко слѣдя за всѣмъ тѣмъ, что касается интересовъ государства, Петръ I видѣлъ, что къ монашеству принадлежитъ много людей, которые, не удаляясь совершенно отъ міра и общественной жизни, въ то же время не принимаютъ никакого участія „въ общемъ дѣлѣ“, не несутъ общественной тяготы. На такое удаленіе отъ міра Петръ I смотрѣлъ, какъ на желаніе только избавиться отъ трудовой жизни, почему такихъ лицъ называлъ „тунеядцами“. Чтобы освободить монашество отъ примѣси къ нему элементовъ чисто внѣшнихъ, мірскихъ, не имѣющихъ ничего общаго съ идеею монашеской жизни, а также желая устранить за монастыремъ значеніе института невыгоднаго для государства и монашества, института, въ которомъ каждый могъ найти себѣ пріютъ, освобождающій его отъ несенія государственныхъ и общественныхъ обязанностей, Петръ I рядомъ указовъ предписалъ строго слѣдить за опредѣленнымъ составомъ монашеской общины. Въ 1701 г. Монастырскому приказу было предписано: „выслать изъ всѣхъ монастырей дьячковъ и крылошанъ, келейниковъ и монашескихъ дѣтей и свойственниковъ бѣльцевъ и вновь

иныхъ бѣльцевъ никого отнюдь имъ властямъ съ братіею не принимать“ [1]). Въ 1703 г., въ указѣ отъ 18 ноября, встрѣчается уже подтвержденіе сейчасъ приведеннаго распоряженія [2]), даже съ угрозою бѣльцамъ и властямъ монастырскимъ за неисполненіе даннаго указа ссылкой и заточеніемъ въ дальніе поморскіе монастыри [3]). Указомъ 1728 г. 28 іюня, въ царствованіе Петра II Алексѣевича, запрещалось архіереямъ и монастырскимъ настоятелямъ имѣть при себѣ свойственниковъ, при чемъ это запрещеніе являлось только какъ бы подтвержденіемъ постановленій Духовнаго Регламента (П. С. П. и Расп. т. II, № 596, п. 59): „свойственниковъ какъ изъ домовъ архіерейскихъ, такъ и изъ монастырскихъ по силѣ вышеобъявленнаго Духовнаго Регламента выслать вонъ безъ всякихъ отговорокъ и продолженія времени и впредь имъ ни въ какихъ домовыхъ и монастырскихъ дѣлъ отправленіяхъ и въ келейникахъ отнюдь не быть“ [4]). Запрещеніе держать въ монастырѣ бѣльцевъ и бѣлицъ встрѣчается и въ царствованіе Елизаветы Петровны, въ указѣ отъ 17 іюля 1742 года. Кромѣ бѣльцевъ, количественный составъ монашеской общины значительно увеличивала въ 17 ст. многочисленная монастырская прислуга. По точному смыслу Петровскаго законодательства, монастырскіе служители не считались принадлежащими къ монашеской общинѣ, хотя по своему положенію и пользовались нѣкоторыми привиллегіями. То обстоятельство, что даже штатные монастырскіе служители несутъ „подушный окладъ“ и другія общественныя повинности, доказываетъ то, что само законодательство никогда не причисляло монастырскихъ служителей къ монашествующей братіи и если давало имъ нѣкоторыя привиллегіи, то никогда не считало этого личнымъ правомъ ихъ, а приписывало ихъ положенію. Такой взглядъ на монастырскихъ служителей законодательство русское сохраняло и во все продолженіе XVIII и XIX ст. Такъ при Петрѣ III

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. IV, № 1834. Это распоряженіе однако не касалось женскихъ монастырей, въ которыхъ дозволялось держать дѣвицъ—бѣлицъ. (1-е П. С. З. Р. И. т. VI, 1856).

[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VI, 1948.

[3]) Ibidem.

[4]) II С. П. и Расп. т. VI, 2142; 1-е П. С. З... т. VIII, 5317.

мы встрѣчаемъ подтвержденіе указа о монастырскихъ штатахъ служителей, изданныхъ еще въ 1724 г., въ такихъ словахъ: „служкамъ въ монастыряхъ по оному штату положеннымъ быть изъ крестьянъ безъ всякой, какъ изъ подушнаго, такъ и рублеваго оклада выключки и онымъ жалованье давать по тому же штату [1]). Освобожденія отъ такого оклада не произошло и при Екатеринѣ II: „что касается до платежа онымъ служителямъ подушныхъ и оброчныхъ въ экономію денегъ, то на платежъ оныхъ оброчныхъ въ экономію, а подушныхъ въ тѣ мѣста, гдѣ они въ подушномъ окладѣ написаны, полагается отпускать коллегіи экономіи особливую сумму, при той же суммѣ, которая по тѣмъ штатамъ отпускаема будетъ; для чего сверхъ писаннаго, имѣемаго быть за нихъ платежа, на оныхъ слугъ другихъ раскладокъ мірскихъ никакихъ не налагать“ [2]). Равнымъ образомъ и при Александрѣ I „находящіеся при монастыряхъ служители ни въ какія по общимъ земскимъ повинностямъ раскладки вводимы не были“ [3]), хотя нести подушной окладъ они были обязаны. При Александрѣ же I, въ 1804 г. былъ изданъ указъ, по которому рясофоровъ не велѣно было именовать монахами, ибо безъ постриженія никто себя въ монашескомъ чинѣ считать не долженъ [4]).

Не исключались монастырскіе служители и отъ рекрутской повинности и хотя сами лично не отбывали ея, но за нихъ эту повинность несло общество, къ которому они были приписаны. Но при Николаѣ I, въ указѣ отъ 31 марта 1832 г., было выяснено, что монастырскіе служители по законодательству собственно свободны отъ отбытія воинской повинности, и если прежде не считались свободными, то по недоразумѣнію, почему общество, къ которому они приписаны, не обязано нести за нихъ эту повинность до тѣхъ поръ, пока они состоятъ въ монастырскихъ служителяхъ [5]). Въ царствованіе Александра

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XV, № 11481, п. 3.

[2]) 1-е П С. З Р. И. т. XVI, № 12060, п. 9, стр. 557; когда же въ 1794 подать была увеличена, то монастырскіе служители были избавлены отъ налога и Казеннымъ Палатамъ было предписано не требовать прибавочной подати съ монастырскихъ служителей. (1-е П. С. З. Р. И. т. XXIII, № 17317).

[3]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XXXI, № 24626.

[4]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XXVIII, № 21408.

[5]) 2-е П. С. З. Р. И т. VII, № 5269.

II, когда отбытіе воинской повинности сдѣлалось обязательнымъ для каждаго, монастырскіе служители были подчинены общему порядку призыва. Таковъ взглядъ и дѣйствующаго законодательства на права монастырскихъ служителей: рясофорные, т. е. не удостоенные полнаго монашескаго постриженія, по указу отъ 9 сентября 1873 г., въ монашескомъ званіи не состоятъ и пользуются всѣми правами, какъ міряне [1]). Указанную точку зрѣнія на монастырскихъ служителей законодательство 18 и 19 ст. распространяло и на ихъ семейства. Такъ, законодательство освобождало малолѣтнихъ дѣтей монастырскихъ служителей отъ податей, хотя, конечно, оно дѣлало это въ силу необходимости, въ виду того, что служители не имѣютъ возможности платить за своихъ дѣтей, такъ какъ получаютъ отъ правительства слишкомъ ничтожную сумму вознагражденія, „а дѣти по малолѣтству ни работою, ни промысломъ на платежъ оныхъ податей достать не могутъ“ [2]); однако, если дѣти монастырскихъ и архіерейскихъ служителей, по указу Екатерины II, до 15 лѣтняго возраста не поступятъ въ штатное число служителей, то они причисляются къ экономическимъ властямъ и съ нихъ собирается подать наряду съ прочими крестьянами [3]). Равнымъ образомъ и по законодательству Николая I дѣти монастырскихъ служителей свободны отъ несенія общественныхъ повинностей только до 20 лѣтняго возраста, до этихъ поръ они могли жить при родителяхъ, послѣ же, если остаются при монастыряхъ или архіерейскихъ домахъ сверхъ штата, то духовныя власти обязуются платить за нихъ обществу опредѣленныя подати, вообще же дѣти архіерейскихъ и монастырскихъ служителей принадлежатъ казенному вѣдомству и приписываются къ тѣмъ волостямъ и селеніямъ, изъ коихъ отцы ихъ поступили въ служители [4]).

Выходя отчасти изъ идеи о монахѣ, какъ подвижникѣ, который самъ долженъ другимъ „служить“ [5]) а болѣе всего,

[1]) „Обозр. цер.-гражд. узак.“ Я. Ивановскаго, стр. 9—10, примѣчаніе.
[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XXII, № 16293, п. 9.
[3]) Ibid т. XVII, 12531; 2 е П. С. З. Р. И. т. XIII, 11123, п. 9.
[4]) 2-е П. С. З. Р. И. т. XIII, № 11123, п. п. 1, 2 и 18.
[5]) П. С. П. и Расп. т. IV, № 1197, стр. 56—57.

конечно, по чисто практическимъ соображеніямъ, Петръ I съ самаго начала своей реформаціонной дѣятельности стремится къ тому, чтобы насколько возможно ограничить количество монастырскихъ служителей, почему постановляетъ: „кромѣ старыхъ и начальниковъ, не имѣти никому служителей, но и начальникомъ не выше потребы“ [1]), а „въ монастыряхъ слугъ и служебниковъ оставить самое малое число, безъ которыхъ по самой нуждѣ быть невозможно“ [2]), причемъ предписывается, чтобы у архимандритовъ и игуменовъ, у келарей, казначеевъ, строителей и у братіи, у кого пристойно, келейникамъ быть бѣльцамъ престарѣлымъ, по 1 человѣку въ келліи, а въ дѣвичьихъ монастырахъ—келейницамъ бѣлицамъ быть престарѣлыми, а молодыхъ келейниковъ и келейницъ не держать“ [3]). Въ 1724 г. 22 мая Петръ I издаетъ даже штаты монастырей, въ которыхъ между прочимъ опредѣляется и число служителей, именно, на 500 душъ—3 человѣка [4]). Но извѣстно, что при Петрѣ I штаты были введены не во всѣхъ монастыряхъ, такъ что и указанное въ штатахъ количество монастырскихъ служителей не для всѣхъ монастырей было исполнимо и обязательно. Такая же неопредѣленность относительно количественнаго состава монастырскихъ служителей продолжалась вплоть до царствованія Екатерины II, ибо при ней только явилась возможность, благодаря неутомимымъ работамъ предшествующихъ царствованій (особенно Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны) установить сравнительно однообразный штатъ монастырскихъ служителей [5]). Но и штаты Екатерины II не имѣли безусловнаго примѣненія ко всѣмъ монастырямъ, ибо для нѣкоторыхъ изъ нихъ полагался свой особый штатъ; да и само правительство, конечно, сознавало, что, вводя штаты, оно имѣетъ въ виду только болѣе или менѣе урегулировать общую постановку дѣла относительно количества монастырской при-

[1]) П. С. П. и Расп. т. II, № 596, п. 19, стр. 250.

[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. IV, № 1886.

[3]) 1-е П. С З. Р. И. т. IV, № 1839.

[4]) П. С. П. и Расп. т. IV, прилож. къ № 1266.

[5]) По штатамъ Екатерины II въ мужскихъ монастыряхъ I кл. полагалось 24 служителя, II класса—16 и III класса—8; въ женскихъ монастыряхъ I-го класса отъ 8 до 13, II-го—4 и III-го—3.

слуги, а не то, чтобы разъ навсегда регламентировать свои штаты обязательно для всѣхъ монастырей, чего, конечно, сдѣлать было невозможно. Количественный расчетъ монастырскихъ служителей для правительствъ и Петровскаго и Екатерининскаго времени имѣлъ значеніе постольку, поскольку онъ вообще затрогивалъ монастырскіе расходы, общественные и государственные интересы. По дѣйствующему праву Екатерининскіе штаты въ примѣненіи къ количественному составу монастырскихъ служителей потеряли свое обязательное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ при Александрѣ II было прекращено назначеніе самимъ правительствомъ крестьянъ въ монастырскіе служители [1]) и замѣнено было назначеніемъ для этого опредѣленныхъ суммъ (въ размѣрѣ 307850 р. ежегодно на всѣ монастыри и архіерейскіе дома); штатные же архіерейскіе и монастырскіе служители обращены были въ государственныхъ крестьянъ, которымъ предоставлено было право свободно располагать собою и избирать родъ жизни по своему желанію. Ранѣе же монастырскіе служители представляли собою какую то сословность, ибо набранные сначала изъ крестьянъ монастырскіе служители впослѣдствіи доставляли рабочую силу монастырямъ уже спеціально изъ своей среды, путемъ поставленія на штатныя служительскія мѣста своихъ дѣтей; только уже въ случаѣ крайней необходимости позволялось на убылыя служительскія мѣста назначать кого-либо изъ крестьянъ, притомъ одинокихъ [2]), чтобы такимъ образомъ не отягощать общества платою за ихъ семейства подушныхъ и другихъ повинностей. Эта сословность монастырскихъ служителей установлена была правительствомъ, вѣроятно, по чисто практическимъ соображеніямъ, именно, чтобы устранить возможную неурядицу и спутанность въ общей системѣ государственныхъ сборовъ, могущую происходить всякій разъ при переходѣ члена изъ сословія крестьянскаго въ монастырскіе служители, а потому правительство считало для себя болѣе удобнымъ предоставить привиллегіи, связанныя съ положеніемъ крестьянъ въ монастырѣ, въ качествѣ монастырскихъ служителей, одному

[1]) 2-е П. С. З. Р. И. т XXXVI, № 36867.

[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, № 12060, п. 9; 2-е П. С. З. Р. И. т. VII, 5269.

какому либо классу. Но эта сословность, отдающая, можно сказать, еще дань крѣпостному праву, при Александрѣ II, вмѣстѣ съ общимъ освобожденіемъ крестьянъ изъ рабства, была уничтожена и монастырскіе служители, въ своихъ правахъ на перемѣну рода занятій и службы по собственному желанію, были сравнены съ другими сословіями [1]).

Что касается матеріальнаго обезпеченія монастырскихъ служителей, то, хотя въ штатахъ Петровскаго законодательства, жалованья имъ и не указано, однако, какъ видно изъ другихъ указовъ Петровскаго времени [2]) и послѣдующихъ за нимъ царствованій [3]), жалованье имъ полагалось, но въ какомъ размѣрѣ—неизвѣстно. Вѣроятно, они въ данномъ отношеніи уравнены были съ монашествующими. По штатамъ же Екатерины II служителямъ полагалось уже особое жалованье, отличное отъ монашескаго содержанія. Такъ, въ первоклассныхъ монастыряхъ они получали по 9 руб., въ остальныхъ же по 8-ми, въ женскихъ монастыряхъ всѣхъ классовъ по 8-ми руб. Но къ этой суммѣ жалованья впослѣдствіи, какъ видно изъ указовъ, были дѣланы прибавки. „Въ 1766 г. 9 февраля велѣно было архіерейскимъ и монастырскимъ служителямъ изъ пожалованной Ея Императорскимъ Величествомъ на каждое мѣсто особливо, сверхъ положенной по штатамъ суммы, по разсмотрѣнію ихъ трудовъ и заслугъ—настоятелямъ награждать, а понежѣ нынѣ (1768 г. 20 іюня) снова особливая прибавка пожалована, то предоставить эти суммы на разсмотрѣніе и распоряженіе епархіальнымъ архіереямъ и монастырскимъ властямъ“ [4]), причемъ послѣднимъ было предоставлено право держать въ своемъ монастырѣ служителей уже не по штату, а по дѣйствительной надобности въ нихъ, на единажды назначенную на этотъ предметъ сумму [5]). Точно также вопросъ этотъ рѣшается и нынѣ дѣйствующимъ законодательствомъ.

Вообще же въ своихъ правахъ монастырскіе служители

---

[1]) 2-е П. С З. Р И. т. XXXVI, № 36867, ч. I.

[2]) П. С. П. и Расп... т II, №№ 810, 821.

[3]) 1-е П. С. З. Р. И т. XV, № 11481, п. 3, стр. 951.

[4]) 1-е П. С З. Р. И. т. XVIII, № 13138.

[5]) „Вопросъ о церковныхъ имѣн. при им Екат. II. Завьялова, стр. 270, изданіе 1900 г.

причисляются къ послушникамъ, которые ни чѣмъ не отличаются отъ мірянъ и къ составу монашеской общины въ точномъ смыслѣ слова не принадлежатъ. Сообразно съ этимъ наше законодательство запрещаетъ послушникамъ до пострижения усвоивать себѣ новое имя и носить монашеское одѣяніе, такъ какъ эти преимущества предоставлены только монашествующимъ въ собственномъ смыслѣ [1]).

Съ тою цѣлію, чтобы ограничить притокъ въ монастыри лицъ, ищущихъ въ немъ не спасенія души, а безпечной жизни, и въ цѣляхъ контроля общаго состава монашеской общины, въ 1701 г. Петръ I издалъ указъ, которымъ предписывалось монастырскому приказу переписать всѣхъ наличныхъ монаховъ и монахинь, оставить въ каждомъ монастырѣ только то число, которое найдено во время переписи, а такъ какъ количественный составъ монашествующихъ постоянно могъ измѣняться, въ виду существовавшаго и очень распространеннаго въ то время обычая, въ тѣхъ или другихъ цѣляхъ, переходить изъ одного монастыря въ другой, то Петръ I прикрѣпляетъ, такъ сказать, монаховъ къ мѣстамъ ихъ жительства, запрещая имъ переходъ изъ монастыря въ монастырь, „развѣ великія каковыя правильныя вины“ [2]). Но количественный составъ монашеской общины при Петрѣ I не могъ, конечно, получить своей законченной, выработанной формы, въ смыслѣ какихъ нибудь штатовъ, такъ какъ для Петра I, какъ начинающаго производить реформу монашества, точно опредѣлить достодолжный количественный составъ монашеской общины каждаго монастыря, въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными запросами времени на монашескій чинъ и матеріальными средствами монастырей, было очень трудно и даже почти невозможно. Поэтому Петровское законодательство, не устанавливая въ этомъ отношеніи ничего положительнаго, стремится только къ тому, чтобы профильтровать составъ монашеской общины, путемъ удаленія изъ

---

1) „Цирк. Ук. Св. Син.“ А. Завьялова, 1873 г. № 39 и подтвержденіе его 1898 г. № 1.

2) 1-е П. С. З. Р. И. т. IV, 1834. Подтвержденіе этого указа о переписи, съ цѣлью выработки монастырскихъ штатовъ, мы встрѣчаемъ и въ послѣдующее время. П. С. П. и Расп. IV, 1237.

нея членовъ лишнихъ, не связанныхъ съ монашеской жизнью внутреннимъ образомъ, а между тѣмъ обремѣняющихъ и монастырь и общество матеріальными расходами на содержаніе себя. „Во всѣхъ монастыряхъ мірскіе люди обитати да не будутъ, но токмо единѣ монахи да живутъ въ монастыряхъ, чтецы и пѣвцы да будутъ монахи; дьячки, которые не монахи, никако въ монастыряхъ да пребудутъ. А которые нынѣ дьячки есть въ монастыряхъ и переписчики монастырей да вышлютъ изъ монастыря вонъ, они же да идутъ въ отечество свое“ [1]). Но не смотря на то, что Петръ I не вводилъ какихъ нибудь опредѣленныхъ штатовъ, которымъ бы подлежали всѣ монастыри, ограничительная тенденція Петровскаго законодательства въ отношеніи къ количественному составу монашеской общины ясна. Ограниченіе и сокращеніе послѣдней достигалось, какъ путемъ введенія тяжелыхъ, стѣсняющихъ вступленіе въ монашество условій, такъ и положительными запрещеніями вступать въ монашество кому бы то ни было, замѣняя при этомъ убылыя мѣста въ составѣ монашеской общины престарѣлыми и ранеными солдатами [2]). Съ этой точки зрѣнія можно сказать даже, что Петровское законодательство въ отношеніи къ количественному составу монашеской общины имѣло и нѣчто въ родѣ штатовъ. Точка зрѣнія и принципъ, которые лежали въ основаніи этихъ штатовъ, согласно съ общимъ духомъ политики петровскаго времени, отличались строго практическимъ направленіемъ, именно: количественный составъ монашеской общины, по законодательству Петровскаго времени, долженъ былъ опредѣляться количествомъ потребныхъ въ монастырѣ служителей, для проживающихъ тамъ больныхъ, раненыхъ, престарѣлыхъ, увѣчныхъ, преимущественно изъ лицъ военныхъ—отставныхъ, такъ что штатными монахами считались только тѣ, которые занимали опредѣленный родъ служенія въ отношеніи къ призираемымъ монастыремъ лицамъ, „которые же монахи останутся за числомъ служенія, такимъ отвеесть монастырскія земли, дабы сами себѣ хлѣбъ

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. IV, № 1834.

[2]) П. С. П. и Расп... т. III, №№ 997, 1069, 1153; 1-е П. С. З. Р. И. т. VII № 4151.

промышляли (это такъ называемые, монахи постепенные, сверхштатные), а когда упалыя мѣста будутъ у служащихъ (простыхъ монаховъ, священниковъ и діаконовъ), то вписывать изъ сихъ, которые съ земли питаться опредѣлены, а на убылыхъ, кои опредѣлены питаться съ земли, не принимать и не постригать, а когда уже пашенныхъ не будетъ, то на упалыя мѣста въ служеніе опредѣленныхъ принимать и постригать. Равнымъ образомъ и монахинь за числомъ служащихъ содержать, а питаться имъ рукодѣліемъ вмѣсто пашни“ [1]). Минимумомъ же монаховъ, необходимыхъ для того, чтобы монастырь получилъ право на существованіе, по законодательству Петра I, считалось 30 человѣкъ. А такъ какъ въ допетровское время было много монастырей, въ которыхъ число монаховъ иногда далеко отстояло отъ 30, доходя иногда до 6—7 человѣкъ, то Петръ I повелѣлъ „соединять малобратственные монастыри въ одну обитель, пустыньки же совсѣмъ уничтожить“ [2]). Старанія петровскаго законодательства относительно установленія штатовъ монашествующихъ и монастырей, нельзя сказать, чтобы не привели ни къ какимъ результатамъ. Извѣстно, что нѣкоторые, именно 39 монастырей патріаршей области и нѣсколько епархіальныхъ подверглись ограниченію штатами; значительнѣйшими по числу монаховъ были монастыри: Сергіева-Лавра, въ которомъ положено было по штатамъ 674 человѣка, Чудовъ—147, Новоспасскій—128, Воскресенскій на Истрѣ—100 [3]). Ограничительная политика Петровскаго законодательства въ отношеніи къ общему составу монашеской общины привела къ тому, что еще при Петрѣ II Алексѣевичѣ, въ 1727 г., Св. Синодъ, въ своемъ докладѣ на Высочайшее имя, жаловался на оскудѣніе въ составѣ монашествующихъ. Но такъ какъ эта жалоба не имѣла никакого успѣха, то Св. Синодъ, въ правленіе принцессы Анны Брауншвейгъ Люненбургской, въ своемъ докладѣ на Высочайшее

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, № 4450, опр. 1, п. 3; П. С. П. и Расп... т. IV, № 1202.

[2]) П. С. П. и Расп.. т. II, № 596, стр. 253. 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, № 4456.

[3]) „Монастырскій Приказъ“ Горчакова, прил. докум. Мон. Приказа, стр. 43 - 44.

имя, отъ 22 декабря 1740 г., снова повторялъ вышеуказанную жалобу, причемъ Высочайшей резолюціей былъ удостоенъ слѣдующаго отвѣта; „постригать въ монашество столько, сколько потребно, безъ всякаго излишества, а дабы безъ потребы излишнихъ не постригали, для того велѣть прислать въ Синодъ ежегодно рапорты, чтобы Синоду возможно было видѣть, не будетъ ли гдѣ излишнихъ монаховъ, которымъ быть не надлежитъ“ [1]) Въ то же время предписывалось Св. Синоду„ имѣть прилежное стараніе, о всѣхъ монастыряхъ учинить порядочный штатъ, коликому числу монаховъ въ которомъ монастырѣ по званіямъ быть надлежитъ“ [2]). Царствованіе Анны Іоанновны въ отношеніи къ устройству штатовъ являлось только продолженіемъ дѣла, начатаго Петромъ I. Высочайшей резолюціей (14 марта 1738 г.) на прошеніе игуменьи Московскаго Новодѣвичья монастыря о разрѣшеніи постричь въ монастырь указанныхъ въ прошеніи лицъ, было опредѣлено: „въ монашество постричь толикое число сколько въ указное по штату число не достаетъ по Духовному Регламенту, а сверхъ штата отнюдь никого не постригать и излишнихъ сверхъ штата не держать“ [3]). Не уничтожая того, что было сдѣлано въ указанномъ отношеніи въ предшествующее царствованіе, Анна Іоанновна особенно заботится о томъ, чтобы вопросу о штатахъ придать болѣе широкую постановку и притомъ рѣшить его на основаніи фактическихъ данныхъ, касающихся общаго благосостоянія монастырей и дѣйствительной потребности въ нихъ. Съ этою цѣлію особенными указами въ ея царствованіе требуется собирать о монастыряхъ и экономическихъ ихъ дѣлахъ вѣдомости и на основаніи ихъ опредѣлять штаты каждаго монастыря и въ этомъ дѣлѣ „наиприлежнѣйшее радѣніе показать, дабы сіе полезнѣйшее дѣло окончено быть могло наискорѣе“ [4]). Однако какъ немного было сдѣлано для составленія штатовъ въ царствованіе Анны Іоанновны [5]), вопросъ о нихъ оконча-

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XI, № 8303.

[2]) 1-е П. С. З Р. И. т. XI, № 8303.

[3]) 1-е П С. З. Р И т. X, № 7538. По штатамъ же 1724 г. въ Новодѣвичьемъ монастырѣ полагалось быть 151 человѣку.

[4]) 1-е П. С. З Р. И. т. XI, № 8232.

[5]) При ней были собраны точныя свѣдѣнія о 17 архіерейскихъ домахъ и 730 монастыряхъ („Вопр о церк. имѣн“ Завьяловъ, стр. 262.

тельно былъ рѣшенъ только при Екатеринѣ II. По штатамъ Екатерины II количественный составъ монашеской общины зависѣлъ отъ класснаго достоинства монастыря. Такъ, въ Лаврахъ полагалось быть 100 человѣкамъ братіи, кромѣ архимандрита; въ первоклассныхъ мужскихъ по 35 человѣкъ въ каждомъ, во второклассныхъ по 18 и въ третьеклассныхъ по 13. Въ женскихъ первоклассныхъ монастыряхъ неодинаковое количество: отъ 52 до 101, а въ монастыряхъ остальныхъ двухъ классовъ по 17 [1]) Въ сверхштатныхъ монастыряхъ по 1 строителю и 6 монаховъ, за исключеніемъ 4 пустынь, гдѣ назначалось по 30 человѣкъ въ каждой; кромѣ того 2 монастыря были по 15 человѣкъ и 1 скитъ въ 12 человѣкъ. Сверхштатныхъ женскихъ монастырей совсѣмъ не полагалось [2]). Съ тѣми же монахами, которые оставались за штатомъ, по указу Екатерины II, должно было поступать такъ, что „доколѣ излишніе (противъ штатовъ) монахи въ надлежащее штатное число распредѣлены не будутъ, дотолѣ вновь, какъ мужеска, такъ и женска пола никого ни подъ какимъ видомъ не постригать и не принимать, дабы во всѣхъ мужскихъ и дѣвичьихъ монастыряхъ сверхъ положеннаго по штатамъ числа излишнихъ не было“ [3]). Однако нельзя сказать, чтобы со введеніемъ штатовъ число монаховъ было строго опредѣлено и не поддавалось никакимъ количественнымъ измѣненіямъ. Штаты Екатерининскаго времени имѣли значеніе только нормы, устанавливающей извѣстный порядокъ, выгодный во многихъ отношеніяхъ для цѣлей государства, но не непреложнаго закона. Вотъ почему количественный составъ монашествующихъ и послѣ введенія штатовъ постоянно измѣнялся, и именно увеличивался, или въ силу появленій новыхъ монастырей, или возведенія прежнихъ въ высшій классъ, или же въ силу частныхъ просьбъ самихъ монастырей на увеличеніе количественнаго состава ихъ общинъ. Такъ, въ 1850 г. былъ увеличенъ штатъ Московской Лавры на 40 человѣкъ, а въ 1880 г. еще на 60 [4]). Увеличеніе монашествующихъ въ монастыряхъ штат-

[1]) 1-е П С З Р. И. т. XVI, № 12060

[2]) П. С З. Р. И. т. XVI, № 12121.

[3]) Ibidem. № 12234.

[4]) „Церк. Вѣстн. 1880 г. № 30. Былъ увеличиваемъ штатъ и въ другихъ мо-

ныхъ шло еще и такимъ путемъ: Указомъ 1834 г. 16 апрѣля настоятелямъ было даровано право монашествующихъ лицъ имѣющихъ болѣе 60 лѣтъ и больныхъ, какъ неспособныхъ къ исправленію монастырскихъ должностей, увольнять за штатъ, а на ихъ мѣсто принимать другихъ. Уволенные же за штатъ имѣли право оставаться при томъ монастырѣ, гдѣ они жили, и пользоваться необходимымъ для жизни содержаніемъ отъ монастыря [1]). Относительно нештатныхъ монастырей закономъ 1865 г. было постановлено принимать въ нихъ столько братіи, сколько обитель можетъ вмѣстить [2]). Впослѣдствіи это право даровано было и монастырямъ штатнымъ, именно, послѣ того, какъ въ 1893 г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода испросилъ Высочайшаго повелѣнія о предоставленіи епархіальнымъ преосвященнымъ права самимъ увеличивать сверхъ существующихъ штатовъ количество монашествующихъ лицъ въ архіерейскихъ домахъ и штатныхъ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ [3]). Такимъ образомъ штаты Екатерининскаго времени въ отношеніи къ количественному составу монашеской общины съ этихъ поръ потеряли свое прежнее значеніе.

Намъ нѣтъ нужды говорить о составѣ монашеской общины съ точки зрѣнія различныхъ обѣтовъ, которые произносятся членами ея и сообразно съ чѣмъ существуетъ раздѣленіе монаховъ на рясофорныхъ, манатейныхъ и схимниковъ, такъ какъ само законодательство не выдѣляетъ ихъ въ правахъ отъ монашествующей братіи вообще. Мы разсмотримъ составъ и устройство монашеской общины съ точки зрѣнія службы или послушанія (простая монашеская братія и монашествующія власти) и съ точки зрѣнія степеней іерархическихъ (іеродіаконство, іеромонашество, архимандритство и епископство). Правда, это іерархическое монашество въ своихъ правахъ подчиняется общему закону, дѣйствующему относительно всѣхъ монашествующихъ, но о немъ мы имѣемъ основанія говорить

настыряхъ: Александро-Свирскомъ (П. С. З. Р. И. т. XXXIV, 26884); Бобренево-Голутвинъ Коломенскомъ (XXXV, 27262), въ Катинскомъ дѣвичьемъ (XXXVI, 27806) и мн. др

[1]) 2-е П. С. З. Р. И. т. IX, № 6993.

[2]) Ibidem. т. LX, № 42505, примѣчаніе.

[3]) Церков. Вѣд. 1893 г. стр. 151.

отдѣльно въ виду того, что іерархическое монашество въ монастырѣ занимаетъ особое положеніе и несетъ обязанности, которыя выдѣляютъ его нѣкоторымъ образомъ изъ общаго состава монашествующей братіи.

Забота правительства 18 ст., объ установленіи штатотъ количественнаго состава монашествующихъ, послѣднею своею цѣлію имѣла, конечно, ограниченіе монастырей главнымъ образомъ съ матеріальной, финансовой стороны. Вотъ почему, по той мѣрѣ, какъ вырабатывались штаты количественнаго состава монастырей, матеріальное обезпеченіе монашествующихъ лицъ опредѣлялось все точнѣе и точнѣе, становясь въ этомъ отношеніи въ строгую зависимость отъ государственнаго казначейства. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на разсмотрѣніи оклада матеріальнаго обезпеченія монашествующихъ лицъ, каковое на протяженіи 18 и 19 ст. имѣло свою очень измѣнчивую исторію, мы относимъ разсмотрѣніе этого вопроса къ отдѣлу объ имущественныхъ правахъ монастырей, ибо имущественныя средства монашествующихъ лицъ самимъ законодательствомъ никогда не разсматривались принадлежащими лично монашествующимъ, а только монастырю или общинѣ, членами которой они состояли.

Всѣ монашествующіе, какъ лица отрекшіяся отъ міра, прежде всего законодательствомъ подвергаются ограниченію въ имущественныхъ правахъ. Петръ I выступаетъ въ своихъ постановленіяхъ на борьбу съ широко развитымъ въ 17 в. правомъ собственности монашествующихъ лицъ. Еще въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича запрещается монашескому чину владѣніе недвижимымъ имуществомъ (вотчинами) [1]). Церковное законодательство на соборѣ 1667 г. признало пагубнымъ вліяніе богатствъ на иноческій образъ жизни, почему соборными опредѣленіями было запрещено монахамъ лично владѣть недвижимыми имуществами: „елицы же монаси чинъ и обычай монашескаго обѣта (нестяжательности) преступятъ, то патріаршеская власть и царская держава велятъ таковая монашеская стяжанія взяти и раздати нищимъ по изображенію 5 правила 1-го и 2-го Вселенскаго собора“ [2]). Равнымъ

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. I, Уложенія гл. XVII, ст. 42, 43 и 44.

[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. I, № 412, отвѣтъ на вопросъ 4.

образомъ на соборѣ 1669 г. опредѣлено было: „отбирать на Государя торговые промыслы и лавки, принадлежавшіе священному и монашескому чину“ [1]). Но эти соборныя опредѣленія сами по себѣ не имѣли той силы, какую они получили впослѣдствіи, санкціонированныя свѣтскимъ законодательствомъ 18 в. Петръ I пошелъ въ отношеніи къ ограниченію имущественныхъ правъ монашествующихъ лицъ за законодательствомъ 17 ст., но сдѣлалъ въ этомъ случаѣ гораздо больше его. По Уложенію Алексѣя Михайловича и соборнымъ опредѣленіямъ монашествующимъ лицамъ запрещалось только владѣніе недвижимымъ имуществомъ, право же частной, личной собственности не уничтожалось, ибо по Уложенію позволено было недвижимую собственность обращать въ деньги и уносить ихъ съ собою въ монастырь [2]). Это и было причиною упадка монастырскихъ нравовъ. „Нынѣ, писалъ митрополитъ Суздальскій Иларіонъ, къ монахамъ Флорищевой пустыни, въ 1694 г., нестяжательное жительство стало отъ васъ изгубляться, многіе отъ братіи стали особое мнѣніе держать и предпочитаемы стали быть хотящіи развратити прежнее общежительство“ [3]). Петръ I, своимъ прозорливымъ умомъ ясно понималъ, какое пагубное вліяніе на нравы монашеской общины оказываетъ право частной собственности: „древніе монахи сами себѣ трудолюбными своими руками пищу промышляли и общежительно живяше, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали, нынѣшніе же монахи, не токмо нищихъ питаша отъ трудовъ своихъ, но сами чуждые труды поядаша и начальные монахи во многія роскоши впадоша, а подначальныхъ монаховъ въ нужную пищу введоша и вотчинъ же ради свары и смертныя убивства и неправыя обиды многи творяша“ [4]). Въ виду этого Петръ I, съ одной стороны, оставляетъ въ полной силѣ дѣйствіе ограничительныхъ постановленій Уложенія, касательно имущественныхъ правъ монашествующихъ лицъ, а съ другой стороны— идетъ въ этомъ отношеніи еще далѣе, уничтожая права мона-

[1]) Ibidem № 442, ст. 12.
[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. I, Уложенія глава XVII, ст. 42.
[3]) Акт Эксп. т. IV, № 328, стр. 228.
[4]) 1-е П. С. З. Р. И. т. IV, № 1886.

шествующихъ лицъ даже на частную, личную собственность, путемъ введенія въ монастырскую жизнь строгообщежительнаго начала. „Въ монастыряхъ подобаетъ, говорится въ Духовномъ Регламентѣ, общему житію быти, по правиламъ Св. Отецъ, аще бо не общая житія будутъ, всякъ повлечетъ потребная врознь". Сообразно съ этимъ, по правиламъ Духовнаго Регламента, въ монастыряхъ полагалась общая для всѣхъ трапеза: „братіи всей и настоятелю, кромѣ общія трапезы, собственно по своимъ келліямъ не ясти. кромѣ сущія немощи или иныя благословныя вины, по трапезѣ же въ келліи настоятель и братія пищи оставльшіяся отъ трапезы да не берутъ никогда, кромѣ кваса, аще бо не тако, то все изнесенное за монастыремъ да будетъ"; обувь и одежда также долны быть для всѣхъ одинаковы. „Доходы же даваемые отъ боголюбцевъ пріимать въ едино опредѣленное мѣсто и изъ того употребляти на вся церковныя и монастырскія и братскія потребы". Не имѣя ничего собственнаго, лично имъ принадлежащаго, монахи по тому самому не имѣли и права распоряжаться по своей волѣ ничѣмъ изъ монастырскаго имущества: „за монастырь никто чесого отдати власти имать, кромѣ настоятеля, и то со объявленіемъ старшей братіи и съ запиской—кому, что и въ какомъ случаѣ дано"; равнымъ образомъ: „монахомъ вещей монастырскихъ, какъ снѣдныхъ, такъ и прочіихъ, хотя и имъ опредѣленныхъ, не продавати, ни по улицамъ градскимъ, ни въ монастырѣ и весьма ни на каковомъ мѣстѣ, ибо сіе студное вельми и весьма безчестное дѣло есть". Въ нынѣ дѣйствующемъ законодательствѣ относительно этого пункта произошло измѣненіе, именно, права торговли не имѣютъ только монахи общежительныхъ монастырей, въ монастыряхъ же необщежительныхъ разрѣшается продажа собственныхъ рукодѣлій, хотя съ дозволенія на то начальства и посредствомъ избранныхъ престарѣлыхъ братій [1]). Запрещая владѣть монаху личною собственностью, духовный регламентъ въ то же время не позволяетъ „никому въ монастырѣ чужихъ денегъ и пожитковъ держати, кромѣ книгъ; понеже отъ сего гордыня и сластей исполненіе, ихъ же ради мнози въ мона-

[1]) Св. Зак. т. IX, ст. 420, изд. 1899 г.

стырь приходятъ, подъ образомъ терпѣнія. И аще у кого что явно или тайно держимо обрящется, тое да возмется въ монастырскую казну [1]). И въ нынѣ дѣйствующемъ законодательствѣ приведенныя правила сохранились въ точности [2]). Строгость общежительнаго принципа по правиламъ духовнаго регламента простиралась такъ далеко, что монахи не только не имѣли собственнаго куска хлѣба, но имъ запрещалось даже имѣть въ своихъ келліяхъ рукописи, чернила, перо и бумагу: „монахамъ никакихъ по келліямъ писемъ, какъ выписокъ изъ книгъ, такъ и грамотокъ совѣтныхъ, безъ собственнаго вѣдѣнія настоятеля, подъ жестокимъ на тѣлѣ наказаніемъ никому не писать и граматокъ, кромѣ позволенія настоятеля, не принимать, и по духовнымъ и гражданскимъ регуламъ, чернилъ и бумаги не держать, кромѣ тѣхъ, которымъ собственно отъ настоятеля для общей духовной пользы позволится. А ежели которому брату случится настоящая письма потреба, то писать въ трапезѣ изъ общей чернильницы и на бумагѣ общей, съ дозволенія настоятеля, а самовольно того не дерзать подъ жестокимъ наказаніемъ“ [3]).

Мы поймемъ смыслъ этого постановленія, если обратимся къ исторіи. Участіе монашествующаго духовенства съ стрѣлецкихъ бунтахъ и другихъ народныхъ волненіяхъ петровскаго времени, множество подметныхъ писемъ, разсылавшихся изъ монастырей, появленіе проповѣдниковъ и прорицателей въ черныхъ рясахъ, которые или тайкомъ или всенародно на базарныхъ площадяхъ раздавали народу свои „тетрадки“ и провозглашали царя „антихристомъ“, все это способно было породить въ Петрѣ I взглядъ на монашествующихъ лицъ, какъ на лицъ, опасныхъ для общественнаго спокойствія, приносящихъ своимъ ученіемъ „только забобоны, ереси и суевѣрія“ [4]). Въ силу именно этого явленія Петру I особенно хотѣлось, введеніемъ строгихъ правилъ общежительнаго устава, усилить надзоръ и за келейной, внутренней жизнью монаха, чтобы тѣмъ самымъ

[1]) П. С. П. и Расп. т. II, № 596, стр. 251, п 22—29, 60.

[2]) Св. Зак. т. IX, стр. 360, 396, по продолж. 1890 г.

[3]) П. С. П. и Росп... т. II, 596, п. 36, подтвержденіе этого указа: Ibidem. т. III, № 984 и 1-е П. С. З. Р. И. т. IV, № 1834.

[4]) Истор. Росс. Самарина, т. V, стр. 244.

въ основѣ подорвать всякую съ ихъ стороны возможность къ распространенію въ народѣ протеста своимъ нововведеніямъ. „Не было такого заговора противъ намѣреній Петра I, котораго тайныя, сокровенныя нити не скрывались бы въ какомъ либо монастырѣ“ [1]).

Хотя въ законодательствѣ Петра I относительно указаннаго постановленія приводится только историческое основаніе къ установленію его цѣлесообразности [2]), однако оно имѣетъ за собою основанія и каноническія. Василій Великій, въ своихъ правилахъ „о запрещеніи инокомъ“, говоритъ: „аще кто обрящется кромѣ настоящаго писа къ кому, или пріемля писанія отъ кого, да будетъ отлученъ отъ братства“ [3]). Вотъ почему въ одномъ указѣ петровскаго времени вмѣстѣ съ запрещеніемъ держать въ келіяхъ монашескихъ чернила и бумагу встрѣчается ссылка на то, что это запрещеніе основывается на древнемъ преданіи [4]). Въ дальнѣйшей исторіи мы не встрѣчаемъ подтвержденія этого указа, такъ какъ историческія основанія, которыя создали это постановленіе, утратили силу.

Требованія отъ монастырской общины общежительнаго начала въ устройствѣ ея жизни поддерживались правительствами и послѣ Петровскаго времени. Разница только въ томъ, что Петровское законодательство требовало проведенія общежительнаго начала въ устройство безусловно всѣхъ монастырей, тогда какъ правительство Екатерининскаго времени, установивъ штаты монастырей, во внутренней жизни монашескую общину предоставило самой себѣ, мало интересуясь внутреннимъ ея устройствомъ. Однако правительство 19 ст., въ отношеніи къ внутреннему устройству монашеской общины, дѣлаетъ поворотъ въ сторону Петровскаго законодательства, возводя общежительное устройство монастырей въ желательный типъ для современныхъ ему монастырей. Въ Циркулярномъ Указѣ Св. Синода отъ 13 марта 1869 г. прямо высказывается намѣреніе правительства во всѣхъ православныхъ монастыряхъ Имперіи ввести общежительное устройство [5]).

[1]) Ibidem. [2]) П. С. П. и Расп. т. II, № 596, п. 36 стр. 252.
[3]) Кормчая, л. 200 обор., гл. 61, пр. 34.
[4]) 1-е П. С. З. Р. И. т. IV, № 1834.
[5]) „Циркул. Ук. Св. Синода“. А. Завьялова, 1869 г. № 23.

Такимъ образомъ Петровское законодательство, введеніемъ въ монастырскую жизнь общежительнаго начала, старалось совсѣмъ уничтожить права монашествующихъ лицъ на пріобрѣтеніе личной собственности. И надо сказать, этотъ принципъ Петровскимъ законодательствомъ проводится очень стойко и послѣдовательно; мало того, и въ послѣдующее время онъ надолго сохраняетъ свою силу, становясь чуть не центральнымъ пунктомъ законодательства относительно монашествующихъ. И только уже при Екатеринѣ II, законодательство которой по данному вопросу вступило въ явное противорѣчіе съ общей тенденціей законодательной дѣятельности правительствъ 18 в., мы встрѣчаемъ въ царицѣ нѣкоторымъ образомъ поборницу и защитницу личныхъ имущественныхъ правъ монашествующихъ. По правиламъ Духовнаго Регламента, по смерти архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ и прочаго монашескаго чина, собственнаго ихъ имѣнія родственниковъ и свойственникомъ ничего не давать, но таковыя вышнихъ чиновъ присылать въ Правительствующій Духовный Синодъ, а нижнихъ чиновъ отбирать въ монастырскую казну“ [1]). Такое постановленіе Регламента было вполнѣ понятно съ точки зрѣнія Петровскаго законодательства, ибо если оно не признавало за монашествующими лицами правъ личной собственности, то простая послѣдовательность требовала того, чтобы изъять монашествующихъ лицъ и изъ общаго закона о наслѣдствѣ, не подчиняя имущества ихъ дѣйствію послѣдняго. На томъ же основаніи Петровское законодательство не признавало за монашествующими лицами и права завѣщевать свое имущество кому бы то ни было. Въ царствованіе Анны Іоанновны, Св. Правительствующій Синодъ, основываясь нѣкоторымъ образомъ на Духовномъ Регламентѣ, и, вѣроятно, на томъ постановленіи, по которому за настоятелемъ монастыря признается право раздачи монастырскаго имущества, хотя и съ объявленіемъ о томъ старшей братіи, высказалъ мнѣніе о правѣ „архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ при смерти завѣщевать келейное имѣніе свое раздати по душамъ своимъ въ поминовеніе въ убогіе монастыри и церквамъ и нищимъ, кромѣ род-

[1]) П. С. П. и Расп. т. II, № 596, пр. 61, стр. 254.

ственниковъ и свойственниковъ, таковыя духовныя надлежитъ принимать за дѣйствительныя, ибо та раздача имѣетъ быть все равно какъ бы они сами то при животѣ своемъ учинили, на каковыя при жизни ихъ раздачи никакого запрещенія не бываетъ“ [1]). Но резолюціей Кабинета Министровъ на это мнѣніе Синода было постановлено: „оставшіеся послѣ духовныхъ персонъ пожитки, а именно: деньги, серебряную, мѣдную и оловянную посуду собирать въ одно мѣсто, а никому не раздавать и ни на что не употреблять безъ особливаго на то указа, а платья и прочія гніющія вещи, оцѣнивъ, продать съ торгу, по указу и взятыя деньги присовокуплять къ прочимъ пожиткамъ и всѣмъ пожиткамъ имѣть записныя приходныя книги за шнуромъ и печатью, а понеже такихъ пожитковъ отъ времени до времени будетъ прибавляться, того ради учредить особливаго добраго и совѣстнаго человѣка, давъ ему надлежащую инструкцію и сколько въ которомъ годѣ такихъ пожитковъ получено будетъ, подавать рапорты въ Кабинетъ“ [2]). Указомъ отъ 25 октября 1737 г. это постановленіе относительно имуществъ, остающихся послѣ смерти „духовныхъ персонъ“, было распространено и на монастыри Малороссіи [3]). Резолюціей же Кабинетъ-Министровъ отъ 30 марта 1738 г. было постановлено поступать съ имѣніемъ монашествующихъ лицъ на основаніи инструкціи о конфискованныхъ имуществахъ, причемъ замѣчено было, что имѣніе монаховъ нельзя считать конфискованнымъ, „но точію тому подобнымъ“. На основаніи этой резолюціи все имѣніе монашествующихъ было переводимо на деньги, каковыя Канцелярія Конфискаціи присылала въ Св. Синодъ [4]), хотя послѣдній и не имѣлъ права расходовать ихъ, такъ какъ они всецѣло принадлежали государству [5]).

Въ началѣ своего царствованія Екатерина II относительно имущественныхъ правъ монашествующихъ лицъ оставалась вѣрной законодательству Петровскаго времени. Указомъ отъ

---

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. X, № 7287.
[2]) П. С. П. и Расп т. VIII, № 2722 и 1-е П. С.. X, 7287.
[3]) 1-е П. С. З. Р. И. т. X, № 7414.
[4]) 1-е П. С. З. Р. И. т. X, № 7551. [5]) Ibidem, №№ 7470, 7471.

29 апрѣля 1765 г. опредѣлялось: „пожитки архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ и прочихъ монашествующихъ обоего пола властей брать въ казну въ силѣ Духовнаго Регламента и собранныя изъ продажи оныхъ деньги употреблять по разсмотрѣнію Коллегіи на богоугодныя дѣла“ [1]) Но указомъ слѣдующаго 1766 г. Екатерина II предоставила монашествующимъ лицамъ такія права, которыя стали въ противорѣчіе какъ съ каноническими требованіями, такъ и съ собственнымъ предшествующимъ законодательствомъ, бывшимъ лишь подтвержденіемъ уже прежде (при Петрѣ I и Аннѣ Іоанновнѣ) состоявшагося запрещенія относительно владѣнія монахомъ частною, личною собственностью. „До сего предками нашими узаконено, какъ въ Духовномъ Регламентѣ и другими послѣ сепаратными ихъ и нашими указами, чтобъ по смерти архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ собственнаго ихъ имѣнія родственникамъ и свойственникамъ ихъ ничего не давать, но таковыя вышнихъ чиновъ прислать въ Коллегію Экономіи подъ охраненіе, а нижнихъ употреблять на раздачу нищимъ по разсмотрѣніи Коллегіи, отъ сего же времени повелѣваемъ: по смерти монастырскихъ властей никуда не отбирать оставшагося по нихъ имѣнія, какого бы оное званія ни было, кромѣ вещей принадлежащихъ къ ризницамъ къ ихъ; но они (монашествующія власти) могутъ при жизни своей тѣмъ, оставляемымъ то себѣ имѣніемъ располагать такъ, какъ имъ принадлежащимъ по собственнымъ своимъ завѣщаніямъ въ пользу сродниковъ, свойственниковъ и ближнихъ своихъ или употреблять на богоугодныя дѣла по своему желанію, не давая болѣе въ томъ никому отчета, если же умершій не оставитъ завѣщанія, и наслѣдниковъ имущества не будетъ, то поступать такъ, какъ Коллегіи о томъ отъ насъ предписано послѣднимъ о таковыхъ указомъ“ [2]). Въ видахъ охраненія имущества монашествующихъ властей по смерти ихъ отъ расхищенія, при императорѣ Николаѣ I было постановлено, чтобы во время тяжкой болѣзни кого изъ архіереевъ и прочихъ монашествующихъ властей, угрожающей кончиною и въ случаѣ небытія на мѣстѣ род-

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVII, № 12389.
[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVII, № 12577.

ственниковъ, къ таковымъ лицамъ назначаемъ былъ чиновникъ изъ полиціи, который обязывался быть при описи имущества, чтобы засвидѣтельствовать ее своею подписью; внѣ городовъ эта обязѣтственность возлагается на старшаго въ монастырѣ и на братію“ [1]).

Интересно, что въ то самое время, когда непрерывными усиліями предшествующихъ царствованій личныя имущественныя права монашествующихъ были доведены до желательнаго minimum'а, со стороны самаго законодательства идетъ какъ бы протестъ прежнимъ репрессивнымъ мѣрамъ въ отношеніи къ личнымъ правамъ монаховъ. Правда, указъ императрицы отъ 20 февраля 1766 г. распространялся только на монашествующихъ властей, монашеская же братія подчинялась въ своихъ имущественныхъ правахъ прежнему Петровскому законодательству, да и по нынѣ дѣйствующему праву наши государственные законы не признаютъ за монахами завѣщательнаго права, и имущество ихъ послѣ смерти переходитъ въ монастырскую казну [2]), но достаточно было и этого указа, чтобы видѣть, что тотъ канонический принципъ, который двигался императрицей въ ея стремленіяхъ къ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, былъ только броней, скрывавшей за собою дѣятельность направленную къ достиженію интересовъ чисто государственныхъ. Каноническою же стороною вопроса въ своей реформаціонной дѣятельности по монашеству Екатерины II интересовалась очень мало.

Съ этого времени постановленія о монашествѣ теряютъ свою прежнюю цѣлостность и послѣдующее законодательство вплоть до нашего времени строго различаетъ права монашествующихъ властей отъ правъ простой монашествующей братіи, права монашествующихъ лицъ, призванныхъ къ общественному служенію, отъ правъ лицъ, живущихъ изолированно отъ

---

1) 2-е П. С. З Р. И. т II, № 1497. (Указъ 1827 г. 30 окт.)

2) 2-е П. С З. Р. И т. III, № 2382. Исключеніе въ данномъ отношеніи представляетъ тотъ случай, когда духовное завѣщаніе было совершено завѣщателемъ до постриженія его въ монашество и относилось къ имуществу пріобрѣтенному имъ до поступленія въ монастырь; въ этомъ случаѣ завѣщаніе имѣетъ силу и монастырь не въ правѣ оспаривать такое завѣщаніе (Законы о состоян.“ Я. Конторовича, ст. 424, п. 5, стр. 227).

общества, равнымъ образомъ права монашествующихъ монастырей общежительныхъ отъ необщежительныхъ. Такая дробность постановленій касательно одного и того же монашескаго института явилась вслѣдствіе различныхъ условій жизни самихъ монашествующихъ лицъ. Тѣмъ изъ нихъ, которые были изолированы отъ общественной дѣятельности и сношеній съ міромъ, законодательство представляетъ права строго отвѣчающія каноническимъ требованіямъ, для другихъ же находитъ нужнымъ смягчать и ограничивать строгость каноническихъ требованій. Политика Петра I относительно монашества была такова, что онъ не признавалъ, чтобы кто „въ избылыхъ былъ“, но требовалъ, чтобы всякій служилъ государству и приносилъ ему осязательную пользу, почему стремленія Петровскаго законодательства клонились главнымъ образомъ къ тому, чтобы использовать монашескій институтъ со стороны его матеріальнаго богатства; вмѣшательства же монаховъ въ дѣла общественныя и государственныя Петръ I, по особымъ историческимъ обстоятельствамъ того времени, когда монахи считались лицами крайне неблагонадежными, не допускалъ. Со времени же Екатерины II, когда былъ окончательно разрѣшенъ вопросъ о монастырскихъ имуществахъ, законодательство привлекаетъ монашество къ служенію другого рода, общественному, надѣляя его широкими правами и полномочіями для болѣе глубокаго и плодотворнаго нравственнаго воздѣйствія на общественную жизнь, и считая это вліяніе при современномъ положеніи вещей очень нужнымъ и полезнымъ. Сообразно съ этимъ, въ самомъ законодательствѣ намѣчаются какъ бы двѣ категоріи монашествующихъ лицъ: одна, живущая сама по себѣ, руководящаяся только идеей внутренняго усовершенствованія, личнаго спасенія, другая, призванная на дѣло служенія человѣчеству, обществу, по существу близкая и сродная первой, но все же въ своей жизни и правахъ самимъ законодательствомъ отмѣченная, какъ отличная отъ первой. Правда, еще при Петрѣ I ученое монашество было нѣкоторымъ образомъ выдѣлено изъ прочей монашествующей братіи и было отличаемо въ монастырѣ отъ неученыхъ пищею и одеждою [1]),

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, № 4650, опр. II.

но какихъ нибудь особенныхъ правъ и привиллегій, связанныхъ съ ихъ положеніемъ въ монастырѣ или обществѣ, идущихъ въ разрѣзъ съ каноническими принципами, ему дано не было.

Теперь изложимъ какъ права принадлежащія всѣмъ монашествующимъ лицамъ вообще, такъ и права предоставленныя только нѣкоторымъ изъ нихъ въ виду ихъ особаго положенія въ монастырѣ или обществѣ.

Въ отношеніи къ имущественнымъ правамъ всѣхъ вообще монашествующихъ лицъ, со времени Екатерины II, строго примѣнялся принципъ законодательной дѣятельности Петровскаго времени. При Александрѣ I, въ указѣ 24 іюля 1812 г., мы встрѣчаемся даже съ подтвержденіемъ его въ такихъ словахъ: „въ дѣлахъ, гдѣ будетъ настоять вопросъ—могутъ ли монашествующіе наслѣдовать и пріобрѣтать имѣнія, руководствоваться: Уложеніемъ 17 гл. 42—44 пунктами и Духовнымъ Регламентомъ, по существу коихъ монашествующіе, по постриженіи своемъ, отъ права на наслѣдство и на пріобрѣтеніе недвижимыхъ имѣній какимъ бы то ни было образомъ устраняются“ [1]). Равнымъ образомъ и при Николаѣ I „въ пользу монашествующихъ со времени постриженія ихъ въ иноческій чинъ, какъ устраненныхъ отъ правъ наслѣдства, завѣщевать лично, какъ движимое, такъ и недвижимое имущество запрещалось“ [2]). И по нынѣ дѣйствующему праву, монашествующіе не могутъ пріобрѣтать никакого недвижимаго имущества ни по договору, ни по наслѣдству, ни по завѣщанію; на этомъ основаніи вступающій въ монашество обязанъ до постриженія отдать свое родове имѣніе своимъ законнымъ наслѣдникамъ, а благопріобрѣтенное въ чью либо пользу по своему усмотрѣнію. За отсутствіемъ такого распоряженія съ его стороны имѣніе въ обоихъ случаяхъ обращается къ законнымъ наслѣдникамъ безвозмездно, по приказанію правительства [3]). Поступающій въ монашество отрекается отъ имущества своего еди-

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XXXII, № 25162.

[2]) 2-е П. С. З. Р. И. т. VI, № 4844, § 39, и 3. (Ук. 1 окт. 1831 г).

[3]) Св. Закон. т. IX, ст. 416 по изд. 1899 г. или 354 по изд. 1876 г., т. X, ч. I, ст. 1223, 1109, по изд. 1899.

нажды навсегда, почему не получаетъ уже его обратно въ случаѣ сложенія съ себя монашества и возвращенія въ состояніе гражданское; на этомъ же основаніи съ постриженіемъ въ монашество прекращается производство пенсій духовнымъ лицамъ, получившимъ оную за службу по гражданскому или военному вѣдомствамъ [1]).

Относительно завѣщательнаго права монашествующихъ лицъ не могло бы быть и рѣчи, еслибы, конечно, со времени Екатерины, монашествующимъ необщежительныхъ монастырей не предоставлено было правъ личной собственности. Монахи такихъ монастырей имѣли только общій столъ или трапезу, все же прочее пріобрѣтали каждый для себя собственнымъ трудомъ, съ помощью доходовъ отъ монастырской службы и жалованья отъ казны, отпускаемаго по штатамъ. Благодаря этому, у каждаго изъ монашествующихъ въ такого рода монастыряхъ была своя собственность. При жизни своей онъ могъ свободно пользоваться ею. Указомъ 29 іюня 1859 г. „монашествующимъ не запрещалось даже вносить денежные ихъ капиталы въ кредитныя установленія, на условіяхъ по ихъ волѣ; съ тѣмъ однако, чтобъ сіи послѣднія не заключали въ себѣ распоряженія о выдачѣ капиталовъ въ случаѣ смерти вкладчиковъ, кому бы то ни было; сіи капиталы обращались обязательно въ монастырскую казну“ [2]). Однако отдавать денежные капиталы подъ частныя долговыя обязательства, монашествующимъ строго воспрещалось [3]). Циркулярнымъ Указомъ Св. Синодъ отъ 28 мая 1896 г., по поводу выдачи однимъ монахомъ денегъ подъ вексель переуступленный затѣмъ другому лицу и послѣднимъ обращенный ко взысканію при посредствѣ суда, строжайше было подтверждено о точномъ соблюденіи 423 ст. Св. Законовъ, безусловно запрещавшей монашествующимъ лицамъ отдавать деньги подъ частныя долго-

[1]) 2-е П. С. З. Р. И. т. VII, № 5310, § 9, т. XV, № 13065; Св. Закон. т IX, ст. 417, 418.

[2]) 2-е П. С З. Р. И. т. XXXIV, № 34693. Это позволеніе въ своемъ основаніи имѣло 19 ст. Манифеста 1786 г. (2-е П. С. З. Р. И. т. III, 2382, п. I), въ силу которой было позволено всѣмъ подданнымъ безъ различія состоянія вносить въ банкъ свои капиталы.

[3]) 2-е П. С. З Р. И. т. XL, № 41958.

выя обязательства [1]). Монахи какъ собственностью могли владѣть и келліями и имъ дозволялось покупать и строить ихъ собственнымъ иждивеніемъ, но съ условіемъ въ то же время оставлять сіи строенія послѣ смерти или отлучки изъ монастыря только въ пользу монастырскую [2]).

Такимъ образомъ право личной собственности, признанное самимъ законодательствомъ за монашествующими лицами монастырей не общежительныхъ, разсматривается имъ самимъ только какъ право частнаго пользованія собственностью, а не какъ и право распоряженія ею. Въ силу этого, напримѣръ, завѣщевать свое имущество монашествующія лица уже не могутъ [3]). Правомъ собственности въ широкомъ смыслѣ этого слова, со времени Екатерины II, пользуются только монашествующія власти. Имъ только принадлежитъ право не только владѣть извѣстною собственностью, но и свободно располагать ею при жизни и послѣ смерти. Вотъ почему въ то время, какъ относительно монашествующей братіи дѣйствуетъ законъ, въ силу котораго ихъ капиталы, хранящіеся въ банкѣ, послѣ ихъ смерти необходимо переходятъ въ монастырскую казну, относительно монашествующихъ властей сдѣлано исключеніе, по которому право монастырей и архіерейскихъ домовъ въ наслѣдованіи имуществомъ, оставшимся послѣ смерти монашествующихъ лицъ, на капиталы монашествующихъ властей не распространяется [4]). Послѣдующее за Екатериною II законодательство точнѣе и подробнѣе опредѣлило дарованное ею монашествующимъ властямъ право завѣщанія принадлежащей имъ собственности. Указами послѣдующаго времени было выяснено, „что завѣщанія монашествующихъ властей считаются дѣйствительными только тогда, когда они относятся къ движимымъ ихъ частнымъ имуществамъ, а не къ ризницамъ, хотя бы тамъ находились вещи, пріобрѣтенныя ими на собственное иждивеніе“ [5]), что архіереи и другія монашествую-

[1]) „Циркул. Указ. Св Синода“ Завьялова, Указъ 1896 г 28 мая, № 5.

[2]) Этому же правилу подлежали и постройки (келлія), принадлежащія частнымъ лицамъ. П. С. П. и Расп. т. II, № 934; „Цирк. Указ. Св. Синода“ Завьялова, 1871 г. № 64; Св. Законовъ т IX, ст. 419, по изд. 1899 г.

[3]) 2 е П. С. З Р. И.. т. XL, № 41835.

[4]) „Зак о состоян.“ т. IX, ст. 424, п. 4, изд 1899 г. (Канторовичъ)

[5]) 2-е П. С. З. Р. И. т. VI, № 4844, § 9

щія власти не имѣютъ права завѣщевать свои имущества тѣмъ, кои пострижены въ монашество, какъ людямъ отрекшимся отъ міра, однако сіе ограниченіе не распространяется на иконы, панагіи, наперстные кресты и книги духовно-нравственнаго и ученаго содержанія; всѣ сіи предметы могутъ быть завѣщаемы въ пользу постриженныхъ въ монашество" [1]). Впослѣдствіи, указомъ Св. Синода 1893 г было подтверждено, что родственники преосвященныхъ, архимандритовъ и прочихъ монашествующихъ властей не могутъ наслѣдовать оставшіяся послѣ ихъ смерти церковныя вещи, освященныя церковнымъ употребленіемъ: митры, кресты и т. п [2]). Что же касается жалуемыхъ духовнымъ лицамъ панагій и крестовъ драгоцѣнными камнями украшенныхъ, то послѣ смерти таковыхъ лицъ, эти награды отдаются наслѣдникамъ, съ тѣмъ однако, чтобы священныя изображенія, въ оныхъ находящіяся, были вынимаемы и оставляемы для храненія въ ризницѣ того мѣста, къ коему умершій по служенію принадлежалъ [3]).

Однако привиллегія завѣщательнаго права, дарованная со времени Екатерины II всѣмъ монашествующимъ властямъ, съ теченіемъ времени была ограничена въ томъ смыслѣ, что право владѣнія этой привиллегіей распространялось не на всѣхъ монашествующихъ властей. При Александрѣ II, въ измѣненіе подлежащихъ статей закона было постановлено: „всякое имущество, остающееся по смерти настоятеля или настоятельницы общежительнаго монастыря, хотя бы оно и не значилось по монастырскимъ документамъ, признается собственностью монастыря" [4]). Этимъ постановленіемъ законодательство 19 ст. отчасти какъ бы исправляетъ замѣченную несостоятельность съ канонической точки зрѣнія Екатерининскаго указа, касательно разрѣшенія монашествующимъ властямъ владѣнія личной собственностью. И возвращается уже къ принципу Петровскаго законодательства, которымъ общежительное

[1]) 2-е П. С. З. Р. И. т. XXXIV, № 34693. (Ук 29 іюня 1859 г.)

[2]) Церков Вѣд. 1893 г., стр. 243.

[3]) 2-е П. С З. Р И. т. IV, № 2647. Подтвержденіе всѣхъ указовъ, касательно распоряженія имуществомъ, остающимся послѣ смерти монашествующихъ властей въ указѣ 19 окт. 1871 г. („Цирк. Ук. Св. Син" Завьялова, 1871 г., № 59).

[4]) 2-е П. С З. Р. И. т. XXXVII, № 38678. (Ук. 17 сент. 1862 г.).

устройство монастыря исключало всякую возможность личной собственности. Съ такимъ рѣшеніемъ этотъ вопросъ, относительно имущественныхъ правъ настоятелей общежительныхъ монастырей, остается и въ нынѣ дѣйствующемъ законодательствѣ.

Что касается монашествующей братіи общежительныхъ монастырей, то со времени Екатерины II, которая въ этомъ случаѣ держалась законодательства Петра I, и до нынѣ къ ней во всей строгости примѣнялся принципъ нестяжательности, почему ей никогда не разрѣшалось имѣть ничего собственнаго, все у нея было общее и все принадлежало монастырю. Даже и жалованье, которое монастырю полагается отъ казны, и то, въ силу того же общежительнаго принципа, не поступаетъ въ раздѣлъ братіи, а обращается въ общую монастырскую казну [1]). Какъ лицамъ, удаленнымъ отъ міра, монашествующимъ общежительныхъ монастырей строго воспрещается вмѣшиваться въ дѣла гражданскія, общественныя или церковныя, напримѣръ, быть опекунами, повѣренными, попечителями въ дѣлахъ, не касающихся ихъ монастырей [2]).

Съ точки зрѣнія іерархической въ составѣ монашеской общины должно отличать: іеродіаконовъ, іеромонаховъ, архимандритовъ и епископовъ (послѣдніе иногда бываютъ настоятелями монастырей, или же живутъ въ монастыряхъ на покоѣ). Изъ іеромонаховъ, съ утвержденія епископскаго, по правилу Духовнаго Регламента, обыкновенно выбирался одинъ для всей монашеской общины духовникъ; на обязанности его на ряду съ участіемъ въ отправленіи повседневнаго богослуженія лежала забота и о нравственномъ совершенствованіи общины; о средствахъ къ искорененію какого либо господствующаго и распространеннаго въ монастырѣ грѣха духовникъ долженъ былъ совѣтоваться съ настоятелемъ, не называя, однако, и не имѣя въ виду указать какихъ нибудь лицъ, владѣющихъ извѣстнымъ порокомъ [3]). На обязанности же духовника, какъ

[1]) Разъясн. Постан. Св. Синода. Церков. Вѣд. 1893, № 11.

[2]) Св Законъ т. IX, стр. 421.

[3]) П. С П. и Расп т. II, № 596, п. 57, стр. 254. *Примѣчаніе* Въ женскихъ монастыряхъ такимъ духовникомъ былъ пожилой женатый священникъ, «вдовымъ же попамъ и діаконамъ при женскихъ монастыряхъ быть запрещено». (П. С. П. и Расп. т. VI, № 2238).

лица опытнаго въ монашескихъ подвигахъ, лежало руководство въ прохожденіи искуса и укрѣпленіи подвижнической настроенности лицъ, имѣющихъ принять постриженіе, а также и лицъ изъ монашествующей братіи, нуждающихся въ наставленіи и совѣтѣ [1]). Не смотря на то, что іеромонахи и іеродіаконы владѣли священнымъ саномъ, имъ однако, какъ лицамъ отрѣшеннымъ отъ міра, запрещалось совершать священнодѣйствія и исполнять обязанности, вводящія ихъ въ сферу мыслей и чувствъ чисто мірского свойства; на этомъ основаніи еще при Петрѣ I имъ не позволялось совершать браки и мірскія требы [2]), быть воспріемниками при крещеніи и даже совершать богослуженіе въ приходскихъ церквахъ [3]). Въ Синодальномъ опредѣленіи 8 мая и 9 октября 1811 г., по дѣлу о повѣнчаніи брака архимандритомъ Виленскаго Свято Духова монастыря Тимоѳеемъ приводится даже каноническое основаніе указаннаго запрещенія—84 правило Номоканона: „монахъ священникъ не вѣнчаетъ женитву, сирѣчь не благословляетъ, неприлично бо есть; ниже воспріемникъ бываетъ монахъ дѣтища“ [4]). Общая церковная практика греческой церкви устраняла монашествующихъ лицъ отъ исполненія обряда вѣнчанія и воспріятія на себя обязанностей воспріемника. Въ одномъ изъ каноническихъ отвѣтовъ патріаршаго хартофилакса Петра, писанныхъ въ концѣ XI в. на вопросъ: позволительно ли монаху держать вѣнцы новобрачнаго и воспринимать дѣтей отъ крещенія говорится: „все это противно канонамъ и запрещается“ [5]). Но въ русской церкви, какъ видно изъ лѣтописей, практика относительно воспріемничества монахами дѣтей отъ крещенія не согласовалось съ практикой греческой церкви, такъ такъ воспріемниками княжескихъ и царскихъ дѣтей были большею частью монахи. По нынѣ дѣйствующему праву іеромонахамъ запрещается совершать „вѣнчаніе“, но отправлять богослуженіе въ приходскихъ церквахъ позволяется, только съ разрѣшенія архіерея и строгимъ предписаніемъ на-

[1]) Инстр. Благ. Монаст § 13.
[2]) П. С. П. и Расп. т. I, № 52.
[3]) 1-е П. С. З Р. И. т. X, № 7493.
[4]) „Номоканонъ при Бол. Треб.“. А. Павлова, стр 217.
[5]) „Номоканонъ“... А. Павлова, стр. 216.

стоятелю имѣть тщательное наблюденіе за таковыми іеромонахами въ томъ, чтобы они уходили не раньше положеннаго времени и возвращались въ монастырь непосредственно по совершеніи службы [1]). По нынѣ дѣйствующей практикѣ монашествующія власти и монахи необщежительныхъ монастырей бываютъ воспріемниками. Въ данномъ случаѣ практика эта не вызываетъ противъ себя возраженій по тѣмъ же основаніямъ, по которымъ монашествующимъ лицамъ этой группы присвоены и нѣкоторыя другія привиллегіи, не распространяющіяся однако на монашествующихъ лицъ монастырей общежительныхъ.

Сообразно со степенью своего сана монашествующія лица отличались другъ отъ друга еще въ правахъ на то или другое облаченіе. Правда всѣ облаченія, которыя имѣютъ теперь употребленіе, возникли гораздо раньше того времени, которое мы изслѣдуемъ, такъ что намъ и касаться ихъ не было бы надобности. Но въ виду того, что права на употребленіе церковныхъ облаченій съ уничтоженіемъ патріаршества нѣсколько измѣнились, то мы находимъ нужнымъ вкратцѣ указать и на то, какіе знаки отличія монашествующія лица получили въ теченіе 18 и 19 ст., какъ неотъемлемыя принадлежности ихъ сана, не касаясь впрочемъ правъ и привиллегій, представленныхъ въ этомъ отношеніи только монашествующимъ властямъ нѣкоторыхъ монастырей. На соборѣ 1675 г. архимандритамъ никакого отличія въ облаченіяхъ предъ священниками не было положено „палицу, набедренникъ, шапку, крестъ, мантію со скрижалями, осѣняльныя свѣчи, жезлы съ яблоками и пр.“ предоставлено было имѣть только тѣмъ архимандритамъ, коимъ сіи отличія „имянно пожалованы“. Такое ограниченіе архимандритовъ въ облаченіи было въ 17 в., когда всѣ указанныя преимущества составляли отличіе патріаршескаго и епископскаго служенія, власть которыхъ давала основаніе рѣзко отличать себя отъ подчиненныхъ себѣ и это обнаруживать даже въ облаченіи. Но съ уничтоженіемъ патріаршества, когда высшія

[1]) Правила благоустр. монаш. братствъ въ Моск. Ставропигіальныхъ обителяхъ, утвержд. Св. Синод. 18 февр. 1853 г. (Сборн. дѣйств. и руков. пост. Т. Барсова, прил. къ ст. 1082, гл. X, п. 52).

духовныя власти потеряли свое прежнее значеніе и свою силу, отличія, составляющія прежде принадлежности ихъ сана и власти, мало по малу переходятъ и къ ихъ подчиненнымъ. Такъ употребленіе всѣми архимандритами палицы вошло въ практику только въ 18 ст. (въ 1742 г.), до того же времени оно составляло принадлежность только тѣхъ, „имже опредѣлися и во настольныхъ граматахъ писася“ [1]), обыкновенно же архимандритамъ разрѣшалось носить только набедренникъ. Совмѣстное же употребленіе того и другого практикуется только съ 18 столѣтія [2]).

Право ношенія креста на персяхъ до 18 ст. получали только архимандриты почтенѣйшихъ монастырей и только въ предѣлахъ Малороссіи, со времени же Петра I это право начинаетъ мало по-малу проникать и въ Московскую Русь, но усвояется тѣмъ или другимъ архимандритомъ, какъ исключеніе. Въ 1722 г. право ношенія наперсныхъ крестовъ было предоставлено и архимандритамъ, засѣдающимъ въ Св. Синодѣ. Нѣкоторое время въ виду того, что приведенное распоряженіе Петра I въ свое время не было записано, оно не имѣло никакого практическаго примѣненія, но въ 1741 г. это распоряженіе Петра I было снова подтверждено и ему была придана сила закона. Въ 1742 г. Елизавета Петровна, въ бытность свою въ Москвѣ, замѣтивъ что Малороссійскіе архимандриты отличаются отъ Великороссійскихъ ношеніемъ на персяхъ креста, Всемилостивѣйше указала Св. Синоду предписать и на всѣхъ Великороссійскихъ архимандритовъ возложить наперсные кресты для отличія отъ игуменовъ и іеромонаховъ [3]). Кромѣ того наперсный крестъ съ 1757 года принято было выдавать монашествующимъ лицамъ священническаго сана, опредѣляемымъ къ миссіямъ въ иностранныхъ государствахъ. До 1881 г. кресты были золотые и выдавались изъ кабинета Его Величества. За усердную и безпорочную семилѣтнюю

---

[1]) „Исторія Россійск. іерархіи“. Амвросія, ч. I, стр. 341

[2]) „Руков для сельск. паст.“ 1902 г. № 8, стр. 215 Статья А. Дмитріевскаго „О знакахъ отличій“.

[3]) „Ист. Росс. іерар.“ Амвросія, ч I, стр. 397,—С.-Петерб Духов. Вѣсти. 1897 г., № 50, стр. 996.

службу за границей пожалованные кресты дарились въ собственность, въ случаѣ же меньшей службы по времени, крестъ передавался преемнику по службѣ; съ 1881 г. право выдачи наперсныхъ крестовъ принадлежитъ уже Св. Синоду, который выдаетъ кресты не золотые, а вызолоченные [1]).

Къ началу же 18 ст. относится появленіе у насъ обычая награждать заслуженныхъ архимандритовъ панагіею. Въ 1731 г. архимандриту Донского монастыря отъ Государыни Императрицы Анны Іоанновны Высочайше пожалована панагія, а въ 1744 г. право ношенія панагіи предоставлено было архимандриту и ректору Харьковскаго училищнаго Покровскаго монастыря—Гедеону и „будущимъ по немъ“ [2]). Именнымъ указомъ отъ 18 іюня 1755 г. панагію разрѣшалось носить архимандриту Пыскорскаго монастыря, что и подтверждено было грамотою Св. Синода отъ 14 февраля 1763 г. [3]). Нѣкоторымъ архимандритамъ было даровано право носить панагію только при богослуженіи, другимъ же и „кромѣ служенія“ [4]), послѣднее имѣло силу и по отношенію къ епископамъ, такъ въ 1799 г. Павелъ I позволилъ архіепископу Амвросію (потомъ митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому) носить и „кромѣ служенія всегда на персяхъ крестъ съ панагіею“ [5]). Награжденіе нѣкоторыхъ архимандритовъ панагіею практикуется у насъ и до нынѣ.

Употребленіе архимандритами митры до 18 в. было дѣломъ исключительнымъ, носили ее только тѣ, „имже опредѣлися и во настольныхъ граматахъ писася“ [6]). Награжденіе же ею зависѣло отъ патріаршаго и государева разрѣшенія. Съ 18 же вѣка, при Петрѣ I, митра была дарована всѣмъ архимандритамъ и сдѣлалась ихъ неотъемлемой принадлежностью [7]).

Что касается мантій, то до Петра I „архіепископы и епископы носили мантію со источники черную или багряновидную, но

[1]) Руков для сельск. паст. 1902 г., № 8, стр. 220; Спб. Дух. Вѣсти. 1897 г. № 51—52, стр. 1016—1017

[2]) „Ист. Росс. іерар.“ Амвросія, ч. I, стр. 364, 395.

[3]) „Ист. Росс. іерарх.“, Амвросія, ч. I, стр. 369.

[4]) Ibidem, стр. 355

[5]) „Ист Росс. іерарх.“ Амвросія, ч. I, стр. 353.

[6]) Ibidem, стр. 341. [7]) Ibidem, стр. 353.

не багряносвѣтлоцвѣтную, ниже червленную, ниже зеленую или свѣтло лазоревую; поматы верхнія и дольнія у архіепископовъ зеленаго цвѣта, у епископовъ же лазореваго цвѣта“ [1]), „архимандриты же (и то нѣкоторыхъ монастырей) мантіи чернаго сукна со единѣми верхними поматами багряновиднаго цвѣта атласными, или камчатыми“ [2]). Вообще же архимандриты и игумены носили мантіи просто монашескія [3]).

Но если въ 17 ст. ношеніе опредѣленныхъ мантій было дѣломъ не столько отличающимъ санъ, сколько заслуги того или другого архимандрита, или важность той или другой обители, почему право ношенія мантій было весьма ограничено, то съ 18 вѣка предоставленіе права ношенія тѣхъ или другихъ мантій архимандритомъ получаетъ болѣе широкое примѣненіе [4]), и дѣлается почти исключительно знакомъ отличія сана, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ сообразуется и съ класснымъ положеніемъ обители. Болѣе или менѣе однообразная практика въ ношеніи архимандритами мантій устанавливается только со времени Павла I, когда указомъ отъ 18 декабря 1797 г. было постановлено, чтобы всѣ архимандриты носили мантіи со скрижалями (если только назначаются не на игуменскую вакансію), игумены же съ этихъ поръ обыкновенно носятъ набедренникъ и простую мантію. Въ 1835 г. Св. Синодомъ было сдѣлано распоряженіе, чтобы „всѣ лица, занимающія училищныя должности изъ монашествующихъ, въ случаѣ, когда кто изъ нихъ удостоенъ будетъ сана архимандрита безъ назначенія въ управленіе ему монастыря, или съ назначеніемъ, но не выше третьеклассnаго, употребляли мантіи камлотовыя съ зелеными бархатными скрижалями“ [5]). Въ настоящее время въ виду того, что не существуетъ какихъ нибудь постановленій, точно устанавливающихъ внѣшній видъ мантій, послѣднія очень разнообразятся, какъ относительно цвѣта скрижалей (поматовъ), такъ и относительно качества самой матеріи, изъ которой дѣлаются мантіи.

[1]) „Ист. Росс. іерарх.“ Амвросія, ч. I, стр. 335—336.

[2]) Ibidem, стр. 337.

[3]) Отсюда различіе архимандритовъ—скрижальныхъ и нескрижальныхъ („Ист. Росс іер.“, стр. 340).

[4]) „Ист. Росс. іерарх.“, ч. I, стр. 360, 362—3, 365, 366—8, 377, 385—6.

[5]) Рук. Указ. Св. Син. В. Мавриціій, стр. 54, № 56.

Со времени Павла I монашествующія лица на ряду съ бѣлымъ духовенствомъ вообще получили право на ношеніе орденовъ Конечно, имперскія награды даются только тѣмъ изъ монашествующихъ лицъ, кои занимаютъ какое либо общественное положеніе и являются знакомъ отличія, даруемымъ за ихъ заслуги по общественной дѣятельности. Извѣстно, что въ свое время по этому вопросу высказывались въ томъ смыслѣ, что монашескому чину несвойственно украшать себя орденами, въ виду того, что это нисколько не мирится съ ихъ внутреннимъ приговоромъ при постриженіи объ отрѣшеніи отъ міра и всѣхъ его почестей. Но по нашему мнѣнію, если нѣтъ ничего противнаго духу каноническихъ постановленій въ томъ фактѣ, что монашествующія лица привлекаются къ широкому участію въ дѣлахъ общественныхъ, ибо въ данномъ случаѣ они привлекаются въ качествѣ нравственныхъ свѣточей, служащихъ всегда защитниками нравственныхъ интересовъ, то и награжденіе ихъ за религіозно-нравственное служеніе обществу орденами, показывающими ревность ихъ „по Бозѣ“, не должно быть выставляемо какъ нѣчто такое, что совершенно противно духу каноническихъ требованій.

Устройство монашеской общины со времени Петра I въ существенныхъ чертахъ было таково. Во главѣ монашеской общины стоялъ настоятель, который соотвѣтственно съ знатностью и достоинствомъ монастыря былъ или архимандритъ, или игуменъ, или строитель. Въ качествѣ помощниковъ при нихъ состояли намѣстники, казначеи и келари. Относительно настоятелей монастырскихъ въ Духовномъ Регламентѣ сказано: „подобаетъ въ духовная начальства избирать благонравныхъ и въ житіи иноческомъ искусныхъ, безпорочныхъ и свидѣтельствованныхъ, добрѣ вѣдущихъ разумъ писанія и уставъ житія монастырскаго и монашескаго; да печется о спасеніи братнихъ душъ, а не о строеніи точно стѣнъ и собраніи многаго братства, но бодроопасно по званію своему да правительствуетъ; и въ томъ коегождо настоятеля при опредѣленіи на начальство приводитъ къ присягѣ, съ подобающимъ подкрѣпленіемъ“ [1]). Если же настоятель не оправдаетъ надеждъ, возла-

[1]) П. С. П. и Росп. т. II, № 596, п. 49 и № 426, гдѣ изложена аримандрическая присяга. И теперь при посвященіи въ архим. присяга практикуется.

гаемыхъ на него, „такового, ничтоже медля, сводити въ степень послѣдняго братства, а въ его мѣсто совѣтомъ братіи избирати иного“ [1]). Это нужно дѣлать, какъ сказано въ Регламентѣ, въ примѣръ другимъ начальствующимъ, которые въ виду такого строгаго къ нимъ отношенія „хранитися будутъ“ и „законопредложенія монастырская добрѣ и всецѣла соблюдутся“ [2]). Но такъ какъ настоятелей, владѣющихъ вышеуказанными качествами, можно было найти не во всякомъ монастырѣ, то Петръ I нѣкоторые монастыри дѣлаетъ разсадниками высшихъ духовныхъ должностей путемъ нарочитаго сосредоточенія въ нихъ лицъ, отличающихся своимъ образованіемъ и доброю жизнью. Такими монастырями были сдѣланы Чудовъ и Троице-Александро-Невскій. Указомъ отъ 4 января 1723 г. было повелѣно: „въ Чудовѣ монастырѣ имѣть монаховъ такихъ, которые достойныбъ были къ произведенію на начальства духовныя и того ради обрѣтающихся нынѣ въ томъ монастырѣ монаховъ настоятелю разобрать и потребныхъ, въ которыхъ надежда хотящаго быть начальства есть, содержать въ томъ монастырѣ по прежнему, въ добромъ присмотрѣ, а которые тамъ суть подъ стѣною токмо стоящіе, таковыхъ въ иные переводить монастыри, а именно въ такіе, гдѣ монахи своими питаются трудами, а на мѣста ихъ принимать потребныхъ къ вышеозначенному начальству доброжительныхъ монаховъ; также которые по доброжительству и усмотрѣны гдѣ въ монастыряхъ будутъ и во оной Чудовъ явятся потребны, о тѣхъ того Чудова монастыря настоятелю подавать въ Синодѣ, при доношеніяхъ, именные реэстры, по которымъ тѣхъ монаховъ обыкновенно въ тотъ монастырь и переводить“ [3]). Такое же назначеніе въ отношеніи къ монастырямъ исполняла и Троице-Александро-Невская Лавра [4]).

Петръ I хотѣлъ придать такое устройство монастырямъ, по которому одинъ архимандритъ долженъ былъ начальствовать

[1]) Такой способъ избранія практиковался и въ послѣдующее время (П. С. П. и Росс. т. VII, № 2532), но при Екатеринѣ II больше значеніе для избранія въ настоятели имѣли епархіальный архіерей и Св. Синодъ.

[2]) П. С. П. и Росс. т. II, № 596, п. 50, стр. 254.

[3]) П. С. П. и Расп. т. III, № 965.

[4]) Ibidem, т. V, № 2959 и т. VI, № 2115.

надъ нѣсколькими монастырями. Съ этою цѣлію онъ думалъ надѣлить нѣкоторыхъ изъ нихъ такою административною властью, которая по своей силѣ приближалась бы только къ власти епископа по отношенію къ духовенству его епархіи. По указу 1724 г.. писанному Его Императорскимъ Величествомъ собственноручно, „велѣно было ученить архимандритовъ надъ нѣсколькими монастырями, въ которыхъ бы были игумены (чего для архимандритовъ число убавить), также чтобъ оные имѣли парахіальныхъ священниковъ, раздѣляя дистриктами, чтобъ надсматривали и доносили архіерею своему“ [1]). Съ цѣлію введенія такого устройства въ управленіи монастырями, архимандріи замѣнялись игуменствами, а эти послѣднія уничтожались и монастыри ихъ были приписываемы къ другимъ, болѣе знатнымъ. „По учиненной въ Св. Синодѣ на реэстрѣ въ 1724 г. о монастыряхъ размѣткѣ во многихъ Синодальной области и епаршескихъ монастыряхъ, гдѣ были истари архимандриты, по тому же реэстру назначено быть игуменомъ, а не архимандритомъ, а гдѣ въ монастыряхъ были игумены, тѣ монастыри назначено упразднить“ [2]). Но этотъ реэстръ, какъ видно изъ того же указа, на практикѣ не былъ осуществленъ примѣнительно ко всѣмъ числящимся въ реэстрѣ монастырямъ. Въ царствованіе Петра II Алексѣевича и особенно Анны Іоанновны мы не встрѣчаемъ поддержки предполагавшемуся со стороны Петра I устройству въ управленіи монастырями, поэтому въ ихъ время, уничтоженныя при Петрѣ I архимандріи, снова возстановляются и получаютъ обратно свои привиллегіи [3]). При Екатеринѣ же II, вмѣстѣ съ учрежденіемъ штатовъ, когда архимандріи были установлены только въ перво и второклассныхъ монастыряхъ, идея Петровскаго устройства управленія монастырями была отвергнута навсегда

[1]) П. С. П. и Расп. т. VI, № 1202; VI, № 2115

[2]) П. С. П. и Расп. т. VII, № 2532.

[3]) Такъ возстановляется архимандрія въ Никитскомъ въ г. Переяславѣ—Залѣсскомъ монастырѣ при Петрѣ II (П. С. П. и Расп. VI, 2141), Ново Заозерскомъ Авраміевѣ монастырѣ при Аннѣ Іоанновѣ (ibid VII, 2532), Иверско-Валдайскомъ (VII, 2487) Мало того, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ были даже вновь учреждены архимандріи, такъ: въ Николаевскомъ—Пустынномъ, Благовѣщенскомъ, Училищно-Братскомъ и Михайловскомъ-Златоверхомъ (П. С. П. и Расп. т. VII, № 2554).

и архимандриты получили административную власть только въ предѣлахъ своего монастыря.

Въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы на высшія духовныя должности не назначаемы были лица къ отправленію своихъ обязанностей неподготовленныя, а также въ цѣляхъ ограниченія и сокращенія настоятельскихъ должностей, опредѣленіе на мѣста настоятелей при Петрѣ I совершалось по сношенію съ Св. Синодомъ и безъ его разрѣшенія никто не имѣлъ права принять на себя начальство въ монастырѣ. Резолюціей Св. Синода отъ 22 марта 1723 г. на доношеніе Московской Духовной Дикастеріи было постановлено: „при назначеніи настоятелей не въ степенные малые монастыри докладывать Синоду, въ присутствіи Св. Синода въ Москвѣ, а во отсутствіе производить по Дикастерному опредѣленію съ такимъ усмотрѣніемъ, чтобы въ томъ опредѣленіи Духовному Регламенту противности не было; напримѣръ, гдѣ малобратственный монастырь, тутъ архимандритовъ не ставить, хотябъ и прежде былъ, тожъ и о игуменахъ чинить и о томъ въ Св. Синодъ рапортовать“ [1]). Именнымъ указомъ отъ 31 января 1724 г. было повелѣно „какъ въ архіереи, такъ и въ архимандриты не производить никого безъ докладу въ Св. Синодѣ, а послѣдній долженъ докладывать намъ“ [2]). „Въ которомъ же монастырѣ архимандритъ или игуменъ умретъ или по какой причинѣ отъ настоятельства былъ отрѣшенъ, или въ другой монастырь переведенъ будетъ, на тѣ убылыя мѣста, безъ полученія отъ Св. Синода указа, никого въ настоятели не производить, но о тѣхъ настоятеляхъ, которыхъ какимъ случаемъ не станетъ, также и о состояніи тѣхъ монастырей присылать въ Синодъ архіереемъ обстоятельныя при доношеніяхъ вѣдомости и ожидать Синодальнаго опредѣленія“ [3]). Въ дальнѣйшей своей исторіи требованіе разрѣшенія отъ Св. Синода при поставленіи въ настоятели монастырей и въ архимандриты потеряло свое значеніе и указами отъ 7 февраля 1726 г. и 24 января 1728 г. право опредѣленія архимандритовъ и игуменовъ на настоя-

[1]) П. С. П. и Расп. т. III, № 1044.
[2]) Ibid. т. IV, № 1197, п. 15, стр. 60.
[3]) П. С. П. и Расп. т IV, № 1239 и т. III, № 1061.

тельскія мѣста въ монастыри было даровано епархіальнымъ епископамъ съ тѣмъ, чтобы они потомъ доносили о поставленныхъ въ настоятели Св. Синоду [1]). Если же епархіальные архіереи въ своей епархіи затрудняются найти подходящее лицо для опредѣленія на должность настоятеля монастыря, то имъ предоставляется право обращаться за таковыми лицами въ другія епархіи чрезъ письменное сношеніе съ архіереями тѣхъ епархій [2]). При Екатеринѣ II поставленіе въ архимандриты лицъ, имѣющихъ занять настоятельское мѣсто, безъ вѣдома Св. Синода, снова запрещалось. Это объясняется слѣдующею причиною. По штатамъ, введеннымъ Екатериною II, архимандриты поставлялись только въ перво и второ-классные монастыри, а такъ какъ эти монастыри считались знатными и богатыми, то и „настоятелей-архимандритовъ въ нихъ старались избирать такихъ, которые по добропорядочномъ своемъ обращеніи заслуженные и впредь къ знатнымъ послушаніямъ способные были“ [3]). Съ этою же цѣлію, именно, чтобы предупредить замѣщеніе настоятельскихъ мѣстъ въ монастыряхъ богатыхъ и многолюдныхъ людьми неподготовленными къ этому служенію ни умственно, ни нравственно, епархіальнымъ архіереямъ запрещалось также и переводить настоятелей изъ одного монастыря въ другой безъ разрѣшенія на то Св. Синода. Какъ назначеніе настоятелей на открывшуюся вакансію, такъ и переводъ ихъ изъ одного монастыря въ другой, не могли быть совершаемы собственною властью епархіальнаго архіерея, ему принадлежало только право представленія въ Св. Синодъ съ подробной аттестаціей 2-хъ кандидатовъ, способныхъ къ прохожденію начальническаго служенія, утвержденіе того или другого на означенное служеніе принадлежало Св. Синоду. При Екатеринѣ II назначеніе архимандритовъ въ трехклассные монастыри было запрещено и только, какъ исключеніе, было допущено относительно Старо-Ладожскаго, „за малоимѣніемъ въ С.-Петербургской епархіи монастырей съ архимандріями“ [4]). Но при императорѣ Павлѣ Св. Синоду разрѣша-

[1]) П. С. П. и Расп. т. V, № 1731, 1930; VI, 8115.

[2]) Ibid. т. V 1930; 1-е П. С. З. Р. П. т. XVII, 12332.

[3]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVII, № 12332. (Указ. 17 февр. 1765 г.).

[4]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, № 12060, п. 4.

лось въ третьеклассные монастыри вмѣсто игуменовъ посвящать и архимандритовъ „для благолѣпія церковнаго служенія", однако съ жалованьемъ, которое по штатамъ положено игумену [1]).

Запрещеніе назначать настоятелей въ монастыри безъ сношенія по этому поводу съ Св. Синодомъ отчасти можетъ имѣть другое объясненіе. Съ введеніемъ и учрежденіемъ штатовъ произошло закрытіе и уничтоженіе многихъ монастырей; о судьбѣ настоятелей заштатныхъ монастырей поднятъ былъ вопросъ, который рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что нѣкоторымъ изъ нихъ (вѣроятно, настоятелямъ болѣе знатныхъ монастырей) было назначено жалованье изъ Коллегіи Экономіи, всѣ же они считались кандидатами на освобождающіяся настоятельскія мѣста, почему вновь производить въ архимандриты и игумены было запрещено до тѣхъ поръ, пока не будутъ распредѣлены оставшіеся за штатомъ настоятели [2]). А такъ какъ къ 1770 г. всѣ заштатные настоятели были распредѣлены по мѣстамъ, то, Синодскимъ указомъ отъ 25 октября, разрѣшалось епархіальнымъ архіереямъ „вновь производить игуменовъ" на вакантныя настоятельскія мѣста [3]). Но и относительно распредѣленія заштатныхъ настоятелей, какъ видно изъ указовъ, требовалось доносить Св. Синоду: „на вакантныя игуменскія мѣста архимандритовъ какъ не производить, такъ и не переводить кромѣ только тѣхъ, которые остались за штатами безъ настоятельствъ, но и о нихъ должно доносить Св. Синоду, безъ разрѣшенія котораго они не должны быть поставляемы въ настоятели" [4]).

По нынѣ дѣйствующему праву, въ силу Синодальнаго указа отъ 20 марта 1862 г., настоятель общежительнаго монастыря избирается преимущественно изъ братіи того же монастыря, или другого также общежительнаго [5]). Избраніе настоятеля

[1]) Ibidem, т XXIV, № 18273, п. 4

[2]) 1-е П. С. З Р И. т. XIX, № 13521.

[3]) Ibidem. [4]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVII, № 12332.

[5]) Указанный порядокъ избранія настоятеля унаслѣдованъ отъ Византіи. Еще въ законодательствѣ Юстиніана мы встрѣчаемъ требованіе, по которому „игумена или архимандрита избирать должень епископъ не по степени или старѣйшинству, но его же мниси вси разумнѣйшіи изберутъ, вѣдяща его правовѣрна и цѣломудренна и правленія достойна, и могуща хранити уставъ иноческій и монастырское строеніе", отъ избранныхъ настоятелей требовалась присяга. Кормчая ч. II, л 41.

происходитъ обыкновенно при благочинномъ монастырей или при другомъ довѣренномъ отъ епархіальнаго преосвященнаго лицѣ, по молитвѣ, въ собраніи всѣхъ монашествующихъ. Въ избраніи настоятеля имѣютъ право участвовать только монашествующіе, т. е. удостоенные постриженія въ монашество, послушники же лишены такого права [1]). Если не окажется единогласнаго избранія, то настоятель избирается закрытой баллатировкой; послѣ подсчета голосовъ объ избранныхъ кандидатахъ сообщается епархіальному архіерею, который въ свою очередь избранныхъ кандидатовъ на мѣсто настоятеля представляетъ на усмотрѣніе Св. Синода съ изъясненіемъ обстоятельствъ избранія и изложеніемъ своего мнѣнія относительно ихъ. Если бы преосвященный усмотрѣлъ важныя причины, препятствующія утвержденію избранныхъ братіею кандидатовъ, то въ своемъ представленіи о нихъ Св. Синоду онъ можетъ присовокупить и своего кадидата изъ того или другого, также общежительнаго монастыря. Когда же для замѣщенія вакансіи настоятеля не находится способнаго лица въ общежительныхъ монастыряхъ своей епархіи, то преосвященному предоставляется право рекомендовать таковаго изъ другой епархіи [2]). Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 7—22 мая 1876 г. было разъяснено, чтобы епархіальныя начальства въ своихъ представленіяхъ о возведеніи монашествующихъ лицъ въ санъ архимандрита и вообще замѣщеніи настоятельскихъ вакансій руководились какъ высотою нравственной жизни и особыми заслугами представляемыхъ лицъ, такъ и широтою ихъ богословскаго образованія [3]). Указанныя правила примѣняются и къ выбору настоятельницъ въ женскихъ общежительныхъ монастыряхъ, причемъ по указу 1778 г. „для наблюденія всякаго благочинія и порядка въ дѣвичьихъ монастыряхъ во игуменьи требуется выбирать искусныхъ и разумныхъ монахинь“ [4]).

Что же касается настоятелей необщежительныхъ монастырей, то они избираются мѣстною духовной властью и утвер-

[1]) „Цирк. Ук. Св. Синода“. Завьялова, ук. 1874 г. № 25.
[2]) Церк. Вѣд. 1899 г. № 11, «разъясн. постановл.», п. 3.
[3]) «Об. Церк. Гражд. Указ.» Я. Ивановскаго, стр. 12, пунктъ 22.
[4]) 1-е П. С. З. Р. И т. XX, № 14773.

ждаются Св. Синодомъ [1]). Въ Ставропигіальныхъ же монастыряхъ (ихъ 6) и лаврахъ (которыхъ 4) назначеніе въ архимандриты—настоятеля зависитъ непосредственно отъ Св. Синода [2]).

Настоятель въ подвѣдомственномъ ему монастырѣ является главнымъ начальникомъ: ему принадлежитъ высшій надзоръ по управленію и устройству монастырской жизни. Но будучи самостоятельными въ дѣлахъ внутренняго управленія монастыремъ, настоятели все же въ данномъ отношеніи имѣютъ высшую для себя власть въ лицѣ епархіальныхъ преосвященныхъ, отъ которыхъ они и получаютъ настольныя граматы. Зависимость настоятелей епархіальныхъ монастырей отъ мѣстнаго епископа выражается еще и въ томъ, что безъ разрѣшенія его настоятель не имѣетъ права удаляться изъ монастыря далѣе чѣмъ на 20 верстъ и на долгое время [3]), „объ увольненіи себя въ отпускъ они должны были просить разрѣшенія у архіерея, который могъ давать имъ отпускъ, но не на долгое время, „чтобъ они подъ видомъ своей нужды въ праздности и отлучкѣ быть не могли“ [4]). Только настоятели ставропигіальныхъ монастырей и лавръ считались независимыми отъ власти епархіальнаго архіерея [5]), но они имѣли ограниченіе своей власти въ такъ называемой „соборной или начальной братіи“, въ дѣлахъ же церковнаго благочинія и порядка (во всякихъ церемоніяхъ, благовѣстяхъ), они по указу Св. Синода 1727 года, обязаны были подчиняться тѣмъ архіереямъ, въ епархіяхъ которыхъ находятся ихъ монастыри [6]).

При Петрѣ I была установлена практика, по которой настоятели монастырей—архимандриты были вызываемы на годовую чреду священнослуженія и для засѣданія въ Св. Синодѣ въ С.-Петербургъ. Такимъ образомъ, на ряду съ епископами и архимандриты были призваны къ участію въ общественныхъ,

[1]) „Обозр. Цер. Гр. Указ. Ивановскаго, стр. 15, п. 31.

[2]) Богослов. Вѣстн. за 1900 г., іюнь, стр. 168. Изъ лекцій профессора А. С. Павлова

[3]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XIX, № 14187.

[4]) 2-е П. С. З. Р. И. т. XIX, № 13499, п. 3.

[5]) П. С. П. и Расп. т. VII, № 2604, п. 14.

[6]) П. С. П. и Расп. т. VI, № 1983.

церковныхъ дѣлахъ: „съ содержащими годовую чреду священнослуженія архіереями быть и изъ архимандритовъ, которые въ чинъ архіерейства избираемы быть могли бъ, въ годовой же священнослуженія чредѣ по двѣ персоны, которымъ и засѣдать въ Св. Синодѣ съ членами по обыкновенію“ [1]). Съ этою же цѣлью, а также съ цѣлью и вообще ознакомленія съ архимандритами, имѣющими въ будущемъ занять высокій постъ архіерейства, и въ слѣдующія за Петромъ I царствованія вплоть до царствованія Александра I (до 1802 г.) вызовъ архимандритовъ на чреду священнослуженія въ С. Петербургъ продолжался, причемъ выборъ и назначеніе дѣлались съ расчетомъ: вызывались обыкновенно архимандриты, отличающіеся своею доброю жизнію и образованіемъ [2]).

Необходимыя на проѣздъ и содержаніе деньги архимандритамъ, по указу Петра I, позволялось брать изъ тѣхъ монастырей, въ которыхъ они настоятельствуютъ, но „съ совѣту братскаго и съ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, при инквизиторѣ“ [3]). Но такъ какъ не всѣ монастыри были въ состояніи снабдить настоятеля нужными ему деньгами на проѣздъ и прожитіе въ С.-Петербургѣ, а также въ виду того, что многіе архимандриты, явившись по вызову въ Петербургъ, бѣдствовали, а другіе, чтобы имѣть возможность содержаться, брали для этого денежныя суммы и „изъ монашескихъ персональныхъ“, чѣмъ доставляли ущербъ монастырямъ, императрица Екатерина I въ видѣ пособія повелѣла выдавать изъ Коллегіи Экономіи по 100 рублей архимандритамъ, вызываемымъ на чреду служенія [4]). Въ такомъ же размѣрѣ выдавалась субсидія и при Петрѣ II [5]). Въ царствованіе же Анны Іоанновны и Екатерины II денежное вспомоществованіе архимандритамъ, вызываемымъ на чреду служенія въ Петербургъ, возросло до 500 рублей [6]). На этомъ основаніи при Екатеринѣ II монастыри были уже освобождены

[1]) П. С. П. и Расп... т. IV, № 1452.

[2]) 1-е П. С. З. Р. И. Кн. Штат. т. XLIV, ч. II, отд III, № 11942, и 2 стр. 23.

[3]) П. С. П. и Расп. т. IV, № 1452.

[4]) П. С. П. и Расп. т. VII, № 2583.

[5]) Ibid. т. VI, 2056.

[6]) П. С. П. и Расп. т. VII, № 2592; 1-е П. С. З Р. И. т XVIII, № 13341.

отъ содержанія архимандритовъ во время ихъ пребыванія на чередѣ служенія въ Петербургѣ, почему имъ, при отъѣздѣ на чреду служенія, запрещалось брать изъ монастырей ихъ припасовъ болѣе того, чѣмъ сколько это нужно было на проѣздъ до Петербурга, но и это разрѣшалось имъ брать съ совѣта всей братіи и съ достовѣрнымъ письменнымъ свидѣтельствомъ [1]). Являющіеся на чреду служенія настоятели обязаны были привозить съ собою потребное число ризницы (монастырской), а также имѣть при себѣ по 1 іеродіакону, 1 повару и 2 человѣкъ служителей, изъ какихъ чиновъ надлежитъ [2]). При Екатеринѣ II дѣло вызова архимандритовъ на чреду служенія было урегулировано еще больше. „Прежде, какъ говорится въ указѣ, вызывались по два иногда за скорымъ и краткимъ къ прибытію временемъ, минуя отдаленные по большей части за обстоящую нужду изъ ближнихъ мѣстъ и не въ очередь, отчего монастырямъ единому предъ другимъ не безъ излишняго убытка и отягощенія и притомъ и архимандриту съ служительми не безъ излишней же трудности происходило“ [3]). Въ силу этого Екатериною II было постановлено вызывать архимандритовъ на чреду служенія въ Петербургъ изъ всѣхъ знатныхъ монастырей, въ которыхъ по бывшей послѣдней ревизіи, числилось не менѣе 2000 крестьянъ мужскаго пола. Въ Св Синодѣ должны были вестись записи очереди для вызова каждаго архимандрита. Предполагалось, что при правильномъ веденіи этого дѣла каждому архимандриту—настоятелю придется ѣздить на чреду служенія черезъ 18 лѣтъ, такъ какъ всѣхъ архимандритовъ, указанныхъ къ отбытію чреды служенія было 36. Вызывать требовалось не старыхъ и больныхъ, а молодыхъ, ученыхъ и въ проповѣди Слова Божія искусныхъ, „чтобы они могли по усмотрѣніи здѣсь достоинства ихъ употребляемы въ знатнѣйшія по удобности послушанія“. Деньги на проѣздъ и содержаніе въ Петербургѣ архимандриты должны были брать изъ своего монастыря, по крайней мѣрѣ, такъ обстояло дѣло до 1769 г., когда резолюціей Св. Синода было

[1]) П С. П. и Расп. т. VII, № 2592.
[2]) Ibidem.
[3]) 1-е П. С. З Р. И. т. XV, 11349; XVIII, № 13331.

постановлено выдавать изъ коллегіи экономіи каждому архимандриту, вызываемому на чреду служенія, по 500 рублей [1]). Если же назначеннаго архимандрита почему либо не будетъ, или онъ заболѣетъ, то епархіальному архіерею предоставляется право избирать на его мѣсто кого либо другого изъ своей епархіи, даже архимандрита бѣднаго монастыря, „снабдя онаго къ вспоможенію для дорожнаго проѣзда и здѣшняго пребыванія денежнымъ и прочимъ коштомъ отъ того монастыря, изъ котораго бы въ оную чреду надлежало ѣхать“ [2]). По своемъ прибытіи въ Петербургъ архимандриты обязаны были являться въ Св. Синодъ или Синодальную Контору, если Св. Синода не было въ Петербургѣ; являться же должны были обязательно прежде наступленія новаго года, именно, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Вмѣстѣ съ прибытіемъ новыхъ двухъ архимандритовъ, прежніе, получивши отъ Св Синода особые увольнительные билеты и паспорты, возвращались обратно [3]).

Вызовъ архимандритовъ въ Петербургъ для засѣданія въ Св. Синодѣ продолжался и въ царствованіе Павла I, и только при Александрѣ I, въ 1802 г., по выбытіи изъ Св. Синода архимандрита Михаила (Десницкаго), съ назначеніемъ его на епископскую каѳедру, вызовъ архимандритовъ въ Св. Синодъ прекращается, почему по штату Св. Синода 9 іюля 1819 г. архимандриты, хотя и указываются въ качествѣ членовъ Св. Синода, но при этомъ замѣчается: „нынѣ ихъ не состоитъ, а положенные на нихъ оклады должны быть обращены одинъ—оберъ—священнику арміи и флота, а другой Духовнику Его Императорскаго Величества“ [4]).

За своимъ отсутствіемъ изъ монастыря или въ случаѣ тяжкой болѣзни настоятели должны были передавать свои права намѣстнику [5]), казначею или келарю [6]) и даже приказному

[1]) Со временп введенія штатовъ, архимандритамъ, вызываемымъ въ Св. Синодъ, полагалось особое содержаніе въ размѣрѣ сначала 1000, а потомъ 1173 р.; при Александрѣ же I размѣры содержанія возросли до 3000 р.

[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XV, № 11349

[3]) Ibidem.

[4]) П. С. З. Р. И. т XLIV, Кн. Шт., ч. II, отд. III, стр. 22; „Св. Синодъ въ его прошломъ“. Т. Барсова, изд. 1896 г., стр. 202.

[5]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XLIV, Кн. Шт., ч. II, отд. III, стр. 84.

[6]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XLIV, Кн. Шт., ч. II, отд. III, стр. 84.

какъ было нѣкоторое время при Петрѣ I [1]). Въ лаврахъ же и монастыряхъ ставропигіальныхъ—намѣстникамъ-архимандритамъ [2]) съ начальною братіею, каковыя лица и являются отвѣтственными за благосостояніе всего монастыря за время отлучки или болѣзни настоятеля [3]). О всемъ, что происходитъ въ монастырской жизни важнаго они, если настоятель въ отсутствіи, должны были извѣщать его объ этомъ письменно, больному же, если онъ могъ слушать и разсуждать, доносить на словахъ, въ случаяхъ же крайней нужды обращаться за рѣшеніемъ дѣлъ въ Св. Синодъ. Когда болѣзнь не предвѣщаетъ благополучнаго исхода или дѣлается хронической, препятствующей настоятелю отправлять возложенныя на него обязанности, то о такомъ положеніи дѣла епископъ или благочинный монастырей долженъ заявлять въ Св Синодъ, который уже и принимаетъ въ этомъ отношеніи соотвѣтствующія мѣры [6]). Указомъ 1775 г. было постановлено: 1) „препоручить Св. Синоду, по усмотрѣнію его самого, престарѣлыхъ и дряхлыхъ архимандритовъ, игуменовъ и игуменій отъ настоятельства отставлять, для того, что изъ нихъ ставропигіальныхъ монастырей архимандриты употребляются еще къ разнымъ церковнымъ дѣламъ и въ случающіяся коммиссіи, а епархескихъ и игумены опредѣляются консисторскими и въ Духовныхъ Правленіяхъ присутствующими, также и чередное въ городахъ при архіереяхъ отправляютъ священнослуженіе, 2) почему на мѣста оныхъ производить другихъ къ правленію монастырскому и къ другимъ должностямъ способныхъ, дабы какъ самое правленіе монастырское въ надлежащемъ всегда оставалось порядкѣ, такъ иногда и въ назначенныхъ сверхъ

[1]) П. С. П. и Расп. т. IV, № 1432.

[2]) Ibidem, № 1239.

[3]) Ibidem, № 1202

[4]) 1-е П. С. З. Р. И т. XXXIII, Ук. 1816 г. 23 дек.

[5]) Указомъ 30-го апрѣля 1807 г. было выяснено, что намѣстники, казначеи, экономы, уставщики, ризничіе и духовники не должны быть относимы къ монашествующимъ властямъ, какъ лица, состоящія подъ непосредственною властью настоятеля и проходящіе одно монашеское послушаніе, почему во всѣхъ правахъ своихъ они причисляются къ простой монашествующей братіи. (1-е П. С. З. Р. И. т. XXIX, указ. 30 апр 1807 г.).

[6]) Духов. Реглам., изд. 1823 г., стр. 43—44.

настоятельнаго мѣста правленія должностяхъ, остановки и упущенія быть не могло, 3) а чтобы оставленные настоятели и настоятельницы остатки дней своихъ проводили въ покоѣ и не могли имѣть нужды въ пропитаніи и содержаніи себя, то Св. Синодъ долженъ отводить имъ въ тѣхъ или другихъ монастыряхъ пристойныя кельи съ окладомъ жалованья не болѣе половины того штатнаго, которое они получали" [1]). Въ случаѣ же смерти въ монастырѣ такого архимандрита—пенсіонера, настоятель монастыря обязывался доносить объ этомъ Св. Синоду съ представленіемъ подробной описи имѣнія умершаго и объясненіемъ относительно наслѣдниковъ и завѣщанія [2]).

Помимо предоставленія монашествующимъ лицамъ правъ на участіе въ дѣлѣ высшаго управленія церковью, т. е. въ Св. Синодѣ, монашествующія лица, со времени Петра I, были назначаемы на служеніе во флотѣ и миссіяхъ.

Во главѣ флотскаго духовенства при Петрѣ I находились оберъ-іеромонахи, которымъ были подчинены служащіе во флотѣ іеромонахи. Права и обязанности тѣхъ и другихъ были опредѣлены особой инструкціей, по которой іеромонахи должны были во флотѣ „токмо духовныя дѣла править, си есть: учрежденныя молитвы, требующихъ исповѣдать, причащать, больныхъ посѣщать и утѣшать; больше же ни въ какія дѣла не вступать, ниже что по волѣ и пристрастію своему затѣвать" [3]) Оберъ іеромонахи по отношенію къ флотскому духовенству имѣли значеніе лицъ контролирующихъ ихъ дѣятельность, о каковой они обязывались инструкціей въ свое время давать рапортъ въ Св. Синодъ [4]). Въ случаѣ замѣченныхъ за флотскимъ духовенствомъ какихъ нибудь неисправностей по службѣ оберъ-іеромонаху предоставлялось право наказывать подчиненныхъ ему іеромонаховъ „держаніемъ въ узахъ", „штрафомъ" и „тѣлеснымъ наказаніемъ", приличнымъ церковному причту [5]). Въ случаѣ же важныхъ преступленій, за которыя монашествующіе подлежали изверженію изъ сана, оберъ-іеромонахъ

[1]) 1-е П. С. З Р. И. т. XX № 14361 (Ук. 14 авг. 1775 г.).
[2]) Ibidem, т. XXII, № 16684.
[3]) П. С. П. и Расп. т. I, № 24, п. 1.
[4]) Ibidem, п. 10—11.
[5]) 1-е П. С. З. Р. И. т, VI, № 3759.

обязанъ былъ „по изысканію вины арестовывать таковыхъ, а о преступленіяхъ ихъ присылать въ Св. Синодъ обстоятельныя доношенія“ [1]) Средства содержанія флотское духовенство получало изъ Адмиралтейской Коллегіи, причемъ „корабельный попъ“ по морскому уставу получалъ жалованья деньгами „за двѣ порціи“ [2]), оберъ-же іеромонахи получали по 240 рублей въ годъ [3]), т. е. вдвое больше іеромонаховъ. Въ донесеніи Св. Синоду отъ 16 ноября 1721 г. флотское духовенство скорбно жаловалось на то, что „житіе іеромонаховъ весьма нуждное, потому что всегда за жалованьемъ по два и по три мѣсяцы бродимъ, но напрасно, понеже всегда велятъ давать жалованье по прошествіи всѣхъ мѣсяцей всякой трети, а въ тый мѣсяцъ, въ который живемъ, безъ жалованья питаться не чѣмъ. Кромѣ того по ихъ донесенію „обида имъ дѣлалась и въ томъ, что иноземцамъ (офицерамъ) сугубое жалованье дается, а рядовымъ морскимъ солдатамъ и матросамъ, кромѣ жалованья годоваго, весь мундиръ и провіантъ, чего всего мы отчуждены едны, кромѣ единаго и того малаго жалованья, меньшаго и отъ самыхъ корабельныхъ лѣкарей, равнаго съ подпоручиками“. Съ теченіемъ времени измѣненія произошли только со стороны болѣе лучшаго обезпеченія флотскаго духовенства; права же ихъ и устройство административное въ общемъ остались почти тѣ же, что и при Петрѣ I.

Со времени Петра I на монашествующихъ лицъ возлагаются обязанности и миссіонерскія. Въ 1700 г. Петръ I просилъ Кіевскаго митрополита „поискать въ Малороссійскихъ городахъ и монастыряхъ изъ архимандритовъ и игуменовъ и иныхъ знаменитыхъ иноковъ, ученаго и добраго человѣка съ тѣмъ, чтобы быть Тобольскимъ митрополитомъ и приводить исподоволь въ Китаѣ и Сибири идолопоклонниковъ къ православной вѣрѣ, а въ помощь ему назначить двухъ или трехъ иноковъ, способныхъ научиться китайскому и монгольскому языку“ [4]). Извѣстно также, что при Петрѣ I во главѣ съ Иннокентіемъ

[1]) П. С. II и Расп. т. II, № 630, п 14.
[2]) 1 е П. С. З. Р. И. т. VII, № 3485.
[3]) П. С. II. и Расп. т. II, № 598, т. VIII, № 2698.
[4]) 1-е П. С. Р И. т. № 1800.

Кульчинскимъ была отправлена миссія въ Китай. Въ обращеніи Черемисъ и магометанъ Казанской губерніи принималъ дѣятельное участіе іеромонахъ Александро-Невскаго монастыря Алексѣй Раифскій, а по обращенію Олонецкихъ и Стародубскихъ раскольниковъ трудились іеромонахъ Неофитъ [1]) и монахъ Іосифъ Рѣшиловъ, оба обратившіеся изъ раскола въ православіе. Монашествующія лица были отправляемы въ тѣ или другія мѣста не только съ цѣлью распространенія христіанства среди инородцевъ, но и съ цѣлью защиты вѣры православной отъ притѣсненія со стороны инородцевъ [2]) и въ качествѣ лицъ, облеченныхъ правами священнослуженія при заграничныхъ церквахъ [3]). Миссіонерская дѣятельность монашествующаго духовенства со временемъ получила широкое развитіе [4]) и въ настоящее время представляетъ собою правильно организованный миссіонерскій институтъ.

Въ качествѣ лица контролирующаго точное исполненіе обязанностей каждаго члена монашествующей общины, по законодательству Петра I, стоялъ протоинквизиторъ [5]), который былъ „главнымъ фискаломъ по дѣламъ духовнаго вѣдомства по всей Россіи; въ подчиненіи у него находились провинціалъ—инквизиторы и просто инквизиторы. Протоинквизиторъ выбирался изъ архимандритовъ монастыря самимъ Св. Синодомъ и находился въ непосредственномъ подчиненіи только ему; провинціалъ же инквизиторы и инквизиторы были выбираемы „изъ доброжительныхъ монашескаго чина“, причемъ инквизиторы были выбираемы провинціалъ—инквизиторами въ каждый монастырь, а провинціалъ—инквизиторы избирались протоинквизиторами по одному на епархію. Отъ власти епархіальнаго архіерея инквизиторъ не зависѣлъ, такъ что онъ не имѣлъ права одинъ судить ихъ, но долженъ былъ по этому

---

1) П. С. П. и Расп. т. II, № 560.

2) П. С. П. и Расп. т. II, №№ 537, 803, 892.

3) Ibidem, №№ 381, 758, 863, 884.

4) „Изъ истор. русск. церк. за время цар. Алекс. I-й“ П. Знаменскаго, изд. 1885 г., стр. 127—128.

5) Въ первое же время учрежденія инквизиторской должности протоинквизиторовъ было два, одинъ жилъ въ Петербургѣ, другой въ Москвѣ (П. С. П. и Расп... т. I, № 16).

поводу сноситься съ Св. Синодомъ, по крайней мѣрѣ это требовалось для суда надъ провинціалъ—инквизиторомъ. Денежное содержаніе протоинквизиторы получали изъ Св. Синода, остальные же изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей. Обязанности инквизиторовъ состояли въ томъ, чтобы о всѣхъ отступленіяхъ отъ закона, замѣченныхъ въ дѣятельности епископовъ и настоятелей монастырей, чрезъ посредствующія инстанціи сообщать въ Св. Синодъ [1]). Вслѣдствіе многихъ притѣсненій и злоупотребленій со стороны инквизиторовъ указомъ отъ 15 марта 1727 г. при Екатеринѣ I было постановлено: инквизиторовъ отрѣшить отъ дѣлъ впредь до указа; вмѣсто же нихъ въ городахъ и уѣздахъ поставить заказчиковъ изъ духовныхъ властей и поповскихъ старостъ“ [2]), высшая же контролирующая власть была признана за епископомъ, какъ то требовалось еще Духовнымъ Регламентомъ [3]). Эти „заказчики“ и были прототипомъ смѣнившихъ ихъ въ послѣдующее время благочинныхъ монастырей. По указу Св. Синода отъ 24 марта 1799 г. [4]) они должны были выбираться епископомъ изъ монастырскихъ настоятелей, отличающихся своимъ поведеніемъ и способностями по управленію монастыремъ. Смотря по числу и разстоянію монастырей въ епархіи, въ ней можетъ быть одинъ, два и болѣе благочинныхъ. Вообще же вѣдѣнію благочиннаго поручается столько монастырей, сколько съ удобствомъ онъ можетъ имѣть подъ своимъ надзоромъ [5]). Какъ лица избранныя для надзора за монастырями и монашествующими въ помощь самому епископу, благочинные естественно находятся къ нему въ подчиненномъ отношеніи и непосредственно ему докладываютъ о результатахъ своихъ ревизій. Главные предметы наблюденія благочинныхъ монастырей есть богослуженіе, благочиніе, нравственность и хозяйство. Надзоръ за женскими монастырями иногда поручается благочиннымъ мужскихъ монастырей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ для этого

[1]) П. С. П. и Расп... т. I, № 321.

[2]) П. С. П. и Расп. т. V, № 1937.

[3]) „Духов. регл.“ изд. 1823 г., стр 45 и 8.

[4]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XXIV, № 18273, подтвержденіе сего 1892 г 26 го марта—22 мая.

[5]) Уст. Дух. Конс. ст. 64

избирается какая либо изъ игуменій, или старшихъ сестеръ монастыря, гдѣ онъ одинъ [1]). Въ ставропигіальныхъ же монастыряхъ въ Москвѣ, а также надъ Воскресенскимъ и Ростовскимъ-Яковлевымъ смотрѣніе за благочиніемъ поручается тому настоятелю, который бываетъ членомъ Московской Синодальной конторы [2]).

Если мы посмотримъ съ канонической точки зрѣнія на устройство монашеской общины за два столѣтія, то должны будемъ придти къ заключенію, что устройство монашеской общины въ немногихъ только случаяхъ отклонялось отъ каноническихъ требованій, предъявляемыхъ въ отношеніи къ нему. Правилами соборовъ было утверждено такое устройство, по которому во главѣ монашествующихъ лицъ стоитъ епископъ, ему подчиняются всѣ монашествующіе съ своими настоятелями (4 пр. Халкидонск. собора), такъ что послѣдніе безъ воли епископа не имѣли права „игуменити“ (1 пр. Двукратн. соб. Кормч ч. I, 153 л. обор.). Епископъ былъ такимъ образомъ высшій начальникъ и наблюдалъ за всѣмъ, что касается монашескаго чина. Съ этой точки зрѣнія можно назвать противоканоническимъ только введеніе при Петрѣ I въ монашескій институтъ инквизиціоннаго комитета, на подобіе фискальнаго въ гражданскомъ вѣдомствѣ, каковое учрежденіе не только не соотвѣтствовало духу каноническихъ правилъ, но являлось деморализующимъ началомъ для самого монашества. Оно, какъ явленіе историческое, могло только свидѣтельствовать о томъ, что Петръ I совершенно не понималъ духа истиннаго монашества, подчиняя послѣднее съ цѣлью усовершенствованія его организаціи и подъема его внутренней духовно-нравственной жизни управленію и режиму, имѣющему смыслъ только въ учрежденіяхъ, основанныхъ на началахъ чисто юридическихъ, формальныхъ.

Въ правахъ, которыми были надѣлены монашествующіе, законодательство также по большей части старалось сообразоваться съ каноническими требованіями. Стремленія Петровскаго и слѣдующихъ за нимъ законодательствъ къ ограниченію

[1]) Инстр. благоч. мон., п. 38.

[2]) 2-е П. С. З. Р. П. т. III, Указъ 9 іюля 1828 г.

личныхъ имущественныхъ правъ монашествующихъ имѣли свои твердыя основанія историческія и каноническія. Историческія, поскольку сама исторія доказала фактъ вреднаго вліянія частной собственности на нравственную жизнь монашествующихъ. Петръ I хорошо понималъ, что если не будетъ общежительнаго устройства монастырей, что если не запретить имѣть частную собственность монашествующимъ, „то не престанетъ имѣній хищеніе, любоначалія ради бываемое, которое обителемъ въ сущее разореніе, а ихъ сродникамъ въ обогащеніе, его же ради и недостойніи діаконство и іерейство и прочая по степенямъ начальство, желательно другъ друга предваряя, восхищаютъ“ [1]). Но на ряду съ этимъ, можно сказать, практическимъ принципомъ въ законодательствѣ петровскаго времени по данному вопросу не малое значеніе имѣетъ и другой—канонической. По 6 пр. Двукратнаго собора „монахи не должны имѣть ничего собственнаго, но все имъ принадлежащее да утверждается за монастыремъ. Ибо блаженный Лука [2]) о вѣрующихъ во Христа, и представляющихъ собою образъ монашескаго общежитія, глаголетъ; яко ни единъ что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща“. Василій Великій въ своихъ сокращенныхъ аскетическихъ правилахъ на вопросъ: аще подобаетъ что въ братствѣ свое имѣти“? Отвѣчаетъ: „глаголяй быти что свое во общемъ житіи, самъ себе чужда Божія церкви сотвори и Господа любве, учащаго словомъ и дѣломъ душу свою полагати, по друзѣхъ, а не яже внѣшняя“ [3]), почему „аще кто имать въ общемъ житіи, внутрь монастыря или внѣ монастыря. да пребудетъ непричащенъ“ [4]). Только царствованіе Екатерины II представляетъ въ указанномъ отношеніи исключеніе, издавши законъ, предоставляющій право монашествующимъ властямъ имѣть частную собственность и передавать ее по наслѣдству и завѣщанію кому угодно; но въ данномъ случаѣ предоставленіе монашествующимъ властямъ такихъ правъ, которыя не мирились ни

---

[1]) П. С. П. и Расп. т. II, № 596, п. 26, 28, стр. 251.

[2]) Дѣян. гл. 4, ст. 32.

[3]) „Номоканонъ“ .. Павлова, № 117.

[4]) Ibidem, № 118 и Корич, л. 200 обор. „О иноцѣхъ Вас. Вел.“.

съ практикой предшествующаго законодательства, ни съ каноническими требованіями, не можетъ считаться въ собственномъ смыслѣ нарушеніемъ существа каноническихъ требованій, ибо имущественныя привиллегіи были сдѣланы монашествующимъ властямъ во вниманіе къ ихъ соціальному положенію, каковымъ они уже нѣкоторымъ образомъ исключались изъ того класса монашествующихъ лицъ, каковымъ по каноническимъ правиламъ запрещается владѣніе личной собственностью. Но ограниченіе этихъ правъ въ послѣдующее время и требованіе почти для всѣхъ монастырей общежительнаго устройства ясно показываютъ твердое намѣреніе законодательства въ устройствѣ монашеской общины стоять на канонической почвѣ.

Что касается количественнаго состава монашествующей общины, то ограниченіе его, какъ мы указали уже раньше, совершалось подъ вліяніемъ чисто экономическихъ соображеній и канонически обосновано быть не можетъ, ибо никому изъ тѣхъ кои ищутъ спасенія, по духу каноническихъ правилъ (VI Всел. собора 40, 43 прав.), двери монастыря не должны быть закрыты; для тѣха же, которые поступаютъ въ монастырь съ другою какою либо цѣлью, чисто мірскою, эти ограничительныя постановленія имѣютъ большой смыслъ, ибо соборныя правила требуютъ того, чтобы монастыри не были пріютомъ для „мірскихъ людей“ [1]). Съ этой точки зрѣнія заботы законодательства объ охраненіи монастырской общины отъ вступленія въ нее лицъ, не имѣющихъ твердаго внутренняго расположенія къ прохожденію монашескаго подвига и за стѣнами монастыря преслѣдующихъ мірскія цѣли, являются вполнѣ желательными и законными.

Часть II.

Постановленія относительно монастырей.

Глава первая.

Постановленія объ учрежденіи и закрытіи монастырей.

До начала 18 вѣка построеніе монастырей, скитовъ и пустынь велось свободно и въ широкихъ размѣрахъ. Предоста-

[1]) IV Вс. соб. 24 пр., VI Вс. соб. 49 пр., Кормч. л. 150, толкованіе на 13 пр. VII Вс. соб.

вленіе широкой свободы въ этомъ отношеніи однако, какъ было замѣчено на соборахъ послѣдней половины 17 столѣтія, сопровождалось вредными послѣдствіями. Многіе монастыри, возникая безъ особенной въ нихъ нужды, дѣлались часто пріютами для раскольниковъ и вообще лицъ подозрительныхъ Въ цѣляхъ пріостановки развитія количественнаго роста монастырей соборы 1667 и 1681 г.г. издаютъ рядъ постановленій, которыми стѣсняютъ возможность самовольнаго построенія новыхъ скитовъ, пустынь и монастырей, въ цѣляхъ же сокращенія существующаго числа монастырей малобратственные монастыри повелѣваютъ соединить въ одинъ, или же обращать въ приходскія церкви. Это стремленіе соборовъ къ уменьшенію количества монастырей перешло къ правительству 18 стол. и стало предметомъ особыхъ законодательныхъ распоряженій. Еще въ 90 г. семнадцатаго столѣтія Петръ I издаетъ нѣсколько особыхъ указовъ, которыми запрещалось строить новые монастыри безъ Высочайшаго разрѣшенія, при чемъ замѣчалось, что и старыхъ монастырей вполнѣ довольно для спасенія желающихъ [1]). Въ 1701 г. Монастырскому Приказу первымъ дѣломъ по его учрежденіи было приказано переписать всѣ монастыри мужскіе и женскіе. На основаніи этой переписи предполагалось составить полный штатъ монастырей. Но дѣло составленія штатовъ, какъ показала исторія, не было легкимъ, поэтому, съ изданіемъ Духовнаго регламента и учрежденіемъ Св. Синода, было приступлено къ самому рѣшительному и крайнему средству, имѣющему въ виду по крайней мѣрѣ пріостановить построеніе вновь монастырей: именно, было строго запрещено строить монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе безъ вѣдома Св. Синода и Государя [2]), построеніе же скитовъ и пустынь совершенно запрещалось [3]). Интересны мотивы къ этому запрещенію: „Скитовъ пустынныхъ монахамъ строити не попускати, ибо сіе мнози дѣлаютъ свободнаго ради житія, чтобы отъ всякой власти и надсмотрѣнія удаленъ жити возмогли, по своей воли, и дабы на новоустрояемый скитъ соби-

[1]) 1-е П. С З. Р. И. т. III, № 1629

[2]) П. С. П. и Расп. II, № 596 п. 48; 1-е П. С. З. Р. И. т. VI, № 4022.

[3]) Ibidem п. 44.

ралъ деньги и тѣми корыстовался, да и лишаетъ себе таковой великія пользы душевныя: не имѣетъ у кого вопросити совѣта духовнаго рѣшенія сомнительныхъ помысловъ и падежей совѣсти, не видитъ образа подвиговъ монашескихъ. Древнихъ же отецъ отшельничества не въ примѣръ намъ: были тогда мужіе добрѣ въ богословіи христіанствѣй обученіи и великаго разсужденія и искуства, а человѣку невѣжливому таковое житіе опасно есть“ [1]). Въ качествѣ основаній къ этому запрещенію выставляется даже климатъ Россіи, не допускающій существованія указаннаго рода подвижнической жизни, „ибо въ Палестинѣ въ пустыняхъ и въ прочихъ теплыхъ странахъ, есть довольно плодовъ, чѣмъ питаться, здѣсь же безъ пашни, рыбы, огородовъ пробыть невозможно, что тайно быть не можетъ“ [2]). За исключеніемъ послѣдняго мотива, отличающагося тенденціозностью и забывающаго исторію возникновенія сѣверно-русскихъ монастырей 14, 15 и послѣдующихъ вѣковъ, всѣ остальные полны историческаго смысла и въ качествѣ основаній къ ограниченію постройки новыхъ скитовъ и пустынь были выставляемы еще на соборахъ 1551 и 1681 г.г. [3]). Запрещеніе строить скиты и пустыни въ Петровскомъ законодательствѣ имѣетъ такимъ образомъ скорѣе почву историческую, ибо въ идеѣ построеніе скитовъ и пустынь не отвергается, но признается дѣломъ возможнымъ и полезнымъ только для лицъ уже опытныхъ въ духовной жизни и глубоко просвѣщенныхъ въ истинахъ вѣры. Заботы Петровскаго законодательства клонились прежде всего къ тому, чтобы привести въ извѣстность количественный составъ монастырей того времени, а затѣмъ выработать штаты, въ стремленіи къ чему указы о переписи монастырей неоднократно повторялись вплоть до 20-го года 18 столѣтія. Въ тѣхъ же цѣляхъ составленія штатовъ, законодательство требовало сосредоточенія, централизаціи какъ самыхъ монастырей, такъ и ихъ имуществъ. Въ этой мысли находятъ для себя объясненіе распоряженія законодательной власти о при-

[1]) Ibidem.
[2]) П. С. П. и Расп. т. II, № 596 п. 44 стр. 252.
[3]) Стоглав. изд. Кожанч. стр. 248—249 Акт. Истор. т. V, № 75, § 13.

пискѣ малобратственныхъ монастырей къ большимъ, соединеніи малобратственныхъ другъ съ другомъ, обращеніи ихъ въ приходскія церкви, или же уничтоженіи малобратственныхъ монастырей и пустынекъ и переводѣ братіи и имущества ихъ, если оно имѣлось при нихъ, въ монастыри большіе [1]). Само законодательство мотивируетъ данныя постановленія тѣмъ, что все это дѣлается „лучшаго ради благоговѣнія, понеже малымъ братствомъ повседневную божественную службу и общежительство, якоже подобаетъ, отправляти невозможно, того ради пребываютъ весьма безъ службы, яко пустые: аще же по сему образу будетъ учинено, то всячески во всѣхъ святыхъ церквахъ (которыхъ не больше трехъ въ монастырѣ надлежитъ имѣть) будетъ повседневная служба во обителяхъ отъ малобратственнаго братства и служеніе и общее житье и всякое монастырское благообразіе, да и братья въ соединеніи общихъ монастырскихъ вотчинъ и прочихъ доходовъ, примутъ себѣ во всѣхъ потребахъ вящшее во всемъ изобиліе нежели прежде въ маломъ братствѣ скудость терпяще и во всемъ неустроеніе имуще“ [2]).

Итакъ, повидимому, Петровское законодательство, стремясь къ соединенію малобратственныхъ монастырей, преслѣдовало тѣмъ самымъ всестороннія выгоды самихъ монастырей, но, какъ показала послѣдующая исторія этого вопроса, интересы монашествующихъ лицъ въ законодательной дѣятельности по указанному вопросу въ существѣ дѣла стояли на второмъ планѣ и ими удачно прикрывалось только все то же правительственнсе стремленіе къ большей матеріальной утилизаціи монастырскихъ богатствъ. Въ силу этого, какъ только предположенія законодательства относительно происхожденія изъ этого постановленія возможныхъ матеріальныхъ выгодъ для государства не оправдались, „ибо по монастырскимъ вѣдомостямъ съ тѣхъ поръ не только остатковъ не стало показываться, но явились даже недостатки, которые учинились отъ многаго числа переведенныхъ монаховъ изъ безвотчинныхъ и маловотчинныхъ монастырьковъ и пустынекъ, прежде отъ сво-

---

[1]) П. С. П. и Р... т II, № 498, 883, 702, IV, № 1200, 1244.

[2]) П. С. П. и Р. т. II, № 596, стр. 253, п. 45.

ихъ трудовъ пропитаніе имѣвшихъ“ [1]), постановленіе это теряетъ свою силу, и въ законодательствѣ являются распоряженія, совершенно противоположныя раньше предписаннымъ. Именно, если прежде законодательство стремилось къ тому, чтобы соединять монашествующихъ лицъ и ихъ монастыри въ одно цѣлое, то теперь, напротивъ, старается насколько возможно уменьшить количественный составъ монашествующей общины путемъ перевода братіи изъ монастырей многолюдныхъ въ малобратственные. Въ великовотчинныхъ и въ прочихъ большихъ монастыряхъ, въ которые хотя изъ маловотчинныхъ и безвотчинныхъ пустынекъ монахи и введены въ штатъ, окладъ денежной и хлѣбной положить на прежнихъ токмо того настоящаго монастыря монаховъ, безъ излишества, усматривая, чтобъ у нихъ не токмо впредь недостатковъ не произошло, но и остатки быть могли бъ, примѣняясь къ апробованнымъ архимандрической и игуменской степенямъ, чтобъ братства впредь не свыше того было. А новопереведенныхъ изъ другихъ монастырьковъ и пустынекъ братіи и служителей отпустить до времени, паки въ которые пристойнѣе изъ прежнихъ безвотчинныхъ монастырей“ [2]); „тѣмъ же безвотчиннымъ монастыремъ и пустынькамъ, которые къ монастырямъ еще не приписаны, и имѣющаяся въ нихъ братія пропитаніе себѣ имѣетъ неоскудное безъ опредѣленнаго имъ жалованья, оставаться по прежнему и впредь, до указу, никуда ихъ не приписывать и не упражднять подъ опасеніемъ за дерзновеніе не малаго штрафа“ [3]). Что постановленіями относительно соединенія малобратственныхъ монастырей преслѣдовалась матеріальная цѣль, это видно изъ того, что только что въ указанномъ постановленіи въ основаніе къ отмѣнѣ прежде бывшаго распоряженія полагается указъ отъ 12-го апрѣля 1722 года, по которому въ цѣляхъ предоставленія содержанія и жизненнаго обезпеченія военнымъ чинамъ, повелѣно было: „изъ тѣхъ монастырей, гдѣ обрѣтается полное число монаховъ, убавить треть или половину въ такіе монастыри и пустынки, гдѣ не жалованьемъ, а рукодѣльемъ и тру-

[1]) П. С. П. и Р. т. V, № 1767.
[2]) П. С. П. и Расп. т. V, № 1767.
[3]) Ibidem № 1786, 1772, 1787, 1907.

дами питаются“ [1]). Приведеніе этого указа въ связи съ изложеніемъ законодательныхъ распоряженій въ отношеніи къ малобратственнымъ монастырямъ ясно обнаруживаетъ передъ нами ту практическую точку зрѣнія, которою всегда руководилось правительство по вопросу о соединеніи малобратственныхъ монастырей. Въ цѣляхъ той же матеріальной выгоды Петровское законодательство требовало не допускать въ монастыряхъ излишнихъ строеній, „еже и не на славу Божію“ [2]), и это стремленіе къ матеріальной наживѣ особенно ясно сказалось въ то время, когда въ силу образовавшейся на Монастырскомъ Приказѣ недоимки было совершенно запрещено выдавать на строеніе въ монастыряхъ денежное жалованье, пока не выплатится недоимка [3]); въ виду такихъ практическихъ стремленій правительствомъ даже на отлитіе колоколовъ запрещено было употреблять монастырскія суммы: отлитіе ихъ разрѣшалось дѣлать на счетъ пожертвованій [4]).

Итакъ, Петровское законодательство запретило построеніе монастырей вновь безъ вѣдѣнія Св. Синода и Высочайшаго на то разрѣшенія. Относительно же существующихъ принимало всевозможныя мѣры къ тому, чтобы привести въ извѣстность ихъ количественный составъ и ихъ богатства, въ связи съ чѣмъ опредѣлить ихъ штаты. Но, какъ мы уже упоминали раньше, вопросъ о штатахъ имѣлъ свою длинную исторію. Рядъ попытокъ къ установленію штата монастырей подготовилъ собою основательное рѣшеніе даннаго вопроса, и царствованію Екатерины II принадлежитъ послѣднее законодательное слово касательно выработки опредѣленныхъ штатовъ количественнаго состава монастырей Россійской Имперіи.

Изъ 881 монастырей по штатамъ право на существованіе получили только лишь 386, изъ которыхъ штатными были сдѣланы 225 монастырей, а остальные (161) были оставлены сверхштатными [5]). Въ Екатерининскихъ штатахъ положено

[1]) П. С. П. и Расп. т. II, № 536.
[2]) Ibidem. № 596 п. 47 стр. 253.
[3]) П. С. П. и Расп. т. III, № 998
[4]) Ibidem, т. II, № 436.
[5]) Звѣринскій „Матеріалы“... т. I. По изслѣдованію г. Звѣринскаго было упразднено всѣхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ епархій Великороссійскихъ губерній 496, а по мнѣнію г. Завьялова 418, отсюда разность и въ общей суммѣ монастырей до введенія штатовъ. По Звѣринскому 881, а по Завьялову 814. Во-

было существовать 4 пустынямъ и одному скиту [1]), но въ 1765 году комиссіей по составленію этихъ штатовъ было объяснено, что Высочайшее намѣреніе было переименовать пустыни въ монастыри, такъ что прежнее распоряженіе о введеніи въ штатъ „пустыни“ было ошибкою [2]). Построеніе монастырей вновь было запрещено безъ Высочайшаго на то разрѣшенія. за чѣмъ должны были слѣдить городскія управы благочинія [3]). При Екатеринѣ II оставшіеся за штатомъ монастыри предположено было обратить въ казармы для постояннаго пребыванія въ нихъ войскъ. Въ 1765 г. 16 апрѣля былъ подписанъ всеподданнѣйшій докладъ о предоставленіи монастырей военной Коллегіи. Но Св. Синодъ не далъ ни одного раза согласія на занятіе монастыря войсками, а скоро и сама военная Коллегія отказалась отъ такъ нравившагося ей проэкта и 21 августа 1779 г. представила Св. Синоду донесеніе, что за послѣдовавшими измѣненіями въ расположеніи армейскихъ полковъ (по поводу возвращенія ихъ изъ заграничной кампаніи) не усматривается надобности въ занятіи упраздненныхъ монастырей подъ военныя квартиры [4]).

Но введеніе штата монастырей было только нормою для будущихъ распоряженій, а не такимъ непреложнымъ закономъ, изъ котораго не допускалось бы изъятія и притомъ въ сторону не сокращенія, а увеличенія штата монастырей. Вотъ почему Екатериненскіе штаты въ дальнѣйшей своей исторіи терпятъ измѣненіе со стороны количественнаго состава монастырей. Увеличенію количества монастырей способствовало въ 19 ст. съ одной стороны, возведеніе монастырей изъ одного класса въ другой, а приписныхъ монастырей на степень самостоятельныхъ [5]), а съ другой стороны, появленіе и устройство но-

---

просъ о церк. имѣн. при Ек. II. А. Завьялова стр. 266, 271, 274. С.-Петерб. Издан. 1900 г.

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, № 12121.

[2]) „Вопр. о цер. им. при Екат. II“. А. Завьялова стр. 273.

[3]) 1-е П. С. З. Р. т. XXI, № 15379 § 58; „Вопр. о цер. им. при Екат. II“ Завьялова стр. 271.

[4]) „Вопр. о церк. имѣн. при Ек. II“. Завьялова стр. 273—5.

[5]) 2-е П. С. З. Р. И. т. III, 2369, 2388; т. V, 3567; т. VIII, 6202; IX, 7339; XI, 8928; XXVI, 24954; XXVIII, 27408; XXXV, 35721, 35769; XXXIV, 34388; LI, 56426 и др.

выхъ монастырей, изъ такъ называемыхъ женскихъ „общинъ“ [1]) и „богадѣленъ“ [2]). Возникновеніе этихъ общинъ относится къ XVIII вѣку и совпадаетъ съ изданіемъ монастырскихъ штатовъ. Происхожденіе ихъ можно объяснить такъ: съ упраздненіемъ монастырей путемъ размѣщенія ихъ обителей въ другіе монастыри, населеніе этихъ послѣднихъ значительно увеличилось, такъ что выступилъ на очередь вопросъ, что дѣлать съ лицами, оставшимися сверхъ штата. Практически вопросъ этотъ былъ рѣшенъ такимъ образомъ, что часть послушницъ, за недостаткомъ мѣста въ монастыряхъ, осталась въ своихъ келіяхъ, при бывшихъ монастырскихъ церквахъ, часть же, удалясь въ другія мѣста, селилась около приходскихъ церквей, исполняя обязанности просфоренъ, церковныхъ сторожей и т. п. Эти послушницы и монахини продолжали жить по монастырскому уставу, поддерживая свое существованіе трудами своихъ рукъ и милостынею. Отличительною особенностью этихъ общинъ, сравнительно съ монашествующими общинами, было то, что члены этихъ общинъ не принимали на себя монашескихъ обѣтовъ, навсегда отдѣляющихъ человѣка отъ міра, хотя и исполняли всѣ правила монастырскаго устава настоящихъ монастырей. Монастырскія женскія общины представляли собою, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ „полумонастырей“, или, по выраженію г. Звѣринскаго, „послушническихъ монастырей“, составляющихъ переходную ступень отъ свѣтской жизни къ монашеской. Особенно привлекательнымъ въ организаціи этихъ общинъ было то, что съ цѣлями своей монашеской жизни они стремились соединять и цѣль благотворительную: оказывая помощь бѣднякамъ, больнымъ и старымъ и заводя училища для образованія дѣтей. Конечно, объемъ благотворительности этихъ общинъ зависѣлъ отъ средствъ, которыми располагала та или другая община; но такъ какъ во главѣ такихъ общинъ, съ одной стороны, очень часто становились лица очень вліятельныя и богатыя, а съ другой стороны, многія общины получали богатые подарки и вспомоществованія

[1]) 2-е П. С. З. Р. И. т. XIII, № 10856, XXI, № 19728; XXII, 21472; XXIV, 23363; XXVII, 26324; XLVI, 46448.

[2]) XXIV, 23576; XXXVII; 38139; XLVI, 49403; Церк. Вѣсти. 1884 г. № 38.

отъ частныхъ лицъ, то и благотворительная дѣятельность такихъ общинъ могла имѣть широкіе размѣры [1]). Дѣло устройства такихъ общинъ и переименованія ихъ въ монастыри въ 19 столѣтіи приняло очень широкіе размѣры [2]), особенно послѣ 1881 г. (9 мая ук.), когда Св. Синоду было предоставлено право окончательно рѣшать дѣла объ учрежденіи женскихъ общинъ и монастырей, не повергая вопроса о томъ на Высочайшее усмотрѣніе, или только на учрежденіе ихъ не испрашивается пособія отъ казны. Въ Синодѣ же по указу 1865 г. (25 апрѣля) при дозволеніи сооруженія новыхъ монастырей требовалось, 1) чтобы съ цѣлями монастырской жизни, возникающіе вновь монастыри, соединяли цѣли благотворительную и воспитательную, 2) чтобы въ устройство монастырской жизни вводилось начало общежитія [3]).

Увеличеніе количества монастырей въ XIX столѣтіи, кромѣ указаннаго пути, шло еще на счетъ богадѣленъ, устрояемыхъ на капиталы, жертвуемые частными лицами или даже цѣлыми обществами. Богадѣльни эти предназначались обыкновенно для вдовъ и сиротъ обоего пола, дряхлыхъ, старыхъ и больныхъ. Призрѣваемыя, проводя время за работами, посѣщая храмъ и ведя образъ жизни близко подходящій къ послушническому, сами иногда желали введенія монастырскаго устава во внутреннее устройство своей жизни. Такимъ образомъ, богадѣльни переименовывались въ общины, а иногда даже и прямо въ монастыри [4]).

---

[1]) П. С. З Р. И т. XXXIII, № 32035; XXXVIII 39474; XXXIX, 40549, 40646, 41127, 41385; XL 42329: XLIII 46448 и мн. др.

[2]) Церк. Вѣд. 1881 г. № 2, 5, 12, 18, 19, 22, 32, 42, 48, 51 и 52; 1882 г. № 5, 27, 32, 35, 38, 50; 1884 г. № 16, 17, 29, 38, 45; 1885 г., стр. 7, 9, 10, 67, 77, 93, 120, 129, 163, 167, 180.

[3]) Порядокъ ходатайства по учрежденію и открытію вновь монастырей таковъ, что епархіальное начальство, по извѣщеніи о предполагающемся устройствѣ монастыря или общины, собравъ нужныя свѣдѣнія о необходимости и пользѣ ихъ устройства и указавъ источникъ на постройку зданій и средства для содержанія монашествующихъ, или членовъ общины, вмѣстѣ со смѣтами, планами и другими свѣдѣніями (какъ то: документами на жертвуемыя, или завѣщаемыя въ пользу монастыря или общины недвижимыя имущества), входитъ съ представленіемъ въ Св. Синодъ, отъ котораго и ожидаетъ разрѣшенія.

[4]) 2-е П С. З. Р. И. т. XXIV, № 23576.

Сочувствіе правительствъ 19 столѣтія къ возникновенію новыхъ монастырей можно усматривать и въ томъ, что въ 1859 году, при Александрѣ II, подъ Августѣйшимъ покровительствомъ, было основано „общество для вспоможенія бѣднѣйшимъ монастырямъ“. Матеріальныя средства этого общества слагались изъ ежегодныхъ членскихъ взносовъ (не менѣе 12 руб.) и добровольныхъ пожертвованій; цѣль этого общества была поддерживать монастыри въ ихъ борьбѣ съ матеріальною необезпеченностью [1]). Устройство этого симпатичнаго общества доказываетъ только то, что самимъ правительствомъ въ 19 столѣтіи была ясно сознана та великая польза, которая приносится монастырями государству и обществу въ религіозно нравственномъ, образовательномъ, благотворительномъ и многихъ другихъ отношеніяхъ. Правда въ 1873 г. „Государыня Императрица, Августѣйшая покровительница общества, принявъ во вниманіе, что дальнѣйшія вспоможенія церквамъ и монастырямъ могутъ быть по мѣрѣ нужды и возможности производимы попеченіями Св. Синода и министерства внутреннихъ дѣлъ, и что таковыя пособія деньгами и утварью постоянно отпускались изъ собственной Ея Величества канцеляріи, соизволила на закрытіе означеннаго общества, но правительственная помощь монастырямъ, какъ видно изъ приведеннаго указа, тѣмъ не менѣе не прекратилась [2]).

Съ канонической точки зрѣнія необходимыми условіями при построеніи вновь монастырей являются слѣдующія: 1) „никто нигдѣ не долженъ созидать или основывать монастыря или молитвеннаго дома безъ соизволенія епископа града [3]); и 2) „иже хощетъ создати монастырь или мірскій человѣкъ, или мнихъ, аще имѣетъ все, еже на совершеніе его, да начнетъ дѣло и да совершитъ. Аще ли не имать еже къ совершенію, да возбранитъ ему здати епископъ страны тоя“ [4]).

---

[1]) 2-е П. С. З. Р. И. т. XXXIV, № 34290 (Уставъ общества утвержденный 27-го марта 1859 г.).

[2]) Циркуляръ указовъ отъ 31 марта и 14 сентября 1873 г.

[3]) Кормч. ч. I, л. 66 обор. 4 пр. Халк. соборъ; 153 л. об. I прав. Двухкр. соборъ; ч. II, л. 12 обор. Законодательство Юстиніана.

[4]) Кормч. ч. I, л. 150 обор. 17 пр. 7-го Вселенскаго собора.

Глава вторая.

Постановленія относительно служебнаго значенія монастырей государству въ качествѣ благотворительныхъ и исправительныхъ институтовъ.

Благотворительность монастырей въ древней Россіи (до 18 вѣка) была дѣломъ ихъ свободнаго желанія, добровольнымъ служеніемъ на пользу ближняго, и широта и сила этой благотворительности покоились на внутренней сердечной потребности монаха-христіанина „сострадать“ своему ближнему. Почему, чѣмъ глубже монашествующія лица извѣстной обители усвояли себѣ евангельское ученіе, чѣмъ они болѣе проникались аскетическими идеями, тѣмъ оказывали болѣе широкую дѣятельность на поприщѣ благотворительности. Правда, то была идеальная постановка высокаго дѣла благотворительности, которая (постановка) могла остаться на высотѣ своего глубокаго значенія лишь въ тѣхъ обителяхъ и монастыряхъ, гдѣ монашескія общины по внутреннему образу жизни представляли собою образецъ подвижнической, аскетической жизни. Но такъ какъ мы уже успѣли замѣтить, что нравственная жизнь монаховъ 17 столѣтія не представляла собою ничего отраднаго, то существовавшая постановка дѣла благотворительности теряла всякое практическое значеніе. Мало того, при низкомъ уровнѣ нравственности монашествующихъ лицъ избытокъ матеріальныхъ средствъ велъ еще къ большей распущенности, закрѣпляя въ инокѣ стремленія къ раскошной, безпечной жизни. Петръ I, конечно, хорошо понималъ, къ чему ведетъ монастыри такое ненормальное положеніе въ нихъ дѣла благотворительности и вообще безконтрольность въ распоряженіи богатыми матеріальными средствами. Въ виду исключительныхъ запросовъ времени на „деньги“, Петръ I, конечно, живо интересовался всѣмъ тѣмъ, что сулило ему матеріальную пользу. А такъ какъ, интересы его политики много зависѣли отъ такой или иной постановки дѣла благотворительности въ монастыряхъ, то Петръ I стремится поставить дѣло благотворительности въ монастыряхъ на болѣе широкія, прочныя основанія путемъ привлеченія монастырей къ обязательному отбытію повинности по содержанію на монастырскомъ коштѣ от-

ставныхъ, увѣчныхъ и дряхлыхъ военныхъ нижнихъ чиновъ, нищихъ и лицъ неспособныхъ къ труду, дѣтей-сиротъ и „зазорныхъ“ (подкидышей) и, наконецъ, умалишенныхъ и преступниковъ. Петръ I желалъ, такимъ образомъ, сдѣлать монастыри центромъ государственной и общественной благотворительности. Предметомъ особеннаго вниманія Петра I были военные чины, съ которыми Петръ I раздѣлялъ свои военные труды и опасности, и на плечахъ которыхъ, можно сказать, выносилъ отсталую Россію въ ряды европейскихъ цивилизованныхъ державъ. Конечно, по чувству простой справедливости Петръ I долженъ былъ прежде всего позаботиться объ участи тѣхъ, труды которыхъ, по осуществленіи широкихъ реформъ Преобразователя, лишили ихъ способовъ къ поддержанію своего существованія. Россія до Петра I не имѣла никакихъ государственныхъ учрежденій для помѣщенія въ нихъ лицъ, послужившихъ отечеству на полѣ брани и оставшихся безъ куска хлѣба за увѣчьемъ; такими учрежденіями сдѣлались теперь монастыри. Еще до Петра I отставные стрѣльцы за ихъ „увѣчье, старость и службу“ иногда отправлялись на содержаніе въ монастыри, гдѣ имъ давалось денежное жалованье по 1 руб. 30 алт. на человѣка и хлѣбнаго—по четверику толокна, гороха, крупъ [1]) и др. Въ ихъ же пользу въ 1715 г. было опредѣлено употребить „вѣнечныя деньги“ [2]). Но только при Петрѣ I забота о помощи обездоленнымъ отставнымъ военнымъ чинамъ приняла широкую постановку и перестала носить на себѣ характеръ случайности и исключительности. Еще въ 1719 г. Петръ I приказалъ отставныхъ солдатъ отсылать въ монастыри на прокормленіе и жалованье имъ давать изъ монастырскихъ доходовъ“ [3]), которые же въ богадѣльнѣ, тѣмъ изъ тѣхъ доходовъ, которые содержатся въ богадѣльнѣ; жалованья же, которое выдавалось натурою и деньгами [4]), положено было сначала выдавать отставнымъ военнымъ чинамъ столько, сколько получали гарнизонные чины тѣхъ губерній,

---

[1]) А. А. Э. т. IV, № 283. А. И. V, 58.
[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. V, 3026.
[3]) Ibidem, т. V, № 3409, 3576, VI, 3576.
[4]) П. С. П. и Расп. VI, 2120; III № 1026, 1-е П. С. З. Р И. т. V, 3409.

гдѣ находились монастыри [1]). Указомъ отъ 19 января 1723 г. точнѣе опредѣлялось положеніе военныхъ чиновъ: „отставныхъ драгунъ и солдатъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ и раненныхъ, которые пропитанія не имѣютъ, отсылать въ монастыри, въ которыхъ довольствоваться ихъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ изъ тѣхъ доходовъ, которые на монаховъ опредѣлены, а указного числа не обрѣтается, и тѣ опредѣленные на нихъ доходы бываютъ въ остаткѣ; а буде гдѣ тѣмъ оставшимся числомъ оныхъ отставныхъ удовольствовать будетъ не можно. то у наличныхъ монаховъ изъ опредѣленныхъ имъ денегъ и хлѣба убавить по нѣкоторой части, усмотрительно уравнивая, чтобы какъ монахомъ, такъ и тѣмъ отставнымъ денежное и хлѣбное жалованье было равное“ [2]). Высочайшей же резолюціей отъ 12 апрѣля 1722 г. на докладные пункты Св. Синода было постановлено: „служивымъ людемъ, старымъ и увѣчнымъ давать рядовымъ противъ чернцовъ, а офицерамъ и унтеръ-офицерамъ по $1^1/_2$ порціи, а оберъ и штабъ офицерамъ противъ регламента порціоны и давать такимъ, которые похотятъ въ монастыряхъ, а женатые при монастыряхъ жить; а кои въ домахъ будутъ жить своихъ, тѣмъ не давать; а которые могутъ еще управлять дѣла монастырскія, тѣмъ быть у дѣлъ“ [3]) по указанію монастырскаго начальства [4]). Въ 1724 году 5 февраля было опредѣлено: унтеръ-офицеры и солдаты, которые прямые увѣчные нищіе, а имѣютъ женъ, тѣмъ давать порціи а жить, гдѣ хотятъ [5]). По идеѣ, которую преслѣдовалъ Петръ I своими постановленіями и указами относительно отставныхъ военныхъ чиновъ, изъ послѣднихъ должны были содержаться на монастырскія средства только тѣ, которые на государственной службѣ потеряли свои силы и здоровье, почему не имѣли возможности собственными трудами прокармливать себя и свои семейства. Правительствующій Сенатъ указомъ отъ 31 іюня 1722 г. въ уясненіе и развитіе этой мысли прибавлялъ: „от-

---

1) Ibidem, т. V, 3409.
2) П. С. П. и Расп. т. III № 1026, V, № 1556.
3) П. С. П. и Расп. т. II, № 532 резолюція на 21 п.
4) 1-е П. С. З. Р. И. т. VI № 3576, 3962.
5) П. С. П. и Расп. т. IV, 1202.

ставныхъ драгунъ и солдатъ и матросовъ, которые не изъ дворянства, а жили въ Москвѣ и другихъ городахъ не на пашнѣ и нынѣ пропитанія не имѣютъ, таковыхъ, для пропитанія которые станутъ бить челомъ, отсылать по указу въ Св. Синодъ [1]); а которые бить челомъ не будутъ, у тѣхъ спрашивать, какимъ они рукодѣльемъ или инымъ чѣмъ пропитаніе имѣть будутъ; и кто въ какое мастерство пойдетъ, тѣхъ записывать въ цехи, а которые въ другую работу или къ кому въ службу, тѣхъ писать въ тѣ мѣста по ихъ желанію" [2]). Указомъ же Сената 1736 и 1737 г.г. было принято: „тѣхъ отставныхъ отъ службы унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и нестроевыхъ, которые своихъ деревень и пропитанія не имѣютъ, отсылать въ Казанскую губернію и въ другія мѣста съ надлежащимъ на первый случай отъ казны награжденіемъ и распорядкомъ [3]). Такими постановленіями имѣлось въ виду отчасти предупредить въ монастыряхъ наплывъ лицъ, могущихъ собственными трудами прокармливать себя и избавить монастыри отъ излишнихъ расходовъ на содержаніе такихъ лицъ. Но, какъ показала послѣдующая исторія, въ Св. Синодъ изъ военнаго вѣдомства присылались для разсылки въ монастыри для пропитанія и такіе, „которые не токмо опредѣленія къ монастыремъ, но и о непосыланіи въ монастыри бьютъ челомъ и возможность своего пропитанія объявляютъ, что питаются они и впредь пропитанія имѣть будутъ отъ своего рукодѣлія; а иные значатся изъ шляхетства, а изъ пашенныхъ людей какимъ и отсылки въ Синодъ чинить не велѣно, а нѣкоторые изъ оныхъ явствуются дворовые люди, при разныхъ персонахъ до солдатства служившіе, которые и нынѣ при тѣхъ персонахъ жить желаютъ" [4]). Такое

[1]) Отсылка военныхъ чиновъ въ монастыри сначала производилась канцеляріями военнаго вѣдомства, но потомъ, въ виду возникшихъ отсюда безпорядковъ, завѣдываніе этимъ дѣломъ было передано Монастырскому Приказу (П. С. П. и Расп т. I, № 51, 62, 116, т. II, 693 п. 6, № 595). По уничтоженіи же его Св. Синоду (т. II, № 836, т. V, № 1676), а при Екатеринѣ I и Петрѣ II Коллегіи Экономіи (т. VI, № 2252), а затѣмъ Канцеляріи Синодальнаго Экономическаго Правленія, безъ разрѣшенія каковыхъ мѣстъ военные чины не могли быть приняты въ монастыри. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ велись точныя записи количества находящихся въ каждомъ монастырѣ на пропитаніе отставныхъ военныхъ чиновъ.

[2]) П. С. П. и Расп. т. II, № 738.

[3]) „Вопр. о церк. имѣніяхъ при Имп. Ек. II, стр. 141 изд. 1900 года.

[4]) П. С. П. и Расп. т. II, № 836. (Указъ 28 сент. 1722 г.).

небрежное отношеніе къ указу отъ 31 іюля 1722 г. ложилось тяжелымъ гнетомъ на монастыри, ибо и желающихъ поступить въ монастыри было очень много, поэтому Св. Синодъ требовалъ отъ Правительствующаго Сената „такого опредѣленія, чтобы отставныхъ военныхъ чиновъ изъ военнаго вѣдомства „безъ разсмотрѣнія въ Св. Синодъ не отсылать и такимъ, которыхъ отсылать не надлежитъ, присылки не чинить [1]). Но присылаемыхъ въ монастыри воинскихъ чиновъ было такъ много, что Синодъ жаловался на такое обремененіе монастырей, ссылаясь на то, что присылаемыхъ отставныхъ солдатъ нечѣмъ прокармливать [2]) „понеже монастыри содержатся опредѣленными на наличныхъ монаховъ деньгами, которые въ нѣкоихъ мѣстахъ и на собственное монаховъ удовольствованіе значатся недостаточны, понеже во могихъ монастыряхъ есть излишніе сверхъ опредѣленія монахи, которыхъ нынѣ убавить никакимъ образомъ невозможно“, на этомъ основаніи Св. Синодъ настаивалъ на спеціальномъ узаконеніи о довольствѣ военныхъ чиновъ [3]). Но просьбы Синода по данному вопросу оставались неисполненными. Мало того, онѣ вели даже къ тому, что въ цѣляхъ предоставленія отставнымъ военнымъ чинамъ вакантныхъ мѣстъ въ монастыряхъ было постановлено: „на убылыя монашескія мѣста никого не постригать, а замѣщать ихъ военными“ [4]), если же имъ не хватало содержанія изъ остатковъ и доходовъ монастырскихъ, то они содержались на счетъ окладного жалованья монаховъ [5]), если же въ монастырѣ было полное число монаховъ, то ради содержанія военныхъ чиновъ половину или треть ихъ требовалось переводить въ монастыри безвотчинные, содержавшіеся трудами самихъ монашествующихъ, а на мѣсто переведенныхъ помѣщать солдатъ [6]). Въ своемъ стремленіи какъ можно лучше использовать монастырскія средства на счетъ содержанія въ монастыряхъ отставныхъ военныхъ чиновъ Петръ I зашелъ такъ далеко, что проэктировалъ даже населить всѣ монастыри исклю-

[1]) Ibidem.

[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, 4145 § 6; П. С. П. и Расп. т. II, № 357, 836, 759.

[3]) П. С. П. и Расп. т. II, № 759, V, 849.

[4]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, № 4151.

[5]) Ibidem № 4183.

[6]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VI, № 4107.

чительно отставными военными чинами, а монаховъ оставить въ качествѣ лазаретныхъ служителей, пропорціонально количеству населяющихъ монастырь военныхъ чиновъ. Въ этомъ случаѣ монахамъ не давалось даже особыхъ келій, а предоставлялось жить въ чуланахъ при больничныхъ лазаретахъ. Тѣхъ же монаховъ, которые не попадутъ въ число лазаретныхъ служителей имѣлось въ виду выслать изъ монастырей и дать имъ землю для обработки [1]). Кромѣ обязанности по содержанію военныхъ отставныхъ чиновъ на монастыри при Петрѣ I была возложена обязанность и по содержанію семействъ, состоящихъ на службѣ солдатъ и драгунъ, которые взяты изъ монастырскихъ служителей; женамъ таковыхъ лицъ монастыри обязаны были выдавать извѣстное количество хлѣбнаго и денежнаго жалованья [2]).

Помимо высказанныхъ уже нами соображеній о вліяніи на происхожденіе всѣхъ стѣснительныхъ постановленій для монашествующихъ утилитарной политики Петра, въ качествѣ поясненія къ появленію указанныхъ здѣсь распоряженій Петровскаго законодательства можно привести еще слѣдующія соображенія. Для Петра I представленіе объ идеальномъ монахѣ создалось на основаніи знакомства съ его историческимъ прошломъ, въ каковомъ благотворительная дѣятельность монашествующихъ лицъ занимаетъ очень видное мѣсто. Не умѣя проникнуть въ суть даннаго историческаго явленія и опредѣлить съ философской точки зрѣнія цѣль и смыслъ монашескаго института, Петръ I, конечно, въ своей реформаціонной дѣятельности за исходную точку принялъ то, что всего болѣе было понятно ему и близко его интересамъ. Вотъ почему онъ въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ касательно монашескаго института принималъ во вниманіе, именно, эту практическую сторону, возводя ее въ норму, условливающую собою истинно-монашескую жизнь. Такая односторонняя точка зрѣнія Петра I на истинно подвижническую жизнь и заставила его вдаться въ ту крайность, которою монахи поставлялись въ монастыряхъ въ положеніе лазаретныхъ и богадѣленныхъ служителей.

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, № 4450, опр. I, §§ 1—3, 5. П. С. П. и Расп. т. IV, 1197.

[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. I, № 218.

Мысль Петра В. о содержаніи въ монастыряхъ отставныхъ военныхъ чиновъ имѣла самое широкое приложеніе въ законодательствѣ и практикѣ и послѣдующихъ за Петромъ I царствованій [1]) и служила однимъ изъ главныхъ побужденій къ сокращенію числа монашествующихъ. Въ царствованіе Екатерины I было стремленіе даже увеличить содержаніе отставныхъ военныхъ чиновъ, доводя его до суммы, которую они получали, состоя на службѣ, и предоставить имъ право свободнаго выбора себѣ мѣста жительства въ томъ или другомъ монастырѣ. Но Св. Синодъ отвергнулъ эти стремленія [2]), выставивъ причины, по которымъ онъ не можетъ согласиться на подобныя желанія. При Аннѣ Іоанновнѣ для пропитанія въ дѣвичьи монастыри были посылаемы офицерскія вдовы, хотя резолюціей Кабинета Министровъ было постановлено „принимать ихъ съ освидѣтельствованіемъ и именно такихъ, которыя бы были не ниже 50 лѣтъ, или увѣчныя и собственнаго своего пропитанія не имѣютъ“ [3]). Даже военные изъ иностранцевъ, не христіанскаго исповѣданія, которыхъ при Аннѣ Іоанновнѣ было слишкомъ много въ Россіи, и тѣ не гнушались „монастырскими порціями“. Правда, военная коллегія докладывала Сенату, что „при монастыряхъ иноземцамъ по ихъ законамъ быть невозможно“, но послѣдній отвѣтилъ: „въ томъ никакого предосужденія быть не можетъ, понеже получать будутъ по указамъ, а до вѣры въ томъ ихъ не касается“ [4]). Въ 1731 г. 31 января получили Высочайшее утвержденіе даже особыя табели о количествѣ жалованья, слѣдующаго опредѣляемымъ въ монастыри, для пропитанія, отставнымъ офицерамъ и рядовымъ [5]). Въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны монастыри, пользуясь благосклоннымъ отношеніемъ къ нимъ правительства и заступничествомъ вліятельныхъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, мало по малу начали было вытѣснять военный элементъ, а нѣкоторымъ монастырямъ удалось даже со-

---

[1]) П. С. П. и Расп. т. V, 1849, 1676; т. VI, 2051, 2120, 2252; 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, 4969

[2]) П. С. П. и Расп. т. V, 1849.

[3]) 1-е П. С. З. Р. И. т. X, № 7761.

[4]) Ibidem т. VII, № 6230.

[5]) Ibidem т. VIII, 5688.

всѣмъ освободиться отъ него, такъ что они нѣсколько лѣтъ вовсе не содержали военныхъ отставныхъ чиновъ. Троицкая лавра была самой Императрицей освобождена отъ населенія въ ней солдатъ [1]). При личномъ посѣщеніи Троицкой лавры Императрица, замѣтивъ, что, изъ числа содержащихся въ ней (800) отставныхъ военныхъ чиновъ, множество есть такихъ, которые работать и трудами своими хлѣбъ доставать могутъ, высказалась въ томъ смыслѣ, что имъ полезнѣе быть на поселеніи въ Казани, чѣмъ монастырѣ жить въ праздности и быть въ тягость обывателямъ. Но привиллегіи, которыя Елизавета Петровна давала нѣкоторымъ монастырямъ, какъ сказано было въ именномъ указѣ, „инымъ монастырямъ не въ образецъ“ [2]). Поэтому, не смотря повидимому на такое благосклонное отношеніе правительства Елизаветинскаго времени къ монастырямъ, царствованіе Елизаветы Петровны въ общемъ нисколько не измѣнило прежней системы содержанія военныхъ чиновъ на средства монастырей [3]). Въ 1757 году именнымъ указомъ отъ 18 января, „въ виду того, что нѣкоторые отставные отъ службы оберъ и унтеръ-офицеры и рядовые, отсылающіеся на покой и пропитаніе въ монастыри, были не приняты и отосланы, якобы за неимѣніемъ праздныхъ мѣстъ обратно въ тѣ мѣста, откуда отправлены и такъ какъ сіи за тою отсылкою, а иные по утѣсненію и неудовольствію отъ монастырскихъ властей, будучи безъ пропитанія принуждены были скитаться, Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше указать соизволила, какъ по нынѣ въ монастыри отосланныхъ, такъ и при нынѣшней и впредь будущей отставкѣ отсылающихся изъ военной коллегіи и отъ командъ къ монастырямъ отставныхъ офицеровъ и прочихъ чиновъ въ тѣ монастыри принимать и жалованьемъ и призрѣніемъ и покоемъ содержать по заслугѣ ихъ въ надлежащемъ порядкѣ и удовольствіи, какъ о томъ повелѣваютъ указы Петра I“, чтобы распоряженія Петра Великаго исполнялись „всеконечно“, подъ опасеніемъ „тяжкаго гнѣва и штрафа“, а Синоду вмѣнялось въ

[1]) 1-е П. С. З. Р. II т. XII, № 8960. [2]) Ibidem.

[3]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XII, 9104 (1745 г. 28 янв.), 9172 (10 іюня 1745 г.) т. XIV, 10355, 10684 и мн. др.

обязанность разсылать отставныхъ чиновъ по монастырямъ „съ найкрѣпчайшими о добропорядочномъ ихъ содержаніи подтвержденіями“ [1]). Съ тѣхъ же монастырей, при „которыхъ опредѣлено было содержать отставныхъ, а оныхъ они уже нѣсколько лѣтъ не содержали, за всѣ годы, сколько не содержали, взять тѣ порціи, которыя они выдать имѣли деньгами, и впредь оныя брать погодно на положенное число; а изъ того собираемыми за прошедшіе годы деньгами учредить инвалидные дома, а остальные въ банкъ отдать, дабы процентами и ежегодными съ монастырей порціями содержать въ нихъ отставныхъ военныхъ чиновъ [2]). При Елизаветѣ Петровнѣ впервые возникаетъ мысль объ освобожденіи монастырей отъ отбытія повинности по содержанію отставныхъ военныхъ чиновъ путемъ учрежденія особыхъ инвалидныхъ домъ. Мысль эта подробнѣе развита въ указѣ 16 января 1758 г., гдѣ говорится: „для лучшаго отставныхъ офицеровъ и солдатъ за службы и раны содержанія, сыскать въ Казани или близъ оного какое зданіе каменное найтися можетъ, а какъ не безъизвѣстно Ея Императорскому величеству, что имѣется въ Казани старый каменный дворецъ, ежели и кромѣ какое старое найдется, то поправить; буде же не сыщется, то и вновь построить каменный домъ и содержать ихъ на такомъ порядкѣ, какъ въ Европейскихъ государствахъ состоятъ; а сколько при которомъ монастырѣ положено было на ихъ содержаніе какъ денежнаго, такъ и хлѣбнаго жалованья, ту сумму отсылать къ онымъ инвалидамъ; а какъ учредится, то уже къ монастырямъ не опредѣлять отставныхъ“ [3]). Но этой мысли Елизаветы Петровны за скорою ея кончиною не суждено было осуществиться въ ея царствованіе. Осуществленіе ея принадлежитъ времени Екатерины II, когда вмѣстѣ съ отобраніемъ церковныхъ имѣній въ государственную казну, правительство взяло на себя вмѣстѣ съ этимъ и обязанность по содержанію отставныхъ военныхъ чиновъ и ихъ семействъ. Екатерина II признала разсылку отставныхъ военныхъ чиновъ

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XIV, № 10684.
[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XIV, № 10765.
[3]) Ididem т. XV, № 10190.

на содержаніе по монастырямъ „за неудобное и весьма затруднительное дѣло, ибо духовныя власти не свѣдомы какимъ образомъ съ военными людьми обходиться, и бывающія отъ нихъ наглости укрощать". На этомъ основаніи велѣно было разсылать отставныхъ военныхъ чиновъ на житье или въ упраздненные монастыри, которые превращались для этого въ инвалидные дома, или же требовалось устраивать таковые вновь на доходы съ церковныхъ имуществъ [1]). Такимъ образомъ, при Екатеринѣ II монастыри разъ навсегда освобождены были отъ возложенной на нихъ Петромъ I обязанности содержать отставныхъ военныхъ чиновъ. Скажемъ здѣсь же, что со стороны Петра I подобное обращеніе монастырей въ инвалидные дома вызывалось потребностью времени, выдвинувшаго на очередь вопросъ о призрѣніи лицъ, послужившихъ отечеству на полѣ брани. За неимѣніемъ средствъ удовлетворить указанной потребности какимъ-нибудь другимъ способомъ Петръ I привлекаетъ къ помощи по обезпеченію военныхъ чиновъ монастыри, располагавшіе тогда большими матеріальными богатствами. Но дѣлая это по чисто практическимъ соображеніямъ, въ виду невозможности выйти изъ такого затруднительнаго положенія какимъ-нибудь другимъ путемъ, Петръ I такимъ образомъ совершенно игнорировалъ интересы самихъ монашествующихъ лицъ, становясь въ противорѣчіе съ тѣми постановленіями и распоряженіями, которыми раньше онъ старался удалить изъ монастырей свѣтскій, мірской элементъ, какъ совершенно чуждый монашескому институту. Съ одной

---

[1]) Для инвалидовъ были установлены при Екатеринѣ II опредѣленные штаты. Предполагалось содержать на доходы съ отобранныхъ имѣній 4353 отставныхъ военныхъ людей, на содержаніе таковыхъ назначена была сумма въ 80 тысячъ 600 руб. На выдачу пособій женамъ и дѣтямъ военныхъ чиновъ опредѣлено ежегодно выдавать 34400 руб. и запасную на этотъ предметъ сумму въ 10000 руб. на пособіе же сверхштатныхъ инвалидовъ положено было ежегодно отпускать 14760 руб. Въ частности пенсія военнымъ чинамъ назначена была въ слѣдующихъ размѣрахъ: полковнику (не гвардіи) 120 руб., оберъ офицеру гвардіи 100 р. въ годъ, маіору 100 р., капитану 65 р., поручику 40 р., подпоручику и прапорщику 33 р., унтеръ-офицеру гвардіи 20 р., прочаго оружія 15, рядовому гвардіи 15 р., прочаго оружія 10 руб. (1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, № 12060 Вв. стр. 565—569, Книг. Штат. т. 44, ч. II, отд. III, стр. 24, 33—34; II. С. З. Р. И. т. XVII, № 12329 и 12331).

стороны, мы видимъ въ Петровскомъ законодательствѣ заботу объ изоляціи монашества отъ вліянія міра, а съ другой, напротивъ, стремленіе къ привнесенію въ монастыри мірского элемента, и при томъ элемента, по своимъ внутреннимъ качествамъ, совершенно неподготовленнаго къ общенію и жизни съ лицами „не отъ міра сего“ и даже совершенно противоположнаго ему по своимъ стремленіямъ и образу жизни. Подобныя распоряженія законодательной власти не обѣщали ничего хорошаго и какъ показала исторія, сопровождались пагубнымъ вліяніемъ на нравственность монашествующихъ лицъ. Вотъ почему освобожденіе монастырей отъ населенія ихъ военными чинами должно привѣтствовать, какъ явленіе, самое отрадное съ канонической точки зрѣнія, ибо правила соборовъ требуютъ того, чтобы монастырь не былъ „жилищемъ мірскимъ [1]).

Но еще страннѣе и необъяснимѣе съ точки зрѣнія каноническихъ принциповъ являются тѣ постановленія Петровскаго и слѣдующихъ за нимъ законодательствъ, которыя дѣлаютъ монастыри мѣстомъ ссылки всевозможныхъ преступниковъ, пріютомъ того сорта людей, который называется подонками общества. Въ монастыри при Петрѣ I ссылались „сумазбродныя“ и „помѣшанныя“ [2]) „духовно бѣснующіяся“ [3]), свѣтскія и духовныя лица за разныя преступленія противъ вѣры, нравственности и должности [4]); въ нихъ присылались жены, своевольно ушедшія отъ своихъ мужей и живущія прелюбодѣйно съ другими, ханжи, за ношеніе ими желѣзныхъ веригъ и посоха, не для спасенія души, а ради матеріальной выгоды, священнослужители, за пролитіе, по неосторожности, Св. Христовыхъ Таинъ, или за проступки противъ благочинія и дисциплины и т. п. Св. Синодъ многократно входилъ въ сношеніе съ Сенатомъ и повергалъ этотъ вопросъ на Высочайшее имя, прося устранить присылку въ монастыри уголовныхъ преступ-

[1]) IV Всел. Соб. пр. 24 и VI, пр. 49. Законодат. Юстиніана. Кормчей ч. II л. 6 на обор. и 10.

[2]) П. С. П. и Расп. III, № 1109, VI, 2190.

[3]) Ibidem т. V, № 1556.

[4]) Т. I № 219, VII, № 2329, 2331, 2348, 2360; 2-е П. С. З. Р. И. т. II № 951, XI, 8906.

никовъ и бѣснующихся за неимѣніемъ въ монастыряхъ ни помѣщенія, приспособленнаго къ содержанію преступниковъ, ни людей могущихъ наблюдать за ними, ни денежныхъ средствъ для ихъ содержанія [1]). Въ основаніе своего ходатайства Синодъ ссылался еще на объявленный устно, однако записанный именной указъ Петра I, по которому Самодержецъ „разсуждая о сумазбродныхъ, и подъ видомъ изумленія бываемыхъ, каковые напередъ сего, аки бы для исцѣленія и воумленія посылывалися въ монастыри, таковыхъ отнынѣ въ монастыри посылать отрекъ [2]). На этомъ основаніи Св. Синодъ довольно настойчиво отклонялъ помѣщеніе умопомѣшанныхъ въ монастыри. Но такъ какъ изустный именной указъ не былъ объявленъ въ видѣ отмѣны дѣйствующаго закона, то свѣтскія учрежденія продолжали руководствоваться прежнимъ именнымъ указомъ по дѣламъ Преображенской канцеляріи, требующимъ посылать въ монастыри „престарѣлыхъ и увѣчныхъ, явившихся въ важныхъ винахъ". Отсюда возникшее недоразумѣніе при Екатеринѣ I было рѣшено въ томъ смыслѣ, чтобы принимать сумазбродовъ и бываемыхъ подъ видомъ изумленія въ монастыри по прежнему какъ то бы до 1723 г. [3]). Въ 1727 и 1735 г.г. Св. Синодъ снова пытается просить отмѣны подтверждаемаго Екатериною I указа относительно принятія въ монастыри сумазбродныхъ и въ качествѣ основанія своей просьбы ссылается, съ одной стороны, на вредное вліяніе таковыхъ лицъ на нравственность иноковъ, съ другой стороны, на отсутствіе въ монастыряхъ необходимаго для душевно-больныхъ надзора, отчего „въ Симоновомъ монастырѣ больной крестьянинъ Ширяевъ ввалился въ квасной котелъ, отварився и умре". Но ходатайство Св. Синода не достигало желанной цѣли и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ правительство дѣлало уступки, именно, въ томъ смыслѣ, что если не было удобнаго помѣщенія для уголовныхъ преступниковъ и душевно больныхъ въ одномъ монастырѣ, то Св. Синоду предоставлялось право самому переводить ихъ въ другой монастырь, гдѣ есть подхо-

[1]) П. С. П. и Расп. т. V, 1792, VI, 2254.
[2]) Ibidem. т. III, № 1109.
[3]) П. С. П. и Расп. V, 1941; 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, № 5034.

дящее къ содержанію ихъ помѣщеніе и усиленный караулъ[1]). Въ виду того, что въ Синодъ, подъ видомъ изступленныхъ и помѣшанныхъ, для отсылки въ монастыри, присылались иногда такія лица, въ которыхъ указанныя состоянія представляли собою нѣчто временное, основанное на „тѣлесномъ поврежденіи", Св. Синодъ требовалъ: производить надъ имѣющимися быть посланными въ монастыри докторское освидѣтельствованіе, „а ежели уже по докторскому свидѣтельству все совершенно та болѣзнь неисцѣльна явится и покажется оное ихъ бѣснованіе отъ злыхъ духовъ, то для исправленія духовнаго подъ синодское вѣдомство они и примутся, а нынѣ ихъ безъ такого свидѣтельства въ монастыри отсылать не надлежитъ"[2]).

Разсылка по монастырямъ престарѣлыхъ и умалишенныхъ преступниковъ продолжалась и въ послѣдующія царствованія[3]). При петрѣ II Св. Синодомъ приказано присылаемыхъ „сумазбродныхъ колодниковъ изъ Петербургской Крѣпости отправлять къ епархіальнымъ архіереямъ, которые должны были отсылать ихъ въ каковые пристойно крѣпкіе монастыри и содержать подъ присмотромъ въ монастырскихъ трудахъ, какіе безъ умерщвляющаго орудія бываютъ, дабы оные не могли себя или другихъ повредить и умертвить[4]). При Аннѣ Іоановнѣ въ 1735 году было подтверждено, чтобы „колодниковъ, что по важнымъ дѣламъ приличились, которые по усмотрѣнію явились въ умѣ поврежденные, содержать въ монастыряхъ за такимъ смотрѣніемъ, какъ при отсылкѣ таковыхъ изъ тайной Канцеляріи опредѣлено будетъ[5]). Въ 1473 г. уже въ царствованіе Елизаветы Петровны было установлено закономъ, чтобы несовершеннолѣтнихъ преступниковъ исправлять помѣщеніемъ въ монастыри; но при Елизаветѣ же Петровнѣ впервые яв-

---

[1]) Иногда караулъ для уголовныхъ преступниковъ и буйныхъ душевно-больныхъ присылался изъ Преображенскаго приказа; средства же на заключеннаго брались или изъ того же Приказа или же отъ родственниковъ заключеннаго (П. С. П. и Расп. т. V, 1793; ibidem VI, 2190; 1-е П С. З Р. И т. XVI, 11699).

[2]) П. С П. и Расп. т. V, № 1556.

[3]) Ibidem, т. V, 1941, VI, 2084

[4]) П. С. П. и Расп. т. VI, 2084.

[5]) 1-е П. С. З. Р. И. т. IX, 6083, т. X, 7793, 7521.

ляется сознанной мысль о необходимости и цѣлесообразности устройства спеціальныхъ учрежденій для призрѣнія въ нихъ душевно-больныхъ. Инціативу Елизаветы Петровны по учрежденію спеціальныхъ заведеній для призрѣнія душевно-больныхъ поддержалъ было и Петръ III и въ его время предполагалось даже для безумныхъ устроить особый дольгаузъ по заграничному образцу, хотя мѣста нахожденія его и средствъ для его постройки еще не было указано. Вопросъ этотъ при Екатеринѣ II былъ рѣшенъ Сенатомъ въ благопріятномъ смыслѣ начавшагося при Елизаветѣ Петровнѣ движенія, и государыня, одобривъ докладъ Сената, высказавшагося за цѣлесообразность предначертаній Петра III, постановила, чтобы до времени устройства дольгауза выбранъ былъ для призрѣнія душевно-больныхъ способный монастырь, о чемъ и требовала сообщить Св. Синоду. По сношеніи съ Синодомъ такимъ мѣстомъ ссылки безумныхъ были назначены покои Новгородскаго Зеленецкаго монастыря и Московскаго Андреевскаго, причемъ завѣдываніе этимъ дѣломъ возложено было на Экономическую Канцелярію, караулъ составлялся изъ находящихся при этихъ монастыряхъ отставныхъ офицеровъ, а средства содержанія получались отъ родственниковъ душевно-больныхъ, владѣвшихъ ихъ деревнями [1]). При Екатеринѣ II вопросъ о призрѣніи душевно-больныхъ былъ рѣшенъ разъ навсегда въ указанномъ смыслѣ, и съ переходомъ имущественныхъ владѣній въ государственную казну, сталъ предметомъ заботъ самого государства.

Что же касается ссылки въ монастыри преступниковъ по дѣламъ вѣры и нравственности, то она продолжалась и послѣ Екатерины II, и стремленія законодательства направлялись лишь только къ тому, чтобы точнѣе опредѣлить родъ преступленія, за который полагается наказаніе ссылкою въ монастырь. Въ силу указанной неустановленности въ наказаніи за преступленія происходило то, что за извѣстныя преступленія въ одной епархіи церковное покаяніе проходилось на мѣстѣ жительства виновнаго, при приходской церкви, въ другой же за то же самое преступленіе виновный подвергался ссылкѣ

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, № 11699. „Вопросъ о церк. имѣніяхъ при Имп. Екат. II“ А. Завьяловъ, стр. 125.

въ монастырь; вслѣдствіе этого происходило много недоразумѣній и причинялось много неудобствъ, какъ самимъ монастырямъ, такъ и лицамъ осужденнымъ въ нихъ на церковное покаяніе. Въ Св. Синодъ часто поступали жалобы, что заключеніемъ въ монастыри торговые люди и поселяне отрываются отъ своихъ обычныхъ занятій, а семейные отъ семействъ, что приноситъ имъ большое неудобство, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже разореніе. На этомъ основаніи Св. Синодъ циркулярнымъ указомъ отъ 11 іюля 1851 г. предписалъ епархіальнымъ архіереямъ: 1) войти въ подробное разсмотрѣніе тѣхъ дѣлъ, по которымъ люди свѣтскаго званія содержатся въ монастыряхъ подъ епитиміей, и если, по такомъ разсмотрѣніи, не представится никакихъ затрудненій, то содержимыхъ въ монастыряхъ обратить къ покаянію на мѣстѣ ихъ жительства, подъ надзоромъ духовниковъ, и такъ поступать со всѣми епитимійцами, за исключеніемъ тѣхъ, которые отсылаются въ монастырь на покаяніе по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ; на будущее же время обращать вниманіе на положеніе подсудимыхъ, и въ монастыри назначать только тогда, когда это будетъ необходимо или по свойству самихъ преступниковъ или по доказанной безуспѣшности исполненія епитиміи на мѣстѣ жительства. Синодскимъ же указомъ 1868 г. 18 марта было сдѣлано точное разграниченіе такихъ проступковъ и преступленій, за которые въ Уложеніи о наказаніяхъ прямо опредѣлено заключеніе въ монастырь [1]), и такихъ, за которые полагается только церковное покаяніе и отсылка къ духовному начальству для вразумленія и увѣщанія. При чемъ постановлено было, чтобы въ монастыри не посылать свѣтскихъ епитимійцевъ для исправленія, такъ какъ это: 1) разорительно для тѣхъ, кто несетъ епитимію, а также 2) пагубно для нравственной жизни монашествующихъ, въ виду случающихся возмутительныхъ поступковъ со стороны не раскаявшихся и закоренѣлыхъ во злѣ епитимійцевъ, а предоставить епитимійцамъ право нести епитимію на мѣстѣ ихъ жительства подъ строгимъ надзоромъ

[1]) Содержаніе въ мон. свѣтскихъ лицъ полагается только за преступленія указанныя въ 138, 1549, 1585, 1593, 1594 и 1597 ст. Уложенія о наказаніяхъ „Цир Указ. Св. Пр. Синода“ А. Завьялова 1868 г. № 21.

духовнаго отца и только въ томъ случаѣ, когда проходимая на мѣстѣ епитимія не будетъ достигать цѣли нравственнаго исправленія епитимійцевъ, разрѣшается отсылать ихъ въ монастырь [1]); вообще же содержанію въ монастыряхъ подлежали только тѣ лица свѣтскаго званія, о заключеніи которыхъ состоялось Высочайшее повелѣніе или приговоръ уголовнаго суда, при чѣмъ избраніе монастыря въ епархіи для помѣщенія таковыхъ лицъ производится по предварительномъ сношеніи съ мѣстными архіереями [2]). На этомъ основаніи возникшее было дѣло въ 1868 г. относительно непріема въ Самарскій монастырь преступницъ, вопреки требованію губернскаго правленія, въ Синодѣ было рѣшено въ пользу Самарскаго монастыря, ибо, какъ сказано было въ указѣ, отъ епархіальнаго начальства зависитъ въ каждомъ частномъ случаѣ присужденіе преступниковъ къ заключенію въ тотъ или другой монастырь, сообразно съ наличными условіями тѣхъ монастырей [3]). Кромѣ лицъ свѣтскаго званія, въ монастыри отсылались за разныя вины и лица духовныя. Циркулярнымъ указомъ 1867 г. требовалось для помѣщенія ихъ назначать монастыри въ той же епархіи болѣе строгіе и уединенные, сроки же содержанія ихъ въ монастыряхъ назначались неодинаковые, смотря по степени нравственнаго состоянія осужденнаго. Настоятелямъ монастырей предписывалось имѣть за таковыми строгое наблюденіе и принимать къ ихъ исправленію приличныя увѣщанія въ духѣ кротости и любви христіанской; о степени же ихъ нравственнаго усовершенствованія настоятель обязанъ былъ доносить епархіальному Преосвященному, по истеченіи каждой трети года, сообразно съ чѣмъ и устанавливалось дальнѣйшее рѣшеніе участи осужденныхъ на исправленіе въ монастырь [4]). Заботясь о нравственномъ исправленіи и усовершенствованіи лицъ духовнаго званія, настоятель ту же самую цѣль долженъ былъ наблюдать и въ отношеніи къ лицамъ свѣтскимъ, заключеннымъ въ монастырь [5]). Почему послѣднія, касательно образа своей

[1]) „Цирк. Указ. Св. Пр. Синода". Завьялова. 1868 г. № 21.

[2]) Обозр. церк.-гражд. узак. по Дух. Вѣд. Я. Ивановскій, стр. 17 прим. I.

[3]) „Ц. Указ. Св. Син." Завьялова 1868 г. № 44.

[4]) Цирк. Указ. Св. Синода А. Завьялова 1867 г. № 28.

[5]) 2 е П. С. З. Р. И. т. II, № 951.

жизни и занятій, стоятъ въ полной зависимости отъ настоятеля, который, въ случаѣ проявленія съ ихъ стороны непослушанія, грубости и вообще безпорядочности въ поведеніи, имѣетъ не только право, но и обязанность принимать соотвѣтствующія и даже репрессивныя мѣры къ исправленію виновнаго, именно, слѣдовать указу Петра II отъ 22 ноября 1727 г, по которому въ указанныхъ случаяхъ свѣтскихъ лицъ повелѣвалось наказывать „по монастырскому обыкновенію [1]). Въ 1900 г. Циркулярнымъ указомъ Св. Синода по вопросу о заключеніи въ монастырь для исправленія малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, начало которому было положено при Елизаветѣ Петровнѣ, было постановлено: дѣлать разсылку таковымъ преступниковъ по усмотрѣнію епархіальнаго архіерея, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы отсылать ихъ только въ тѣ монастыри, которые располагаютъ для того извѣстными удобствами, а также въ тѣ монастыри, въ которыхъ подобныхъ преступниковъ мало, чтобы избѣгать, такимъ образомъ, сосредоточенія такихъ лицъ въ одной обители, такъ какъ такая постановка дѣла вредно отзывается на нравственной жизни иноковъ; содержаніе таковыхъ преступниковъ производилось на средства монастыря, а ихъ жизнь должна была подлежать монастырскому режиму и строгому надзору духовнаго отца или какого-нибудь опытнаго старца [2]).

На содержаніе же монастырей Петръ I возложилъ заботу объ обезпеченіи нищихъ, больныхъ, увѣчныхъ, престарѣлыхъ, сиротъ и „зазорныхъ“ (подкидышей). Дѣлу благотворительности таковымъ лицамъ Петръ I хотѣлъ придать ту постановку, которая носитъ характеръ общественной помощи; съ этой

[1]) Приведенныя соображенія касательно правъ настоятеля монастырей въ отношеніи къ свѣтскимъ лицамъ, заключеннымъ въ монастырь, напечатаны были первый разъ въ 1879 г. въ Таврическ. Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ для свѣдѣнія и руководства въ подобныхъ случаяхъ, въ виду отсутствія въ законѣ опредѣленныхъ указаній на этотъ предметъ. Такъ какъ подобное распоряженіе слѣлано Прокурорскимъ надзоромъ Одесской судебной палаты и не утверждено Синодомъ, то оно имѣетъ характеръ законодательной общеобязательности постольку, поскольку въ основаніе указанныхъ соображеній и разъясненій положенъ былъ приведенный нами указъ Петра II, законодательная сила котораго не была отмѣнена, а потому и имѣетъ нѣкоторое значеніе. (П. С. П. и Р. т. VI, № 2084).

[2]) „Цирк. Указ. Св. Прав. Синода“ А. Завьялова 1900 г. № 15.

цѣлью онъ запрещаетъ частную благотворительность, которая, не оказывая существенной помощи бѣднякамъ, служитъ въ то же время поводомъ къ происхожденію такого класса лицъ, которые, по мнѣнію Петра, „великую обиду истиннымъ нищимъ дѣлаютъ; понеже здравы суть, они скоро до милостыни прибѣгаютъ, когда немощные нищіе остаются, иные же полумертвы почитай на улицахъ лежатъ и при своей болѣзни гладомъ истаеваютъ“ [1]). Чтобы придать дѣлу благотворительности болѣе правильную постановку, Петръ I издаетъ указы, требующіе устраивать въ монастыряхъ нищепитательные и богадѣленные дома, госпитали и другія благотворительныя заведенія, для каковой цѣли употреблялись по преимуществу монастыри упраздненные и выведенные. Въ 1722 г. при всѣхъ монастыряхъ „идеже обрѣтается многое за потребами довольство“, приказано было: „построити страннопріимницы или лазареты и велѣти въ нихъ, по разсмотрѣнію, собрать престарѣлыхъ и здравія весьма лишенныхъ кормитися собою не могущихъ и промышленниковъ о себѣ не имущихъ“ [2]). Распоряженія Петра I въ стремленіи пріютить всѣхъ обездоленныхъ, нищихъ заходили иногда такъ далеко, что ими монашествующіе совершенно вытѣснялись изъ монастырей, а эти послѣдніе обращались въ спеціально-благотворительныя заведенія: богадѣльни, госпитали и нищепитательные дома и т. п. Такъ указомъ отъ 31-го января 1724 года было объявлено „всѣхъ прямыхъ нищихъ росписать по монастырямъ, по доходамъ опредѣляя число нищихъ и устроить госпитали по регламенту. Монаховъ же опредѣлять для служенія онымъ къ трети къ двумъ одного, къ другимъ двумъ третямъ, къ тремъ или четыремъ одного и т. д., смотря которые труднѣе имѣютъ болѣзни болѣе и служащихъ, а которые легче и у старыхъ меньше служащихъ“ [3]). Нѣкоторымъ же монастырямъ было постановлено въ обязанность служить тѣмъ или другимъ спеціальнымъ цѣлямъ благотворительности, въ силу чего одни изъ

---

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. V, № 3172. Духов. реглам. ч. III, § 12
[2]) П. С. П. и Расп. т. II, № 596, п. 19, 46, 47.
[3]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, 4450 Отд. I, § 1, 3.

нихъ назначались для содержанія колодниковъ и сиротъ [1]), другіе для больныхъ и увѣчныхъ, иные для школы [2]) и т. д. Въ 1724 г. было издано распоряженіе, чтобы „нѣсколько монастырей опредѣлить, гдѣ всѣхъ сиротъ обоего пола принимать обоихъ сортовъ, т. е. безъ призрѣнія послѣ родителевъ оставшихся и подкидышей, или явленныхъ такихъ, которыхъ воспитывать мужского до 7 лѣтъ, а потомъ отсылать въ школы опредѣленныя, и имѣть имъ особливыя жилища, къ чему выведенные монастыри угодны будутъ, а женскаго пола обучать грамотѣ, такожъ пряжѣ, шитью и плетенью кружевъ [3]). При Аннѣ же Іоанновнѣ для дѣтей сиротъ и зазорныхъ былъ построенъ въ Московской Троицкой Лаврѣ особый домъ [4]). Сумма, которая расходовалась на содержаніе богадѣленъ, сиропитательныхъ и другихъ благотворительныхъ учрежденій при монастыряхъ, выдавалась изъ общихъ монастырскихъ „доходовъ“ [5]), а также изъ остатковъ указной дачи самимъ монахамъ [6]). Помимо заведенія указанныхъ благотворительныхъ учрежденій при монастыряхъ, Петръ I въ нѣкоторыхъ случаяхъ устраивалъ благотворительныя заведенія и внѣ монастырей, причемъ средства содержанія черпались изъ тѣхъ же монастырскихъ доходовъ съ вотчинъ. Такъ, напримѣръ, при немъ въ Москвѣ былъ устроенъ госпиталь, содержавшійся исключительно на счетъ вотчинъ, отписанныхъ отъ нѣкоторыхъ монастырей [7]). Завѣдываніе богадѣльнями было сосредоточено въ Монастырскомъ Приказѣ, которому Св. Синодъ на содержаніе ихъ выдавалъ ежегодно сумму въ количествѣ 14844 руб. [8]), причемъ требовалось отъ него, чтобы жалованье нищимъ выдавалось по освидѣтельствованіи, чтобы призрѣваемые были только дѣйствительно нуждающіеся, а лѣни-

[1]) П. С. П. и Расп. т. VII, 2369, 2441, 2444 (Андреевскій монастырь въ Москвѣ).

[2]) Ibidem, т. IV, 1279 (Вознесенскій, Чудовъ и Новодѣвичій монастыри).

[3]) П С. П. и Расп. т. IV, № 1197 опред. I п. 13—14. 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, 4450 § 13, № 4516, §§ 6—11.

[4]) Ibidem. т. X, 7660 стр. 620.

[5]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VI, № 4426, 4488, 4516, § 3 и др.

[6]) Ibidem т. IV, № 1886.

[7]) П. С П. и Р. т. IV, № 1412.

[8]) Ibidem т. II, № 901, стр. 618.

выхъ прошакъ и тунеядцевъ исключать изъ списковъ. Такой способъ благотворительности продолжалъ существовать безъ измѣненія до царствованія Екатерины II, при которой забота объ обезпеченіи бѣдняковъ стала предметомъ особеннаго вниманія не только церковныхъ учрежденій, но и общества и частныхъ лицъ [1]). Строгій контроль надъ пользующимися благотворительностью, расширеніе дѣла призрѣнія по мѣрѣ дѣйствительной потребности въ немъ и назначеніе на это опредѣленныхъ денежныхъ средствъ, которыя съ теченіемъ времени постоянно возрастаютъ, положили начало удовлетворительному рѣшенію даннаго вопроса [2]). Въ дѣлѣ благотворительности, такимъ образомъ, вмѣсто прежняго принужденія внесено было больше свободы и добровольности, а вмѣстѣ съ этимъ внесено было больше и улучшенія въ самое положеніе бѣдняковъ.

Сдѣлавши монастыри центрами благотворительности, Петръ I думалъ создать изъ монастырей въ то же время разсадники просвѣщенія и сдѣлать ихъ, такимъ образомъ, центрами просвѣщенія. Съ этою цѣлію указомъ отъ 28 февраля 1714 года повелѣвалось заводить училища, кромѣ архіерейскихъ домовъ, при важнѣйшихъ монастыряхъ „для дѣтей дворянскихъ и приказнаго чина, дьяческихъ и подъяческихъ и всякаго чину людей, гдѣ обучать ихъ цифири и нѣкоторой части геометріи“ [3]). Это были школы свѣтскія, съ учрежденіемъ же Св. Синода онѣ были вытѣснены духовными школами, гдѣ по преимуществу обучались дѣти изъ духовнаго званія или же предназначавшіяся къ нему [4]). На содержаніе такихъ школъ повелѣвалось отъ „знатнѣйшихъ монастырей въ епархіи брать всякаго хлѣба одну двадцатую ($^1/_{20}$) долю, да отъ земель церковныхъ, гдѣ суть всякаго же хлѣба брать $^1/_{30}$ долю“ [5]). Изъ монастырскихъ средствъ шло содержаніе на школы вплоть до царствованія Екатерины II, при которой повелѣно было „соби-

[1]) 1 е П. С. З. Р. И. т. XXVIII, № 21932.

[2]) Вопр. о церк. им при Имп. Ек. II, Завьялова, стр. 333—336

[3]) 1 е П. С. З. Р. И. т V, 2778, 2971, 2979. П. С. П. и Расп. т. IV, № 1279.

[4]) Духов. регл. ч. II. стр. 46 изд. 1823 г.

[5]) Ibidem п. 11.

раемую часть хлѣба съ монастырей $^1/_{20}$, а съ церквей $^1/_{30}$ на семинаріи оставить, а опредѣлить на то вмѣсто оной повсегодно денежную сумму выдавать изъ Коллегіи Экономіи" [1]). Но возложивши главную обязанность по содержанію школъ на Коллегію Экономіи, правительство Екатерининскаго времени тѣмъ самымъ вовсе не хотѣло совершенно освободить монастыри отъ отвѣтственности по содержанію и заведенію училищъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и монастыри обязаны были оказывать матеріальную помощь къ поддержанію школъ [2]), почему въ докладѣ Императора Александра I „Комитетъ объ усовершеніи духовныхъ училищъ говоритъ, „что по недостатку казенныхъ средствъ, большая для того часть училищъ состоитъ на содержаніи монастырей [3]). Вообще дѣло заведенія при монастыряхъ училищъ было признано вполнѣ отвѣчающимъ религіозно-нравственнымъ цѣлямъ монашескаго института, и забота о заведеніи училищъ со стороны монастырей считалась вполнѣ похвальной, хотя въ данномъ случаѣ имъ предоставлялось право сообразоваться съ наличностью имѣющихся въ ихъ распоряженіи матеріальныхъ средствъ. Циркулярнымъ Указомъ Св. Синода Преосвященнымъ Архіереямъ предписывалось всячески располагать монастыри къ пожертвованію въ пользу церковно-приходскихъ школъ, а также вообще заботиться о развитіи въ монастыряхъ школьнаго дѣла и благотворительныхъ учрежденій [4]). Циркулярнымъ указомъ Св. Синода въ 1868 г. предписывалось во всѣхъ женскихъ монастыряхъ заводить школы для дѣвочекъ духовнаго званія и благотворительныя учрежденія, что, какъ сказано въ указѣ, оказывая большія услуги обществу и государству, тѣмъ самымъ возвышаетъ значеніе монастырей въ общественномъ мнѣніи [5]). Чтобы судить о степени участія монастырей въ дѣлѣ благотвори-

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, № 12060, 5 п. манифеста. До 1784 г. выдавалось на содер. школ. до 40000 р., а съ 1784 г. по 69347 (кн. шт. ч. II, отд III, стр 59).

[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, № 11716, инструкція п. 7.

[3]) Полож. Дух. при Ек. II и Павлѣ I, Знаменскаго, стр. 118.

[4]) Цирк. указ. Св. Синода, А. Завьялова 1870, № 11, 1882 № 12. Церк. Вѣст. 1888 г. стр. 719.

[5]) Цирк. Указ. Св. Синода, Завьял. 1868 г. № 14.

тельнаго служенія обществу, приведемъ сообщенія Преосвященныхъ по вышеуказанному распоряженію Св. Синода. Изъ представленныхъ по этому указу донесеній оказалось, что при 36 монастыряхъ и 5 общинахъ учреждено 38 школъ, 5 богадѣленъ, 2 больницы и предполагается открыть еще 3 училища.

Никакихъ заведеній не учреждено и не предполагается при 88 монастыряхъ и 15 общинахъ вслѣдствіе недостатка средствъ въ нихъ для такихъ учрежденій. При чемъ прибавлялось, что все же, помимо отсутствія въ нихъ спеціальныхъ благотворительныхъ учрежденій, „монахини занимаются обученіемъ грамотѣ и рукодѣлію малолѣтнихъ и уходомъ за престарѣлыми и больными“ [1]). Въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ за 1890 г. приводится даже списокъ пожертвованій, поступившихъ отъ монастырей на основаніи указа 1888 года [2]) въ пользу церковно-приходскихъ школъ. Кромѣ того, многіе обители и монастыри и помимо этого оказывали денежныя пособія въ пользу школъ. Такъ изъ епархіальныхъ суммъ Московской епархіи по благоусмотрѣнію Митрополита Филарета въ разное время выдавалось денежное пособіе на разныя нужды Московской Академіи и Вифанской Семинаріи. Съ 1866 года ежегодно жертвуется 1000 руб. Волоколамскимъ монастыремъ и 200 руб. Даниловымъ на содержаніе духовнаго волоколамскаго училища, на содержаніе же всѣхъ вообще низшихъ духовныхъ училищъ въ Московской епархіи жертвуется Давидовой пустынью и Покровскимъ монастыремъ по 6000 р, а прочими обителями по 1000 р. (Изъ отч. Оберъ-Прок. Св. Синода за 1866г. стр. 77). Кромѣ того, въ пользу школьнаго дѣла шли иногда со стороны монастырей единовременныя пособія. Такъ на содержаніе бѣднѣйшихъ учениковъ Воронежскаго духовнаго училища Воронежскимъ монастыремъ было пожертвовано 30000 р., Кіево-Флоровскимъ монастыремъ было дано 10000 руб. на содержаніе вообще духовныхъ училищъ, Седміезерской пустыней были пожертвованы 2000 руб. на учрежденіе стипендій въ Казанской духовной семинаріи и духовномъ училищѣ [3]). Все это

[1]) Цирк. Указ Св. Синода, А. Завьялова 1870 г. № 11.

[2]) Вѣд. 1890, стр. 255.

[3]) „Бесѣда“ 1872 года. VII книга, стр. 227—230. Статья „Наши монастыри, ихъ богатства и получаемыя ими пособія“.

говоритъ только за то, что и въ эпоху послѣ Екатерины II, монастыри, хотя со стороны правительства и не было принужденія, по собственной иниціативѣ являются на помощь образовательнымъ цѣлямъ.

Обращеніе монастырей на путь благотворительности представляетъ собою съ канонической точки зрѣнія явленіе вполнѣ согласное съ основными принципами истиннаго монашества. Вотъ почему почти во всѣхъ монастырскихъ уставахъ мы встрѣчаемъ пункты, говорящіе о благотворительности. Между прочимъ и въ нашемъ Типиконѣ гл. 46 подробно повѣствуетъ о больницѣ и странноприимствѣ и о старыхъ и больныхъ при монастыряхъ. И если обратимся къ исторіи, то увидимъ, что благотворительность среди монашествующихъ всегда занимала видное мѣсто, и ревность въ оказаніи помощи ближнему всегда признавалась необходимымъ условіемъ къ прохожденію подвижнической жизни. „Ливійскіе монахи не только сами ни отъ кого ничего не брали, но напротивъ отъ труда рукъ своихъ доставляли не малое количество хлѣба въ безплодныя и голодныя мѣста Ливіи, а также и въ города страдающимъ въ темницахъ, убѣжденные, что такимъ подаяніемъ приносятъ истинную и самую угодную жертву Господу“ (Cassian, instit. l. X, c. 22. Sozom. l. VI c. 28. Aug. de mor. eccl. c. XXXI). Начальные кеновиты, какъ извѣстно, оказывали большое усердіе къ дѣлу помощи болящимъ: „съ любовію принимали они больныхъ и увѣчныхъ, одни обмывали и перевязывали раны недужнымъ, другіе ухаживали за слѣпыми или разслабленными, иные неотходно служили подняться немогущимъ“ (Chrisost. in Malth. hom. LXXII). Во время жатвы египетскіе кеновиты нанимались въ жнецы и работали неустанно на полѣ, чѣмъ не только себѣ снискивали пропитаніе, но помогали и множеству неимущихъ (August. de vita monach. c. XVII) [1].

Глава вторая.

Постановленія объ образѣ жизни монаховъ и судѣ надъ ними въ XVIII и XIX столѣтіи.

Монашеская жизнь въ XVII столѣтіи больше всего страдала отъ близкихъ и слишкомъ свободныхъ сношеній съ мі-

[1]) „Бесѣда“ за 1872 г. т. IX. Ст. Беллюстина: „Нравственное значеніе монастырей“.

ромъ. Между монастыремъ и міромъ далеко не прекращалась та связь, отъ которой отреклись монахи при своемъ постриженіи и эта-то свободная, но въ то же время не лишенная мірскихъ удовольствій—жизнь и придавала монашеству ту обаятельность, которая, способствуя количественному росту монашества, въ то же время разрушала нравственные его устои. Извѣстно, что нѣкоторые монастыри въ XVII вѣкѣ (даже женскіе) и устроены были среди мірскаго строенія и отъ всякаго дома къ нимъ подѣланы были ходы, которыми міряне день и ночь ходили въ монастыри [1]). Одни міряне приходили въ монастырь въ качествѣ гостей на пиры и братчины, другіе же имѣли въ монастыряхъ постоянное пребываніе, пользуясь на то позволеніемъ своихъ родственниковъ—монашескихъ властей или соборныхъ старцевъ. Понятое дѣло, что міряне, приходя въ монастырь, вносили въ него съ собою и мірскіе нравы и обычаи, семейныя наклонности, любовь къ собственности и пріобрѣтеніямъ и свободному житію „по своей волѣ", а не по монашескому уставу. Это зло шло изъ міра въ монастырь. Но было въ монашествѣ зло, родившееся въ немъ самомъ и идущее изъ стѣнъ монастыря въ міръ, то были бродячіе монахи. По тѣмъ или другимъ поводамъ, а большею частью по своей неуживчивости и нежеланію кому-либо подчиняться, а также изъ любви къ свободной, независимой, безшабашной жизни, они постоянно сновали изъ монастыря въ монастырь; собираясь у церквей, на базарахъ, площадяхъ и во многолюдныхъ собраніяхъ за просьбой милостыни, они иногда для пропитанія себя прибѣгали къ средствамъ позорнымъ, вымаливая копѣйку у простодушнаго довѣрчиваго народа какими-нибудь хитростями. Находясь внѣ всякаго надзора, бродячіе монахи вели такую жизнь, которая унижала и безчестила монашеское званіе. По свидѣтельству собора 1681 г. „они ходили по кабакамъ и по корчмамъ и по мірскимъ домамъ, упиваясь до пьяна и волочась по улицамъ". Но несмотря на паденіе нравовъ монашеской жизни, монахи въ глазахъ простого народа пользовались глубокимъ уваженіемъ: міряне съ охотою и почетомъ принимали ихъ въ своихъ до-

[1]) Акт. Эксп. т. V, № 75, стр. 8.

махъ, угощали и награждали чѣмъ кто могъ. Это обстоятельство, въ связи съ свободной, безконтрольной жизнью монаховъ, привело многихъ мірскихъ лицъ къ тому, что они на монашескую рясу стали смотрѣть какъ на средство для своего пропитанія. Облекшись въ иноческое одѣяніе, они странствовали изъ одного мѣста въ другое, представляя изъ себя строгихъ подвижниковъ, или юродивыхъ Христа ради; являясь среди народа, они своими дикими выходками часто унижали монашество, такъ напримѣръ, по свидѣтельству одного законодательнаго акта, въ храмахъ они нерѣдко „ползали, производили крикъ и писк и тѣмъ великъ соблазнъ производили въ простыхъ человѣцѣхъ“ [1]). Съ цѣлью поднятія нравственной жизни монаховъ, а также предохраненія ея отъ тлетворнаго вліянія мірской жизни, Петръ I предпринимаетъ рядъ—мѣръ. Къ нимъ прежде всего принадлежитъ забота Петровскаго законодательства о введеніи во внутреннюю жизнь монашеской общины начала общежитія. Такое устройство общинъ, по взгляду Духовнаго Регламента, есть совершеннѣйшее, такъ какъ отвѣчаетъ найлучшимъ образомъ и цѣлямъ монашеской жизни и каноническимъ требованіямъ. На этомъ основаніи законодательство Петра I признавало монастыри только съ общежительнымъ устройствомъ и требованіе такого устройства предъявляло ко всѣмъ монастырямъ. Въ законодательствѣ Петровскаго времени мы можемъ находить только раздѣленіе монастырей на штатные и нештатные (о чемъ мы уже говорили раньше), по внутреннему же своему устройству они, по законодательству Петровскаго времени, не различались, ибо всѣ они должны были быть общежительными. Противъ этого ничего не можетъ говорить тотъ фактъ, Петровскому законодательству извѣстны были штаты, опредѣляющіе содержаніе каждаго члена монашеской общины извѣстнымъ количествомъ жалованья, ибо назначеніемъ жалованья имѣлось въ виду урегулировать только вообще содержаніе для каждаго монастыря необходимое, а не то, чтобы признать за каждымъ монахомъ право частной собственности, уничтожающее внутреннее устройство по началамъ общежитія; жалованья и пищи все же не выдывали каждому члену мона-

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. I № 412 и П. С. П. и распор. т. II № 596 и 30.

шеской общины на руки, а всѣмъ этимъ распоряжалось „общество“ и казначей давалъ все то, въ чемъ каждый нуждался [1]). Но не одна только цѣль внутренняго усовершенствованія монашеской общины руководила Петровскимъ законодательствомъ въ непремѣнномъ отъ монастырей требованіи общежительнаго устройства, конечно, здѣсь имѣлась въ виду и матеріальная выгода, которая хранится „общежительнымъ началомъ“, ибо „аще не тако будетъ, что кійждо потщится свойственникамъ и друголюбцамъ безстыдно монастырское раздаяти. И такогрѣха избѣгнемъ и излишнія утраты и вмѣсто 10 братій питатися могутъ 30 [2]). Такимъ образомъ общежительное устройство монастырей въ началѣ 18 столѣтія служило цѣлямъ самаго законодательства, имѣющаго въ виду утилизировать богатства монастырей. Требованіе общежительнаго устройства въ монастыряхъ имѣло свою силу и въ слѣдующія за Петромъ I царствованія [3]) вплоть до царствованія Екатерины II, когда учрежденными штатами было строго опредѣлено только матеріальное обезпеченіе монастырей, внутреннее же устройство ихъ не опредѣлялось законодательствомъ, а потому могло быть общежительнымъ и необщежительнымъ въ зависимости отъ желанія монастыря и братіи, и только въ исключительныхъ случаяхъ само законодательство опредѣляло то или другое устройство, почему и назначеніе содержанія въ этихъ случаяхъ дѣлалось не персонально, а вообще для монастыря [4]). Но хотя учрежденными штатами и не было строго опредѣлено то или другое внутреннее устройство монастыря, однако изъ того обстоятельства, что во всѣхъ почти штатныхъ монастыряхъ, на ряду съ жалованьемъ каждому члену монастырской общины, полагалась еще общая сумма на трапезныя принадлежности, можно видѣть желаніе законодательства придать по крайней мѣрѣ штатнымъ монастырямъ такое устройство, которое бы отвѣчало хотя въ нѣкоторомъ отношеніи началу

[1]) П. С. З. Р. И. т. VII, № 4450 опр. I. п. д.

[2]) П. С. П. Расп. т. II, № 596, стр. 251 п. 26.

[3]) Такъ: т. VII, № 2294 (Царств. Анны Іоанновны).

[4]) Книга шт. Ек. II, стр. 70. Штаты о содержаніи Переславля—Залѣскаго дѣвичья Успенскаго 1 кл. монастыря.

общежитія. Такое стремленіе законодательства подтверждается Синодскимъ указомъ отъ 6 февраля 1866 г., въ которомъ говорится: „такъ какъ нѣкоторые изъ монашествующихъ общей трапезы имѣть не хотятъ, а требуютъ положеннаго по конфирмованнымъ штатамъ жалованья, изъ коего они каждый для себя пищу по своимъ кельямъ заготовлять желаютъ", то постановили: „понеже по означеннымъ штатамъ во всѣхъ монастыряхъ монашествующимъ жалованье и положено, однакожъ каждому персонально оное выдавать того не только не опредѣлено, но притомъ еще на общее касающееся до трапезныхъ вещей содержаніе особливая сумма положена и служители вообщежъ опредѣлено, и потому вышепомянутому древнему о общей трапезѣ установленію (Древн. отеч. пред. и Дух. регл. п. 24) не токмо тѣми штатами никакого отрѣшенія не учинено, но еще оное чрезъ означенное на общую пищу братіи особливой суммы положеніе въ точной своей силѣ подтверждается, поэтому имѣть во всѣхъ монастыряхъ трапезы общія, располагая всѣ по разсмотрѣнію настоятельскому" [1]). Съ этого только времени законодательство начинаетъ различать монастыри съ общежительнымъ и необщежительнымъ устройствомъ; при чемъ въ перваго рода монастыряхъ братія все имъ потребное получаетъ отъ монастыря, по распоряженію настоятеля, а трудъ свой предоставляютъ въ общую пользу монастыря, въ монастыряхъ же необщежительныхъ братія имѣетъ только общій столъ, все же остальное каждый пріобрѣтаетъ для себя собственными усиліями при пособіи отъ казны, отъ доходовъ съ монастырскихъ угодій и доброхотныхъ даяній [2]). Съ этого времени въ законодательствѣ является болѣе строгій принципъ для отличія штатныхъ монастырей отъ нештатныхъ. Въ 1899 г. Св. Синодъ по возбужденному однимъ епархіальнымъ преосвященнымъ вопросу: могутъ ли заштатные монастыри оставаться необщежительными, разъяснилъ: „наименованіе обителей штатными, или нештатными не служитъ признакомъ общежительнаго или необщежительнаго характера обители. Штатными

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVII, № 12564.
[2]) 2-е П. С З. Р. И. т. XXXVII, Указъ 20 марта 1862 г.

именуются тѣ монастыри, на которые положено по штатамъ 1764 г., или позднѣе, по особому Высочайшему повелѣнію, опредѣленное содержаніе изъ казны; всѣ же прочіе монастыри, не положенные въ штаты, стали называться нештатными или заштатными. И тѣ и другія обители могли быть и общежительными и необщежительными, хотя общежительный характеръ болѣе способствуетъ нестяжательности, послушанію и отреченію отъ своей воли, и высшая духовная власть всегда признавала желательнымъ введеніе общежитія въ тѣхъ обителяхъ, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ сіе не представляетъ особыхъ затрудненій [1]). Какъ результатъ стремленій законодательной власти ко введенію во всѣхъ монастыряхъ общежительнаго устройства въ 1869 году явилось предложеніе Оберъ-Прокурора Св. Синода о введеніи во всѣхъ православныхъ монастыряхъ имперіи общежитія. Это предложеніе было разослано по всѣмъ епархіальнымъ Архіереямъ съ требованіемъ свѣдѣній о томъ, въ какихъ монастыряхъ и какимъ порядкомъ можно ввести въ дѣйствіе правила общежитія. По мысли Оберъ-Прокурора Св. Синода всѣ мужскіе монастыри, за исключеніемъ архіерейскихъ домовъ, предполагалось сдѣлать общежительными. Только настоятель и казначей большихъ монастырей могли быть свободны отъ этого общежитія, съ утратой однако правъ завѣщать свое имѣніе кому бы то ни было, то же самое исключеніе дѣлалось и для епископа—настоятеля, удаленнаго въ монастырь на покой. Мотивировка, которая приводится въ доказательство пользы введенія во всѣхъ монастыряхъ общежительства, очень сходна съ мотивировкой этого устройства монастырей въ Духовномъ регламентѣ. Прежде всего, конечно, общежитіе, устраняя частную собственность, способствуетъ болѣе всего достигнуть той нестяжательности, которая есть необходимое условіе истинно монашеской жизни, затѣмъ, какъ показываетъ исторія монастырей, матеріальное процвѣтаніе ихъ лучше всего обезпечивается общежительнымъ устройствомъ, почему, съ введеніемъ такого устройства, явится возможность на остатокъ матеріальныхъ средствъ отъ содержанія монашествующихъ завести при монастыряхъ школы, богадѣльни, госпитали и другія

[1]) Церк. Вѣд. 1899 г. № 11.

благотворительныя заведенія. Такое устройство является желательнымъ по предложенію Оберъ-Прокурора Св. Синода и для женскихъ монастырей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ для этого матеріальная возможность; ибо по большей части, въ силу того, что монашествующія такихъ монастырей питаются трудами отъ рукъ своихъ и милостыней, введеніе такого устройства грозитъ уничтоженіемъ монастырей [1]). Какъ бы отвѣчая стремленію предшествующаго законодательства ко введенію въ монастыряхъ общежительнаго устройства, духовное правительство и въ настоящее время много заботиться о томъ, чтобы монастыри были устрояемы не иначе, какъ на началахъ общежитія [2]).

Въ цѣляхъ разобщенія монашествующихъ лицъ съ міромъ и поднятія ихъ высокаго званія въ глазахъ народа, законодательство Петровскаго времени выработало очень строгія правила относительно внутренней жизни монашествующихъ лицъ. „Не вольно“, говорится въ Духовномъ Регламентѣ, „никаковому монаху звати къ себѣ гостей, ни нарочно на пированіе, ни же изъ церкве на перепутіе, развѣ за благословеніемъ настоятеля; и былъ бы при гостяхъ другій братъ честный, котораго настоятель опредѣлитъ. Да и въ гости развѣ за благословеніемъ настоятеля, и то не единому монаху, а развѣ съ другимъ честнымъ старцемъ побывати, но не больше четырежды въ годъ, а больше развѣ крайнихъ ради нуждъ и то не безъ благословенія настоятеля. А пресѣченія ради всякаго подозрительства, въ мірскіе домы, паче же въ дѣвичьи монастыри, монахамъ, безъ благословной вины, которой уже по самой безпорочной потребѣ преминуть невозможно, отнюдь не ходить, подъ жестокимъ наказаніемъ“ [3]). „Женъ же въ келіи настоятелю и братіи никогда же попускать, развѣ гостинной келіи и то не наединѣ, но при благоговѣйныхъ монахахъ, кіе на сіе опредѣлены будутъ“ [4]). Такія постановленія, хотя и

[1]) Цирк. Ук. Св. Синода Завьялова. 1869 г. № 23.

[2]) Обозр. Церк. Гр. Узаком. по Духовному Вѣдомству Я. Ивановскій стр. 14 и. 29.

[3]) П. С. П. и расп. т. II, № 596, п. 20—21.

[4]) Ibidem. пр. 34.

были новостью для монашествующихъ лицъ 18 столѣтія, но они имѣли твердыя каноническія основанія, съ ними мы встрѣчаемся еще въ соборныхъ опредѣленіяхъ, гдѣ говорится: „да не имѣетъ дерзновеніе монахъ съ монахинею бесѣдовати и ѣсть наединѣ, аще же и случится, что монахъ пожелаетъ видѣти вѣкую родственницу: то въ присутствіи игумении съ нею да бесѣдуетъ не многими и краткими словами и вскорѣ отъ нея да отходитъ [1]).

Относительно женскихъ монастырей требованія были еще строже. „На праздники и никогда, также и въ крестохожденія монахинямъ отнюдь не ходить ни къ монастыремъ мужскимъ ни къ приходскимъ церквамъ, и въ монастыри женскіе не входить же, развѣ игумении и съ нею единой или двоимъ сестрамъ, которыхъ она изберетъ; и монастырямъ женскимъ всегда заключенными быть, развѣ благословенныхъ временъ, яко же литургіи святой, или благословенныхъ лицъ, якоже духовника для нужды больныхъ. А понеже всѣ почитай, монастыри имѣютъ церкви на воротахъ, гдѣ надлежитъ крыльца сдѣлать на улицу къ церкви, а отъ церкви быть однѣмъ дверемъ и то въ игуменьины кельи. И ежели есть гдѣ какіе мощи и прочее, чего ради людіе обыкли вящше ходить, то перенесть на воротыжъ, дабы никто не могъ претензіи сыскать ходить въ монастырь; и пресѣченія ради подозрительности никому, какъ мірскимъ, такъ и монахамъ, по кельямъ ходить никогда не попущать, но весьма-то строго запретить“ [2]). Въ церкви же монахини должны были стоять отдѣльно отъ народа: крылошанки на хорахъ, а прочимъ монахинямъ въ трапезной [3]).

Но особенное вниманіе законодательствомъ Петровскаго времени было обращено на искорененіе „бродяжничества“ монаховъ. Съ этою цѣлью монахи каждаго монастыря были переписаны [4]), и въ каждомъ монастырѣ были заведены книги, въ которыхъ были сдѣланы точныя справки какъ относительно

---

[1]) Пр. 20. 7 Вселен. соборъ.
[2]) П С. П и Расп. т. II, № 596, п. 37.
[3]) Ibidem, пр. 41.
[4]) 1-е П. С. З. т IV, № 1834.

ихъ количества, такъ и ихъ личности [1]). Вмѣстѣ съ этимъ были выработаны правила, запрещающія монахамъ скитаться [2]) и снискивать себѣ пропитаніе милостынею, подаяніемъ [3]). „Монашествующимъ, говорится въ Духовномъ регламентѣ, изъ монастыря въ монастырь переходити развѣ благословныхъ винъ, и то съ отпускомъ настоятеля, на письмѣ являемомъ, всеконечно не попускати по завѣщанію св. отецъ; понеже послушаніе, терпѣніе же и смиреніе противъ обѣщанія весьма отъ сего искоренишася, и всякое неистовство и злообразіе пріятъ великую силу; понеже мнози отъ сего непосвященны священная дѣйствуютъ, отлученныи же своими архіереи и духовными отцы паки безъ разрѣшенія дѣйствуютъ же; мнози же не постриженни въ монашескій образъ облекшеся ходятъ; отъ сихъ вся злая на соблазнъ многимъ бываютъ, и всякому монастырскому благообразію и церковному благочинію и монашескому благоговѣнію весьма на поруганіе“ [4]). Указомъ 31 января 1724 г., даннымъ Св. Синоду, было постановлено: „исходъ изъ монастыря крѣпче положить: свободный выѣздъ наставнику, келарю, казначею для нуждъ монастырскихъ, а по селамъ для надзиранія опредѣлить старыхъ непремѣнныхъ, не болѣе 4-хъ человѣкъ въ большомъ монастырѣ, а въ прочихъ по препорціи, прочимъ же монахамъ весьма выѣздъ отсѣчь, ибо когда оставилъ міръ, уже возвращаться въ оный не надлежитъ“ [5]). Имѣя въ виду крайнюю степень свободы и безконтрольности монаховъ въ отношеніи къ мѣсту и образу ихъ жизни, а равнымъ образомъ и вредныя послѣдствія такой безконтрольности какъ для самихъ монашествующихъ, такъ и для общества, Петровское законодательство монашествующимъ властямъ вмѣняетъ въ непремѣнную обязанность подъ угрозою наказанія строго слѣдить за монашествующими лицами [6]). Оно требуетъ наблюдать въ отношеніи къ нимъ слѣдующія правила:

---

1) П. С. П. и Расп. II, № 596, п. 53.
2) 1-е П. С. З. т. V, № 2985, п. 3.
3) Ibidem. V, 3172.
4) П. С. П. и Расп. т. II, № 596, п. 30.
5) П. С. П. и Расп. т. IV, № 1197, стр. 59, 12 п.
6) 1-е П. С. З. т. VI, № 4015.

монахамъ во грады и веси, кромѣ общія потребы, не исходити изъ монастыря; исходить же на сіе опредѣленнымъ по общему избранію и за нуждею, не безъ подорожной, отъ настоятеля данной. А въ другую епархію и въ царствующій градъ посылаемымъ монахамъ, коей-либо нужды ради, не довольно имѣти отъ своего настоятеля подорожную, но должно имѣти отъ своего епископа подорожную. А гдѣ монахъ явится безъ подорожной, такового ловити и отсылати или къ епископу мѣста того, гдѣ явится [1]). „Ибо епископъ долженъ смотрѣти, чего смотрѣть съ клятвою обѣщался на своемъ поставленіи, сіе есть о монахахъ, дабы не волочились безпутно [2]). Или же, если то случится въ царствующемъ градѣ, отсылати таковыхъ въ Св. Правительствующій Синодъ". Но не только епископы, какъ высшіе органы контролирующей власти для монашествующихъ, были призваны къ участію въ искорененіи „бродячихъ монаховъ; въ этомъ принимало участіе даже и бѣлое духовенство, „ибо и священники должны были наблюдать, не входятъ ли въ домъ котораго прихожанина черницы и учители раскольническіе... и оныхъ буде увидитъ долженъ ловить и въ домъ архіерейскій отсылать подъ штрафомъ лишенія священства и мірскаго наказанія" [3]). Но помимо этого, правительство, какъ духовное, такъ и гражданское, назначало отъ себя особыхъ лицъ спеціально для наблюденія за бродячими монахами [4]).

Еще строже были правила относительно женскихъ монастырей. Монахинямъ вовсе запрещалось выходить изъ монастыря. „А ежели случится имъ нужда искать на кого управы у мірскаго суда, то монахинямъ въ тяжбу общую не входити, а посылати стряпчего или просити у Архіерея, чтобы онъ отъ себя за ихъ дѣломъ послалъ. Если же случится нужда въ царствующій градъ, то онѣ должны просить Архіерея своего, чтобы онъ писалъ о томъ въ Св. Синодъ, самимъ же имъ ходить не позволять". Вообще же имъ запрещено было „въ мірскихъ домахъ жити и по міру скитатися" [5]).

[1]) Ibidem, п. 31, 32.

[2]) Дух. регл. стр. 45, п. 8 изд. 1823 г.

[3]) Дух. реглам. стр. 186 п. 20 изд. 1823 г.

[4]) П. С. П. и Расп. т. II, № 596, п. 32.

[5]) П. С. П. и Расп. т. II, № 596, п. 38—40; П. С. П. и Расп. т I. № 258 и 1-е П. С. З. т. XI, № 8012.

Чтобы оградить нѣкоторымъ образомъ правила эти отъ произвольнаго нарушенія, законодательство за нарушеніе ихъ установило извѣстное наказаніе: „аще кій настоятель бѣглаго монаха пріиметъ самовольнѣ, безъ указу, такового сводити отъ начальства по смерть его въ монастырскую работу и кому таковому начальствующимъ не быти"; монаховъ же такихъ избѣгшихъ держать по смерти въ оковахъ, во трудѣхъ монастырскихъ" [1]). При Екатеринѣ I за самовольное бѣгство изъ монастыря монахъ лишался сана и отсылался на судъ гражданскій, который въ свою очередь налагалъ публичное наказаніе „безъ всякаго упущенія и послабленія" [2]). При Аннѣ же Іоанновнѣ убѣжавшихъ монаховъ, пойманныхъ въ мірскихъ одеждахъ, наказывали по гражданскому суду вѣчною ссылкою на сибирскіе горные заводы [3]).

Подтвержденіе постановленій Духовнаго регламента, клонящихся къ водворенію въ монашеской жизни строгаго благочинія, мы встрѣчаемъ и въ слѣдующія за Петромъ I царствованія [4]). Очевидно, что бродячіе монахи, не смотря на строгость правилъ Петровскаго законодательства въ отношеніи къ нимъ и бдительный надзоръ за ихъ поведеніемъ духовенства и гражданскаго начальства, все же не исчезли съ лица земли и духовному правительству приходилось въ своихъ постановленіяхъ долго считаться съ этимъ явленіемъ. При Аннѣ Іоанновнѣ въ цѣляхъ искорененія бродяжничества монашествующіе лица обязаны были, если уходили изъ монастыря, представлять свою подорожную въ духовную дикастерію тѣхъ мѣстъ, куда они отлучались, послѣдняя брала на себя надзоръ за временемъ ихъ отпуска и поведеніемъ; въ тѣхъ же цѣляхъ при Аннѣ Іоанновнѣ было постановлено, чтобы настоятели монастырей не увольняли и не переводили монаховъ изъ одного монастыря въ другой даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда монашествующее лицо окажется совершенно неспособнымъ къ прохожденію взя-

[1]) Ibidem, пр. 51—52.

[2]) П. С. П. и Расп. т. V, № 1678.

[3]) Ibidem, т. VII, № 2604.

[4]) 1-е П. С. З. Р. т. X, № 7953, т. XI, № 8012, XVI, 12279; П. С. П. и Расп. т. VII, № 2604, т. V, № 1778.

таго имъ на себя высокаго служенія и даже положительно вреднымъ для общины [1]). Въ такихъ случаяхъ настоятель могъ только, по сношенію съ епархіальнымъ преосвященнымъ, порочнаго члена изъ монашествующей общины лишить сана и передать его власти суда гражданскаго [2]), право же перевода монашествующихъ лицъ изъ одного монастыря въ другой всецѣло принадлежало епархіальному архіерею, который могъ иногда „для нѣкоей важной нужды“ переселять монаховъ „и требовать изъ другихъ епархій ихъ для священнослуженія, гдѣ недостатокъ въ священнослужителяхъ, или для экономическаго управленія, гдѣ скудость управителей, или для другихъ какихъ важныхъ нуждъ [3]).

Если настоятель монастыря являлся нарушителемъ правилъ, касающихся „бродячихъ монаховъ“, то старѣйшая въ монастырѣ братія должна была письменно объ этомъ доносить епархіальному архіерею, если же послѣдній вознерадитъ о томъ, то доносить на архіереря и настоятеля Св. Правительствующему Синоду [4]). Въ виду этого монахамъ, имѣющимъ надобность по ихъ частнымъ дѣламъ приносить жалобы Синоду, разрѣшалось уходить на время изъ монастыря и являться въ Петербургъ, но съ паспортомъ, который они должны были представить по своемъ пріѣздѣ въ Св. Синодъ [5]). Паспортъ этотъ долженъ выдаваться или архіереемъ или же, если его нѣтъ, тѣми, кому поручены епаршескія дѣла, причемъ въ паспортѣ должно быть точно обозначено мѣсто, время и цѣль отпуска [6]). Лица же, поступающія противъ обозначеній, дѣлаемыхъ въ паспортахъ, хотя и имѣютъ видъ, считаются бѣглыми и задерживаются [7]).

Указъ, въ которомъ излагаются мѣры къ искорененію въ средѣ монашествующихъ бродяжничества и стропотного безпутія, появившійся въ царствованіе Анны Іоанновны, интере-

[1]) П. С. П. и Расп. т. VI, № 2468.
[2]) Ibidem, № 2604. п. 8.
[3]) Ibidem, п. 9 и 10.
[4]) П. С. П. и Расп. т. VII, № 2604.
[5]) 1-е П. С. З. т. IX, № 6574.
[6]) П. С. П. и Расп. т. VII, № 2604 п. 11.
[7]) Ibidem.

сенъ еще въ томъ отношеніи, что въ немъ приводятся въ видѣ цитаціи соборныхъ постановленій и каноническія основанія въ подтвержденіе выставляемыхъ требованій. Въ своихъ цѣляхъ, для освѣщенія даннаго вопроса съ канонической точки зрѣнія, мы сдѣлаемъ, изъ поцитованныхъ въ этомъ указѣ соборныхъ постановленій и нѣкоторыхъ другихъ, выдержки: „Монашествующіе въ каждомъ градѣ и странѣ должны безотлучно пребывать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отреклись отъ міра, оставляя свои монастыри развѣ токмо когда будетъ позволено сіе епископомъ града по необходимой надобности". (Халк. пр. 4). „Не долженствуетъ монахъ или монахиня оставлять свой монастырь и отходити во иный" (7 Вселен. соб. пр. 21). „Мнихъ безъ повелѣнія игумена изъ монастыря да не изыдетъ" [1]), „такожде и монахиня, но со благословеніемъ игуменіи, и не едина, но со другою старицею; монаха постриженна въ монастырѣ не достоитъ пріимати въ другой монастырь по 80 правилу, иже въ Халкидонѣ св. собора, аще же игуменъ пріиметъ его, лишается игуменства [2]). „Аще который монахъ, отбѣжавъ изъ своея обители, прескочитъ въ другой монастырь или вселится въ мірское жилище, таковый, равно и пріявшій его, да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго, доколѣ бѣжавшій не возвратится въ обитель, изъ которой преступно удалился. Впрочемъ, „аще епископъ нѣкіихъ изъ монаховъ, свидѣтельствуемыхъ въ благочестіи и честности житія, восхощетъ перевести въ другой монастырь, ради благоустройства обители, или же заблагоразсудитъ послати и въ мірскій домъ, ради спасенія живущихъ въ немъ, или благоизволитъ поставить въ другомъ какомъ мѣстѣ: чрезъ сіе не дѣлаются виновными, ни сіи монашествующіе, ни пріемлющіе ихъ" (Двукр. соб. пр. 4). „Аще который настоятель монастыря, подчиненныхъ себѣ монаховъ, отбѣгающихъ, не взыщетъ съ великимъ тщаніемъ или нашедши не воспріиметъ и не потрудится возстановити и укрѣпити падшаго, такого Св. Соборъ опредѣлилъ подвергнуть отлученію отъ таинствъ; призываемый же возвратится монахъ, аще не повинится, да будетъ отлученъ.

[1]) Кормч. ч. I л. 135 пр. 46; 6 Вселен. соб., гл. 17

[2]) Номокан. при Б. Тр. А. Павлова, пр. 107—108 стр. 324.

епископомъ (Двукр. собор. пр. 3). Сравнивая эти соборныя постановленія, касающіяся внутренней жизни монашествующихъ лицъ, съ законодательствомъ Петровскаго времени, мы приходимъ къ убѣжденію, что законодательство сохранило ихъ во всей ихъ силѣ и неприкосновенности, опредѣляя иногда образъ жизни и поведеніе монаха даже точными словами соборныхъ постановленій. И въ дальнѣйшей своей исторіи эти правила остались почти безъ измѣненія, находя для себя частое подтвержденіе въ издававшихся указахъ, точно воспроизводящихъ требованія Духовнаго регламента. Указомъ 12 января 1764 года повелѣвалось: „во всѣхъ епархіяхъ Преосвященнымъ Архіереямъ, а въ Ставропигіальныхъ монастыряхъ настоятелямъ имѣть крѣпкое смотрѣніе и наблюдательство, дабы никто изъ монашествующихъ какъ въ Москву, такъ и С.-Петербургъ отпускаемы не были, да въ прочихъ городахъ по улицамъ не бродили, но пребывали бы каждый въ своемъ монастырѣ, а ежели изъ нихъ кому случится нужда въ другую епархію, то объ этомъ просить епаріальнаго Архіерея, а ежели въ городъ своей епархіи, то настоятели, которые и должны по ихъ представленіямъ и просьбамъ чинить разсмотрѣніе, нарушающихъ же сіи правила наказывать, какъ Духовный регламентъ предписываетъ [1]). Итакъ при Екатеринѣ II былъ совершенно запрещенъ монашествующимъ лицамъ въѣздъ въ столицу, только властямъ монашествующимъ сдѣлано было исключеніе, хотя и для нихъ былъ учрежденъ строгій надзоръ, ограничивающій ихъ свободу. Съ своимъ пріѣздомъ въ столицу монашествующія лица должны были являться въ Св. Синодъ или Синодальную контору, представлять паспортъ и давать собственноручныя подписки въ томъ, что они во Дворецъ или придворныя церкви безъ дозволенія Св. Синода своевольно ходить не будитъ и утруждать Ея Императорское Величество и Его Императорское Высочество своими просьбами не станутъ [2]).

Въ царствованіе императора Николая I правила относительно монашествующихъ лицъ, отправляющихся въ столицы

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, № 12279.
[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XIX, № 13499.

и въ другіе города Имперіи по разнымъ надобностямъ, были точно опредѣлены и систематизированы; новаго въ нихъ по существу, сравнительно съ раньше изданными относительно этого правилами, ничего нѣтъ [1]). Правила эти въ 1850 году въ силу замѣченнаго небрежнаго исполненія, Высочайше подтверждены, а отвѣтственность за неисполненіе ихъ возложена на епархіальныхъ архіереевъ [2]).

Но если духовное и свѣтское правительство 18 вѣка было занято по преимуществу вопросомъ объ искорененіи „бродячихъ монаховъ“ и принуждено было долго бороться съ этимъ явленіемъ, то правительство 19 столѣтія, позволивъ монашествующимъ лицамъ брать законные отпуски съ цѣлями паломничества, сбора пожертвованій или др., сродными этимъ цѣлямъ, само озабочено было выработкою правилъ, могущихъ предохранить дарованныя монашествующимъ лицамъ права на выходъ изъ монастыря отъ злоупотребленій съ ихъ стороны.

Въ этихъ видахъ для сборщиковъ пожертвованій были установлены особыя книги, съ которыми они должны были производить сборъ, и въ которыхъ подробно сообщалось какъ о личности сборщика, такъ и о срокѣ его отпуска для сбора подаяній. Въ каждой консисторіи полагалось быть особой книгѣ, въ которой, явившійся для сбора подаяній монашествующій, долженъ былъ записаться. Благочинный же монастырей обязывался имѣть надзоръ за поведеніемъ таковаго и срокомъ его отпуска [3]). Въ Петербургѣ были особыя лица, поставленныя митрополитомъ, которыя обязаны были наблюдать за поведеніемъ лицъ, являющихся въ городъ для сбора подаяній [4]). Указомъ 1830 г. 28 февраля, по Высочайшему повелѣнію, монашествующимъ, отпускаемымъ съ книгами для сбора подаяній въ пользу церквей и монастырей, запрещено было утруждать Его Императорское Величество личными просьбами, а въ 1876 г. лицамъ, носящимъ иноческое одѣяніе, не позволялось производить сборы въ трактирныхъ, питейныхъ и другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ [5]).

---

[1]) 2-е П. С. З. Р. И. т. IX, № 7174.

[2]) Руководствен. для Прав. Дух. указ. Св. Синода 1721—1878. Изд. 1879 г. В. Мавриц кій.

[3]) Св. Зак. т. XIV, ч III; отд. III, изд. 1842 г.. [4]) Ibidem.

[5]) Рук. Указ. Св. Прав. Синода Мавриц каго № 74, 75, стр. 69—70.

Позволеніе монашествующимъ лицамъ отлучаться изъ монастыря для сбора подаяній и пожертвованій, допущенное духовнымъ и свѣтскимъ правительствомъ, еще въ началѣ 19-го столѣтія, говоритъ лишь только за то, что духовное и свѣтское правительство начала 19 столѣтія, въ своихъ отношеніяхъ къ монашествующимъ лицамъ, измѣнило суровую политику 18 столѣтія, считавшаго такой способъ содержанія монастырей чѣмъ-то преступнымъ, поскольку онъ истощалъ матеріальныя богатства самого общества. „Сборщики пожертвованій", явившіеся на помощь и поддержку гибнущему въ борьбѣ съ скудными матеріальными средствами монашеству, были такимъ образомъ первыми предвозвѣстниками новой, болѣе лучшей жизни для монашествующихъ лицъ. Но допущеніе со стороны правительства подобной мѣры къ поднятію матеріальной обезпеченности монастырей по существу было явленіемъ, не имѣющимъ за собою твердой канонической почвы.

Правила, касающіяся условій выхода монашествующихъ изъ монастыря, въ общемъ примѣнялись, конечно, и къ послушникамъ. Но такъ какъ являясь въ мірѣ, сіи послѣдніе, какъ не связанные еще никакими обѣтами, чувствовали себя гораздо свободнѣе лицъ монашествующихъ, а потому позволяли себѣ зачастую совершеніе такихъ дѣяній, которыя наводили на монашествующее сословіе нареканія, то, въ предупрежденіе подобныхъ случаевъ, относительно послушниковъ были сдѣланы слѣдующія постановленія Указомъ 19 окт. 1871 г. Св. Синодъ постановилъ, чтобы монастырскія начальства отнюдь не дозволяли послушникамъ отлучекъ изъ монастырей, развѣ только по нуждамъ монастырскимъ и въ случаѣ особенно уважительныхъ причинъ, но за личною отвѣтственностью настоятеля монастыря. Отпускать же послушниковъ и послушницъ для сбора пожертвованій на нужды монастырей ни въ какомъ случаѣ не разрѣшалось. Для перехода въ другой монастырь, послушники обязывались представлять туда увольнительное свидѣтельство, съ изъясненіемъ причинъ, по которымъ оставили первый монастырь [1]). „Принимая во вниманіе, что монастырскіе послушники, отпускаемые изъ монастырей въ про-

[1]) Руковод. Ук. Пр. Синод. В. Мавриціій, стр. 67, № 71. Цир. Ук. Св. Син. А. Завьялова 1871 г. № 59.

должительные отпуски съ увольнительными свидѣтельствами отъ ихъ монастырскаго начальства, находясь внѣ надзора духовнаго начальства, не представляютъ никакого ручательства въ соблюденіи ими монашескихъ правилъ и что въ подобныхъ обстоятельствахъ гражданское и духовное начальства встрѣчаютъ крайнія затрудненія при собраніи свѣдѣній о происхожденіи такихъ уволенныхъ въ отпускъ послушниковъ и о томъ, къ какому сословію они принадлежали до вступленія въ монастырь, Св. Синодъ указомъ отъ 30 апрѣля 1873 г. потребовалъ, чтобы монастырскія начальства, при увольненіи въ отпускъ лицъ, находящихся на послушаніи въ монастыряхъ, на срокъ болѣе 4-хъ мѣсяцевъ или за границу, возвращали симъ людямъ документы, выданные имъ отъ гражданскаго начальства, по которымъ они были приняты въ монастырь, выдавая имъ, если пожелаютъ, отдѣльныя свидѣтельства и о томъ, сколько времени они прожили въ монастырѣ на послушаніи, и какъ вели они себя по день подачи ими прошенія объ увольненіи изъ монастыря“ [1]). Вообще же монашествующія власти, при увольненіи кого-либо изъ членовъ монашеской общины въ отпускъ, должны были строго наблюдать, чтобы такія лица не были порочнаго и сомнительнаго поведенія и увольнялись только по самымъ настоятельнымъ нуждамъ и на самые умѣренные сроки“ [2]), „причемъ, смотря по значительности отлучки, и по степени довѣрія къ отлучающимся (если увольняющій найдетъ нужнымъ), причина и срокъ отлучки вносятся въ заведенную для того, по Указу Св. Синода 12-го марта 1865 г., книгу. Уволенный, непосредственно по возвращеніи долженъ явиться къ увольнившему его для удостовѣренія, наблюденъ ли данный срокъ, что и отмѣчается въ указанной книгѣ; но если увольняемый или по лѣтамъ, или по инымъ причинамъ, требуетъ нѣкотораго для себя наблюденія, то онъ отпускается въ сопровожденіи благонадежнаго изъ старцевъ“ [3]).

Указомъ отъ 8-го января 1891 года, въ виду злоупотреб-

[1]) Руков. Ук. Св. Пр. Синода В. Мавринскій, № 72, стр. 68, изд. 1879 г.

[2]) Св. Зак. т XIV, изд. 1842 г., ч. III, отд. III.

[3]) Правила благоустройства монаш. братст. въ Московск. Ставропиг. обителяхъ, утвержд. по опред. Св. Синод. 13—18 февраля 1853 г. и Сборник. дѣйств. и руковод. постанов. Т. Барсова. Прилож. къ ст. 1082 стр. CXIII.

леній со стороны монашескихъ лицъ дозволенными отпусками, Св. Синодъ постановилъ: „имѣя въ виду, что 1) правила св. соборовъ IV, 4; VII 21 и Двухкратн. пр. 4, запрещаютъ переходъ изъ одного монастыря въ другой, 2) что тѣми же правилами „бродяжничество“ или стремленіе монаховъ къ самовольному и безцѣльному переходу изъ монастыря въ монастырь признается явленіемъ, исполняющимъ обители многимъ неблагообразіемъ, 3) что это запрещается какъ Духовнымъ регламентомъ, такъ и постановленіемъ Св. Синода отъ 21 мая 1722 г. подъ страхомъ отлученія отъ общенія церковнаго и штрафа, 4) что по 28 ст. уст. Духовной Консисторіи епархіальное начальство можетъ позволять отлучаться только по важнымъ, исключительнымъ случаямъ,—имѣя въ виду это все, Св. Синодъ постановилъ подтвердить прежнія узаконенія и требовать строгихъ наблюденій за тѣмъ, чтобы при отпускѣ монашествующихъ лицъ изъ монастыря точно обозначалось время, на какое отлучаются, причина и цѣль отпуска, такъ какъ даваніе свидѣтельствъ безъ обозначенія этого ведетъ къ безпорядкамъ и униженію монашескаго чина. Въ случаѣ же нарушенія монахами или послушниками какихъ-либо правилъ или принятыхъ обѣтовъ, не увольнять ихъ и не пореводить изъ монастыря или епархіи, а подвергать на мѣстѣ взысканіямъ, упомянутымъ въ 175 ст. Уст. Духовной Консисторіи [1]). Въ предупрежденіе же непріятныхъ послѣдствій, кои могутъ происходить для монастырскаго начальства отъ несвоевременнаго заявленія полиціи и Консисторіи о лицахъ, поступающихъ въ монастырь на жительство, Синодскимъ указомъ 19 октября 1871 г. подтверждено монашествующимъ начальствомъ о строгомъ соблюденіи законовъ относительно сего заявленія [2]).

Всѣ вышеизложенныя мѣропріятія законодательствъ 18 и 19 ст. имѣли своею цѣлью придать такое устройство монашеской общинѣ, которое бы гарантировало ее отъ омірщенія, позволяло бы ей безпрепятственно идти къ достиженію высокихъ монашескихъ цѣлей.

[1]) „Церк. Вѣд. Св. Синода“. А. Завьялова, 1891 г., № 1.

[2]) „Руковод. указ. Св. Синода“. В. Маврицкій № 64, стр. 62, изд. 1879 г.

Что же касается образа жизни монашествующихъ лицъ внутри монастыря, ихъ занятій и вообще того внутренняго содержанія и той дѣятельности, которыми должны были жить монахи въ продолженіе всего дня, то относительно этого законодательство дѣлаетъ точныя указанія. По основному принципу жизни и дѣятельности Петра I, всѣ граждане служатъ на общую пользу; на этомъ основаніи онъ старался для монашествующихъ лицъ изыскать такой родъ занятій и работъ, которыя, будучи сообразны съ ихъ положеніемъ и ихъ стремленіями, въ то же время приносили бы государству и обществу практическую пользу; того высокаго религіозно-нравственнаго служенія монаховъ, на которое они добровольно себя посвящаютъ, Петръ I, конечно, съ своей практической точки зрѣнія не могъ понять: „а что говорятъ молятся монахи, то и всѣ молятся... что же прибыли обществу отъ сего“? [1]) Въ силу такихъ практическихъ воззрѣній, законодательство Петра I стремилось образовать изъ монашествующихъ общинъ скорѣе „общины рабочихъ ассоціацій“, содѣйствующихъ матеріальному росту и развитію государства, чѣмъ классъ людей, призванныхъ къ религіозно-нравственному служенію обществу. Ссылаясь на древнихъ монаховъ, питавшихся трудами рукъ своихъ, и на повелѣніе Божіе: „отъ пота лица нашего, сіе есть отъ промысловъ праведныхъ и различныхъ трудовъ ѣсти хлѣбъ“, Петръ I требуетъ, чтобы настоятели „монахамъ праздными быти не попускали, избирая всегда дѣло нѣкое. А добрѣ бы въ монастыряхъ завести художества, напр.: дѣло столярное и иконное и протчее, что не противно монашеству; а монахинямъ пряжу, шитье и плетеніе кружевъ и протчего“ [2]).

Для обученія всѣмъ этимъ рукодѣльямъ въ 1722 году въ Синодальную канцелярію присланы были мастерицы и пряли съ прядильнаго двора въ селѣ Покровскомъ, для разсылки ихъ по монастырямъ, а въ проэктѣ 1724 г. предполагалось выписать для этой цѣли мастерицъ изъ Брабандіи [3]). Простыя мо-

[1]) П. С. З. Р. И. т. VII, № 4450.

[2]) П С. П. и Р. т. II, № 596, стр. 250, п. 8.

[3]) П. С. П. и Расп. т. II, № 616, 747, 779, 825 т. IV, № 1197, 1273.

нахини должны были заниматься пряжею „на мануфактурные дворы", а монахини и дѣвицы послушницы „отъ благородныхъ и честныхъ родителей" шитьемъ, низаньемъ и плетеніемъ кружевъ [1]). Въ видѣ поощренія труда, монахинямъ было позволено чрезъ свѣтскихъ лицъ продавать свои издѣлія и деньги употреблять на свои нужды, если же работа была сдѣлана ими изъ матеріала, приготовленнаго на средства монастырскія, то вырученныя деньги шли въ общую казну [2]) Постановка дѣла была такова, что мастерицы и пряли жили на счетъ монастырскій; въ своей жизни подчинялись игуменьѣ, которая слѣдила за ихъ поведеніемъ и обращеніемъ съ монахинями. Въ случаѣ же, которая изъ мастерицъ явилась въ чемъ неумѣренна или дерзостна, а найпаче безчинна и соблазну монахинь виновна", то игуменьи съ совѣта сестеръ имѣли право подвергать таковую наказаніямъ, а если она и послѣ этого не исправлялась, то отсылать ее въ Московскую Духовную Дикастерію [3]). Строгое и точное распредѣленіе для каждой монахини извѣстныхъ работъ, наблюденіе за срочнымъ ихъ исполненіемъ и вообще забота о томъ, чтобы каждая монахиня была способна посредствомъ рукодѣлій добыть себѣ заработокъ, дѣлали изъ монастырей какіе-то профессіональные классы. Такое, именно, впечатлѣніе получается отъ чтенія указа 31 августа 1772 года, въ которомъ какъ будто дается инструкція для какого-нибудь профессіональнаго училища, поставившаго главною цѣлью своего существованія усовершенствованіе въ рукодѣльныхъ занятіяхъ. Помимо занятій, требующихъ спеціальной къ нимъ подготовки, и лицъ способныхъ къ тому, въ монастырѣ было много работы по хозяйственной части, которая и распредѣлялась между лицами, не знающими никакихъ ремеслъ и искусствъ и вообще не способными ни къ какимъ художествамъ; для таковыхъ предназначалось даже отвести землю, „дабы сами себѣ хлѣбъ промышляли" [4]).

[1]) П. С. П. и Расп. т. II, № 779.

[2]) Ibidem, № 875.

[3]) Ibidem, п. 8 и 9.

[4]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, № 4450 опр. I, § 3.

Въ указѣ же отъ 31 января 1724 г. приводятся даже и святоотеческія пра-

Признавая огромное значеніе за образованіемъ, Петръ I особенно старался привлечь къ этому дѣлу монашествующее сословіе. Такое желаніе съ его стороны имѣло свои основанія. Считая монашествующее сословіе противникомъ своихъ нововведеній, и объясняя это его некультурностью, неспособностью возвыситься до пониманія разумности и цѣлесообразности вводимыхъ имъ реформъ, Петръ I думалъ, что съ введеніемъ въ эту сферу образованія, онъ изъ врага пріобрѣтетъ себѣ дѣятельнаго помощника, способнаго свое уваженіе къ реформамъ провести и въ сознаніе народной массы, благоговѣющей предъ монашескимъ сословіемъ и довѣряющей ему, какъ своему авторитету и руководителю. Кромѣ того, для занятія высшихъ іерархическихъ должностей, которыя практика предшествующаго времени замѣщала монашествующими, требовались лица образованныя. Въ умѣ Петра I, особенно въ концѣ его царствованія, окончательно созрѣла мысль возвратить монастырямъ то просвѣтительное значеніе, которое они имѣли въ древней Руси. Онъ предлагалъ составить изъ монастырей что то вродѣ ученыхъ братствъ, которыя бы служили разсадниками просвѣщенія и приготовляли кандидатовъ для замѣщенія важныхъ церковныхъ должностей, какъ нипр., епископовъ. Въ этихъ цѣляхъ еще въ Духовномъ регламентѣ было предписано: „по всѣмъ монастырямъ монаховъ учить подобаетъ не точію да читаютъ писанія, но да и разумѣютъ, а на сіе учинить собственно келлію, и монаховъ на сіе представить избранныхъ, иже знаютъ Божественнаго писанія разумъ“ [1]). А указомъ отъ 1-го сентября 1723 г. было повелѣно: „во всѣхъ Россійскія имперіи монастыряхъ молодыхъ монаховъ (отъ 20 до 30 л.), переписавъ, собрать въ Спасской училищной монастырь и учить въ тамошнихъ школахъ кого какимъ наукамъ по остротѣ ихъ возможно“ [2]). Исключенія изъ этого постановленія были

вила и свидѣтельство историковъ въ доказательство того, что трудъ есть прямая обязанность монаховъ, вполнѣ отвѣчающая ихъ подвижнической настроенности, „монахъ же праздный“, по слову одного древняго подвижника, есть „тать лестный“. П. С. П. и Расп. т. IV, № 1197, стр. 57.

[1]) П. С. П. и Расп. т. II, № 596, стр. 252, п. 35.

[2]) Ibidem, т III, № 1099, № 1136; 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, № 5091.

сдѣланы для „монаховъ, которые обрѣтаются въ казначеяхъ или въ ризничихъ, даже іеродіаконы ближайшихъ къ Московскимъ и Петербургскимъ монастырямъ не были освобождены отъ исполненія этого предписанія [1]). Въ 1724 г. спеціально для образованія монашествующихъ открыты были двѣ семинаріи: одна въ Петербургѣ (Алекс. Нев. монас.), а другая въ Москвѣ. Учащіеся въ нихъ, по достиженіи 30 лѣтъ, могли по желанію постригаться и поступать въ Невскій монастырь, гдѣ они должны были пройти трехлѣтній искусъ, который однако не долженъ отвлекать ихъ и отъ ученыхъ занятій. Ученые монахи должны были переводить съ иностранныхъ языковъ и „сочинять трактаты о вещахъ, вѣдѣнія достойныхъ", ежедневно извѣстное количество часовъ заниматься въ общей монастырской библіотекѣ, изучать исторію, свѣтское и церковное законодательство и другія науки; въ непремѣнную обязанность имъ вмѣнялось сочиненіе и произнесеніе опредѣленнаго количества въ годъ проповѣдей, причемъ сначала они говорили проповѣди въ трапезѣ, затѣмъ въ церкви Невскаго монастыря, и только послѣ такой практики они имѣли право говорить и въ городскихъ церквахъ [2]). Изъ указовъ послѣдующаго времени видно, что стремленія Петра I къ образованію монашескаго сословія на практикѣ не имѣли большого значенія, почему въ царствованіе Екатерины I, на донесеніе ректора Московскихъ славяно-латинскихъ школъ архимандрита Гедеона Вишневскаго о крайней скудости учащихся въ этихъ школахъ и о неисполненіи указа 1-го сентября 1723 г., Синодскимъ указомъ 14 марта 1727 г. послѣдній былъ подтвержденъ [3]). Такое отношеніе со стороны монашествующихъ къ указу 1723 г. можно объяснить отчасти нерасположеніемъ монаховъ къ Петровской реформѣ, видѣвшихъ въ образовательныхъ стремленіяхъ Петра нѣчто худое, а отчасти и плохимъ состояніемъ самыхъ школъ, въ которыхъ уча-

---

[1]) Ibidem, т. III, № 1136.

[2]) П. С. П. и Расп. т. IV, № 1197, стр. 59—60.

[3]) Ibidem, т. V, № 1929; 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, № 5091.

щіеся подавлялись жалкою обстановкою и нищенскимъ содержаніемъ. Въ какомъ положеніи оставался вопросъ этотъ въ послѣдующее время законодательство не даетъ матеріала для рѣшенія его. Можно думать, что правительство послѣдующихъ за Петромъ I царствованій вплоть до царствованія Павла или лучше Александра I мало обращало вниманія на эту сторону жизни монашествующихъ, т. е. мало занималось вопросомъ о развитіи и образованіи монашествующихъ. Такъ инструкція, данная Екатериною II составленной ею комиссіи, признавая духовное просвѣщеніе краеугольнымъ камнемъ народной жизни, въ то же время отмѣчаетъ: „что требованія Духовнаго регламента о семинаріяхъ исполняются не исправно, учениковъ мало, содержатся они бѣдно, учители неискусные". Въ силу этого на коммиссію была возложена обязанность подумать о лучшемъ исполненіи требованій Духовнаго регламента [1]). Только въ 19 столѣтіи, на ряду съ общимъ стремленіемъ правительства къ подъему на Руси просвѣщенія путемъ заведенія и устройства школъ, образованіе монашествующаго сословія идетъ впередъ, причемъ школами для ихъ образовательныхъ цѣлей служатъ тѣ-же, въ которыхъ воспитывало своихъ дѣтей и бѣлое духовенство; другимъ источникомъ религіознаго просвѣщенія для монашествующихъ лицъ являются библіотеки, которыя, по свидѣтельству церковныхъ историковъ, начинаютъ устраиваться въ это время въ монастыряхъ [2]), и высшимъ духовнымъ правительствомъ устроеніе ихъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность монастырскимъ начальствамъ. Въ правилахъ благоустройства монашескихъ братствъ въ Московскихъ Ставропиг. обителяхъ, утвержденныхъ по опредѣленію Св. Синода 13—18 февр. 1853 г., въ отдѣлѣ: „о келейномъ пребываніи", чтеніе душеспасительныхъ книгъ причисляется къ занятіямъ всего болѣе соотвѣтствующимъ школамъ; при этомъ для чтенія предлагаются, во-первыхъ, Св. Писаніе, во вто-

---

[1]) П. С. З. Р. И. т. XIV, № 11716, п. 7 инструкціи данной коммиссіи.

[2]) Чт. изъ Истор. Русск. Церкви за время царствованія Импер. Александра I. П. Знаменскаго. Изд. 1885 г. стр. 105.

рыхъ, писаніе Св. отцовъ и житія святыхъ; въ особенности же подвижническія писанія Василія Великаго, Іоанна Лѣствичника, Ефрема Сирина, Макарія Египетскаго, Нила Сорскаго, Исаака Сирина и Варсонофія Великаго, а также писанія соборныя въ книгѣ „добротолюбіе“. Весьма поощряется въ этихъ правилахъ чтеніе сочиненій историческихъ, „въ особенности исторіи своей обители и подвижниковъ православныхъ, чтеніе же книгъ „мірского и плотскаго мудрованія безусловно запрещается“ [1]). Въ 1884 г. всѣ мужскіе монастыри были обязаны выписывать въ свои библіотеки для чтенія „Труды Кіевс. Духовной Академіи“ и „Библіотеку твореній Западныхъ св. Отцевъ [2]), въ богатые же монастыри требовалось выписывать и „Творенія св. Отцовъ“, издаваемыя при Московской Духовной Академіи [3]).

Если мы сравнимъ устройство внутренней жизни монашествующей общины, какъ оно предлагалось Духовнымъ регламентомъ, съ нынѣ дѣйствующимъ законодательствомъ относительно этого устройства, какъ оно выступаетъ въ „инструкціи благочинныхъ монастырей“ и правилахъ монастырей Ставропигіальныхъ, утвержденныхъ Синодомъ, для всѣхъ монастырей въ 1853 г., то должны будемъ сказать, что современное законодательство очень много правилъ унаслѣдовало отъ Петра I, со времени котораго внутренняя жизнь монашествующихъ была какъ бы навсегда строго опредѣлена и вдвинута въ подобающія рамки, такъ что законодательству послѣдующаго времени приходилось въ существѣ регламентировать тотъ же кодексъ правилъ, который былъ изданъ еще при Петрѣ I и только въ деталяхъ иногда дѣлать нѣкоторыя добавленія, но опять въ духѣ тѣхъ же правилъ.

Предписывая правила внѣшней дѣятельности для членовъ монашеской общины, законодательство въ то же время устанавливаетъ извѣстные органы наблюденія за исполненіемъ этихъ

---

[1]) Сборник. дѣйств. и руковод. постановленій по вѣд. Пр. Испов. Т. Барсова т. I, 1885 г. стр. CXVIII, прил. къ ст. 1082.

[2]) Церк. Вѣст. 1884 г. № 12

[3]) Ibidem, № 36.

правилъ и ввѣряетъ послѣднимъ власть принимать извѣстныя карательныя мѣры противъ нарушителей установленнаго законодательствомъ порядка и строя.

Нарушеніе правилъ, касающихся внутренней жизни общины, правилъ порядка и дисциплины подлежало суду непосредственнаго начальника общины, настоятеля (въ монастырахъ же Ставропигіальныхъ настоятелю съ соборомъ). Въ предѣлахъ своей власти онъ могъ налагать тѣ или другія наказанія для исправленія виновнаго. Это былъ судъ, такъ сказать, нравственный, преслѣдующій исправленіе виновнаго. Если же провинившійся оказывался не только не исправнымъ, но прямо таки вреднымъ членомъ для общины, то таковой подлежалъ уже суду епископа. Эта инстанція уже юридическаго, формальнаго суда. Епархіальный епископъ, будучи вообще главнымъ начальникомъ надъ всѣми монастырями въ своей епархіи, и въ области судебной, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ, касающихся нарушеній дисциплинарныхъ требованій, былъ главнымъ ея представителемъ, которому принадлежала власть такъ или иначе рѣшать дѣла представляемыя ему на судъ отъ настоятелей монастырей. Но высшей инстанціей суда былъ сперва Патріаршій приказъ, а затѣмъ Св. Синодъ. „Монаховъ и поповъ и дьяковъ, кто на нихъ станетъ бить челомъ всякихъ чиновъ люди во всякихъ искахъ вѣдать ихъ допросами съ сего Великаго Государя указа въ Патріаршемъ Духовномъ приказѣ [1]). Въ 1722 же году было постановлено: „дѣла духовныя, которыя къ суду Патріаршему надлежали, нынѣ по Духовному регламенту подлежатъ Синодальному Суду" [2]); „отъ онаго просить крайнія духовныхъ дѣлъ управы; а крайняя, разумѣется высшая надъ прочими управа, т. е. ежели кто въ нижнихъ Синоду подчиненныхъ, также и въ архіерейскихъ судахъ правдивой управы не получитъ, или судомъ не доволенъ будетъ или на какую знатную персону отъ духовныхъ индѣ суда сыскать не возможетъ, то уже долженъ бить челомъ и доносить въ Синодѣ, гдѣ крайняя бываетъ такихъ дѣлъ

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т IV, № 1876 (указ 1701 г. 7 ноября).

[2]) Ibidem, т. VI, № 3963 (указ. 1722 г. 12 апр.) п. 16.

управа“ [1]). Важныя перемѣны со времени Петра I произошли въ судебной области еще и въ томъ отношеніи, что „духовныя персоны, до опредѣленія Духовнаго правительства, по разнымъ касающимся до нихъ дѣламъ браны были въ разныя канцеляріи и приказы [2]), а съ учрежденіемъ Св. Синода повелѣно было: „на которыхъ оговоръ какой будетъ (кромѣ тяжкихъ государственныхъ дѣлъ) въ какомъ партикулярномъ злодѣяніи, такихъ отсылать къ Синоду, пока оные до гражданскаго суда приличны будутъ, а самимъ не брать въ коллегіи, или гдѣ индѣ, и не держать, дабы иногда безвинные не страдали со злодѣями въ темницахъ. И долженъ каждый челобитчикъ въ злодѣяніи на духовныхъ нигдѣ индѣ бить челомъ, токмо въ Синодѣ Сіе разумѣется о брани, бою, кражѣ и прочихъ тому подобныхъ дѣлъ, а не о тѣхъ, которые тяжебныя дѣла, яко какая покупка, промыслъ, откупы, торги и прочее тому подобное, еже гдѣ опредѣлено всѣмъ, тамъ и на духовныхъ бить челомъ“ [3]); а ежели какая духовная персона ята будетъ въ явномъ какомъ злодѣяніи, о таковыхъ слѣдовать въ граждан скомъ судѣ, только для снятія чина присылать въ духовное правительство; чему опредѣлено быть въ Св. Синодѣ, тому въ неприсутствіи Синода въ Москвѣ дѣйствоваться въ Дикастеріи“ [4]).

Такимъ образомъ на ряду съ судомъ духовнымъ, монашествующіе подлежали и суду свѣтскому, каковая подсудность опредѣлялась характеромъ и родомъ преступленій, совершенныхъ ими. Намъ нѣтъ цѣли перечислять роды преступленій, которыми опредѣлялась подсудность монашествующихъ лицъ суду духовному или свѣтскому. Скажемъ только, что свѣтскому суду монашествующія лица подлежали на общихъ основаніяхъ съ бѣлымъ духовенствомъ и мірянами [5]). Точное и сравнительно подробное распредѣленіе преступленій, за которыя монаше-

---

[1]) П. С. П. и Расп. т. II, № 693, стр. 369.
[2]) Ibidem, т. 1, № 57, п. 3.
[3]) П. С. П. и Расп. т. I, № 57 п. 3 резолюція.
[4]) Ibidem, т. II, № 1044.
[5]) 2-е П. С. З. Р. И. т. XVI, № 14409, статья 207.

ствующія лица подлежали суду духовному и свѣтскому было сдѣлано Синодскимъ указомъ отъ 22 іюля 1722 г. [1]). Впрочемъ подсудность по тѣмъ или другимъ преступленіямъ суду духовному и свѣтскому въ различныя времена на протяженіи 2-хъ столѣтій постоянно мѣнялась. Въ царствованіе Анны Іоанновны въ противность закону Петра Великаго и Петра II [2]) повелѣно было судить свѣтскимъ судомъ монаховъ, священниковъ и діаконовъ, которые скажутъ за собою: „слово и дѣло“ въ пьянствѣ, дракѣ и ссорѣ [3]). При Елизаветѣ Петровнѣ однако это было отмѣнено, и церковный судъ опять былъ возстановленъ въ прежнихъ правахъ и въ томъ объемѣ, какъ онъ опредѣленъ былъ законодательствомъ Петра I и Екатерины I [4]). При ней (Елиз. Петр.) въ Синодъ были возвращены дѣла по частнымъ жалобамъ на духовныхъ и Сенатъ въ 1744 г. воспретилъ губернаторамъ „привлекать себѣ на судъ духовныя персоны и чинить имъ смертельные и ругательные побои“. Только при Александрѣ I на время произошло важное измѣненіе: указомъ 1816 г. всѣ нарушители порядка и благочинія въ церквахъ при богослуженіи, не исключая и духовныхъ лицъ, представлялись гражданскому суду, но указомъ 1824 года духовенству даровано исключеніе [5]).

По нынѣ дѣйствующему законодательству (уставу Дух. Консисторіи 1783) духовныя лица подлежатъ суду своего начальства по преступленіямъ противъ 1) должности благочинія и благоповеденія, 2) по жалобамъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ на нихъ въ обидахъ. Причемъ въ уставѣ Духовной Консисторіи весьма рельефно оттѣняется судъ нравственный отъ суда формальнаго. Такъ первому, гдѣ непосредственнымъ судьею является Архіерей, подлежатъ 1) проступки невѣдѣнія и нечаянности, требующіе исправленія и очищенія совѣсти, 2) проступки противъ должности и благоповеденія, несоединенные съ явнымъ вредомъ и

---

[1]) Ibidem т. II, № 693 и 532.
[2]) П. С. П. и Расп. т. VI, № 2210.
[3]) Ibidem т. VII, № 2715.
[4]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XI, № 8548, 8566, XII, № 9079 и т. XIV, № 10293
[5]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XXXIII, № 26122 и XXXVII, № 28562, 28675.

соблазномъ, 3) жалобы, приносимыя съ тѣмъ, чтобы виновнаго исправить архипастырскимъ назиданіемъ безъ формальнаго судопроизводства. Въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій за указанные проступки архипастырь могъ налагать различныя наказанія, начиная съ простого назиданія и кончая временнымъ отлученіемъ отъ священнослуженія. Апелляцій на такое рѣшеніе Архіерея не полагается. По всѣмъ же другимъ случаямъ, по бумагамъ, могущихъ поступать къ Архіерею или въ Консисторію, назначается слѣдствіе и возникаетъ формальный судебный процессъ [1]).

По уголовнымъ преступленіямъ духовныя лица подсудны общему уголовному суду, но съ нѣкоторыми изъятіями изъ общихъ правилъ этого суда, какъ это указано въ 1017—1029 устава Уголовн. Суд.; такъ они содержатся подъ стражей отдѣльно отъ другихъ заключенныхъ, слѣдственные акты о нихъ предварительно посылаются прокуроромъ духовному начальству подсудимыхъ и т. п. [2]). Но и свѣтскій судъ при Петрѣ I, и въ дальнѣйшей своей исторіи, вплоть до 1864 г., не были судомъ исключительно свѣтскихъ лицъ. Для наблюденія за правильнымъ ходомъ судебнаго процесса и за безпристрастностью сужденія еще при Петрѣ I въ свѣтскихъ судебныхъ учрежденіяхъ присутствовалъ при производствѣ суда надъ духовными лицами кто нибудь изъ духовныхъ персонъ, назначаемый епархіальнымъ епископомъ [3]). При Елизаветѣ Петровнѣ таковыя лица получили спеціальное названіе „депутатовъ“ [4]). При Екатеринѣ II и Александрѣ I права ихъ были строго опредѣлены: вмѣсто временныхъ депутатовъ назначались постоянные, которые по требованію полиціи и суда должны были являться каждый разъ на слѣдствіе и судопроизводство по преступленіямъ духовныхъ лицъ, причемъ имъ даровано право

---

[1]) 2-е П. С. З. Р. И. т. XVI, № 14409, ст. 165—166.

[2]) А. С. Павловъ „Церковный Судъ“ Богосл. Вѣстн. 1901 г, стр. 438—439, Сборн. Ц.-Гр. Пост. Т. Барсова, т. I, 176 ст. примѣчаніе.

[3]) Дух. регл. изд. 1823 г., стр. 135, отд. III, п. 10. П. С. П. и Расп. т. VII, № 2550.

[4]) Ibidem, т. XV № 10988.

голоса наравнѣ съ прочими членами судебныхъ присутствій [1]). Только судебные уставы 1864 г. упразднили депутатовъ отъ духовенства, и они удерживались лишь въ тѣхъ мѣстахъ. гдѣ не введены были эти уставы [2]).

Наказанія, которыя налагались за проступки въ первой половинѣ 18 столѣтія отличались непомѣрною жестокостью и грубостью. „Монашествующіе безъ различія ихъ сана и пола подвергались наказаніямъ плетьми [3]), какъ въ стѣнахъ дикастеріи, такъ и въ монастыряхъ, при собраніи братіи. Содержаніе колодниковъ назначалось въ болѣе или менѣе тяжкихъ оковахъ. Въ колодниской палатѣ кромѣ цѣпей, ручныхъ и ножныхъ желѣзъ, рогатокъ и вообще кандаловъ, хранились ременныя плети, шелепа и батоги [4]), и все это могло быть примѣняемо въ наказаніе къ монашествующимъ лицамъ [5]). Государевы указы подкрѣплялись страшными указами: растриженіемъ [6]), оковами, ссылкою въ каторгу [7]), штрафами [8]) и т. п. Монастырскія власти подвергались правежу при сборѣ податей [9]); недоимки, а иногда двойныя подати взыскивались съ нихъ „съ великимъ боемъ и грабежемъ“. Таково было положеніе монашествующихъ лицъ при Петрѣ I, такимъ же оно продолжало оставаться и въ послѣдующее время вплоть до благопріятнаго царствованія Елизаветы Петровны. При Аннѣ Іоанновнѣ для исправленія монашеской нравственности монастырскому начальству вмѣнялось въ обязанность „всячески приводить монаховъ къ благочинному житію“: наказывать ихъ тѣлесно, если же не исправятся, то отсылать въ Синодъ, ко-

---

[1]) Ibidem, XVII, № 12606, XXIII, № 16986, 17052, XXXI № 24739, 24555, XXXII № 25240, XXXVIII № 29477, 29711.

[2]) Сборн. Ц. гражд постан. Т. Барсова т I, стр. 176 (примѣчаніе).

[3]) П. С. П. и Расп. т. V, 1552, 1778, т. VIII, 2674, 2694.

[4]) П. С. П. и Расп. т. VI, 2243, VII, 2291, VIII, 2836.

[5]) Изъ Истор. Москов. Епарх. управл. ч. I, кн. I, стр. 81—82.

[6]) 1-е П. С. З. Р. И. т. IX, № 6585; П. С. П. и Расп. т. II, № 612, т. V, 1514, VIII, 2782; 1 е П. С. З. Р. И т. X, № 7660.

[7]) П. С. П. и Расп. т. VII, 2604; 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, 6177, 6189; X, 7660.

[8]) Ibidem, VI, 2243; 1-е П. С. З. Р. И. т. X, 7493.

[9]) 1-е П С. З. Р. И. т. IV, № 1839.

торый молодыхъ и годныхъ къ службѣ долженъ растригать и отсылать въ Сенатъ для опредѣленія въ солдаты, а старыхъ и не годныхъ на рудокопные заводы [1]). Только царствованіе Елизаветы Петровны явилось зарею лучшихъ дней для монашествующихъ и хотя de jure законы относительно ихъ оставались неизмѣнными, ибо, какъ объявляла Елизавета Петровна въ манифестѣ отъ 16-го августа 1760 года, „законы моего любезнѣйшаго родителя я почитаю во всемъ своими“ [2]), но de facto они не дѣйствовали. Всѣмъ архіереямъ, архимандритамъ и прочимъ монашествующимъ, растриженнымъ и сосланнымъ въ предъидущее царствованіе, при ней были возвращены и званіе и должность [3]). При Екатеринѣ же II, въ 1767 г., въ виду того, что „во многихъ епархіяхъ и монастыряхъ священнослужителямъ за происходящіе отъ нихъ проступки отъ духовныхъ командировъ, равно какъ бы и въ свѣтскихъ командахъ подлому народу, тѣлесныя чинятся наказанія и пристрастные распросы, чрезъ что духовенство, а особенно священнослужители теряютъ должное по характеру своему отъ общества почтеніе, паствѣ же ихъ подается не малый соблазнъ и причина къ презрѣнію“, было постановлено: „какъ пристрастныхъ распросовъ, такъ и тѣлесныхъ наказаній чрезъ побои въ духовныхъ командахъ священникамъ и іеромонахамъ чинимо быть не должно, а исправлять ихъ должно приличными духовенству трудами, отрѣшеніемъ отъ дохода и прихода“ [4]). Въ 1771 г. этотъ указъ былъ распространенъ и на іеродіаконовъ [5]). Указомъ 1796 г. 9 декабря и 1801 г. 22 мая эти постановленія были подтверждены, а въ царствованіе Александра I Сенатскимъ указомъ вслѣдствіе именного въ 1811 г. 31 іюля они были распространены и „на простыхъ монаховъ, не посвященныхъ въ іеромонахи и іеродіаконы“ [6]). По нынѣ

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. X, № 7660, XI, 8506, XII, 9079.

[2]) П С. З. Р. И. т. XV, 11092.

[3]) Русск. Стар. 1879 г. 1—4 книг. Арсеній Мацѣевичъ В. С. Иконниковъ стр. 750.

[4]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVIII № 12909.

[5]) Ibidem, XIX 13609.

[6]) Ibidem, XXXI, № 24739.

дѣйствующему законодательству, наказанія монашествующихъ по суду духовному за проступки лишены характера жестокости и грубости. Мѣрами взысканія по епархіальному суду служатъ: выговоръ и назиданіе, соединенные съ епитиміею или безъ нея; отрѣшеніе отъ священнослуженія на время, съ трѣшеніемъ отъ должности и съ опредѣленіемъ въ причетники, и. наконецъ, лишеніе сана (обнаженіе отъ сана) священнослужителей, а монашествующихъ и монашества съ исключеніемъ изъ духовнаго вѣдомства или же оставленіемъ на низшихъ должностяхъ церковно-служительскихъ, а для монашествующихъ съ оставленіемъ ихъ въ своемъ званіи на покаяніи [1]). По свѣтскому же суду монашествующія лица подвергаюгся наказаніямъ наравнѣ съ мірянами. при чемъ лишенію сана и исключенію изъ духовнаго вѣдомства преступники подвергаются по требованію уголовныхъ присутственныхъ мѣстъ уже послѣ присужденія ихъ къ таковому наказанію, т. е. послѣ суда надъ ними и произнесенія вердикта [2]).

Но сложеніе священнослужительскаго сана и потерю монашескаго званія по духовному суду за преступленія надо отличать отъ добровольнаго снятія съ себя того и другого, каковое разрѣшено только въ началѣ 19 столѣтія „для отвращенія соблазновъ чрезъ нарушеніе данныхъ монашествующими священныхъ обѣтовъ“ [3]). Порядокъ снятія монашества (каковое для монашествующихъ лицъ съ іерархическою степенью всегда соединяется съ лишеніемъ ихъ священнослужительскаго сана) по прошенію таковъ, что просящій о сложеніи монашества въ теченіи 6 мѣсяцевъ увѣщавается чрезъ монастырскаго настоятеля, старшую братію, особыхъ духовныхъ лицъ по назначенію мѣстнаго архіерея и, наконецъ, въ полномъ присутствіи мѣстной духовной консисторіи. Если увѣщанія останутся безуспѣшными то консисторія постановляетъ о снятіи монашества и это постановленіе приводится въ исполненіе, но съ разрѣшеніемъ на это

---

[1]) 2-е П. С. З. Р. И. т. VII, № 5702, п. 7, XVI, № 14409 (Высоч. утвержд. устава Духов. Консист. 1841 г. Март. 27) ст. 184.

[2]) Ibidem, ст. 188.

[3]) П. С. З. Р. И. т. XXXVIII, 29413; 2-е П. С. З. Р. И. т. XII, № 5702.

Св Синода [1]). „Слагающимъ съ себя монашеское званіе, и отъ Духовнаго Правленія обращаемымъ въ гражданское, предоставляется избирать родъ жизни, какой пожелаютъ, но имъ не возвращается уже того, отъ чего они при постриженіи своемъ единажды навсегда предъ церковью отреклись какъ-то: имѣнія, чиновъ и знаковъ отличія, какіе могли быть пріобрѣтены ими прежнею службою до постриженія въ монашество, а позволяется пользоваться только тѣми правами, которыя принадлежатъ имъ по рожденію [2])." Кромѣ того, они лишаются навсегда права быть опредѣленными на гражданскую службу, проживать и приписываться къ какому-либо обществу въ той губерніи, гдѣ были монахами, а также проживать въ обѣихъ столицахъ во все то время, въ продолженіе котораго по церковнымъ правиламъ состоятъ подъ эпитиміею за свой поступокъ, т. е. въ теченіе 7 лѣтъ. Если же о снятіи сана проситъ кто-либо уже бывшій подъ наказаніемъ за предосудительные поступки, то онъ лишается вышеуказанныхъ правъ навсегда, въ выполненіи чего и берется отъ него подписка подъ опасеніемъ за нарушеніе быть сосланнымъ въ Сибирь на всегдашнее пребываніе [3]). Съ означенной подпиской онъ получаетъ мѣсто жительства, безъ правъ состоянія принадлежащихъ ему по рожденію, по указанію гражданскаго начальства.

Лишеніе священнослужительскаго сана за преступленія, оскорбляющія санъ, съ канонической точки зрѣнія есть явленіе вполнѣ естественное. Въ данномъ случаѣ происходитъ Судъ Церкви надъ ея членомъ, оказавшимся не на высотѣ своихъ обязанностей, по слабости своей природы и потому Церковь, давшая ему эти права, сама же и отрѣшаетъ его отъ нихъ, какъ неспособнаго исправиться и быть въ состояніи исполнять то служеніе, которому онъ посвятилъ себя (6, 7, 27, 42 пр. Апостольскія и многія другія). Лишенія же монашескаго званія по суду, а тѣмъ болѣе разрѣшенія добровольнаго снятія

---

[1]) 2-е П. С. З. Р. И. т. VII, № 5702 (Указ. 26 окт. 1832 г.); 1-е П. С. З... XXXVIII, № 29413.

[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XXXVIII, № 29413.

[3]) 2-е П. С З Р. И. т. VII, № 5702.

его, мы не встрѣчаемъ въ каноническихъ правилахъ. Напротивъ, по 7-му правилу Халкидонскаго собора: „вчиненнымъ единажды въ клиръ и монахамъ опредѣлено было не вступать ни въ воинскую службу, ни въ мірскій чинъ, иначе дерзнувшихъ на сіе и не возвращающихся съ раскаяніемъ къ тому, что преждѣ избрали для Бога, предавати анаѳемѣ". По Византійскимъ же государственнымъ законамъ, принятымъ въ составъ нашей Кормчей, монахъ, свергавшій съ себя свои обѣты и одежды, былъ возвращаемъ въ монастырь насильственно и только уже въ случаѣ повторенія преступныхъ дѣяній обращался въ податное состояніе [1]). Лишеніе монашескаго званія съ канонической точки зрѣнія не допустимо, потому что монашество съ канонической точки зрѣнія есть подвигъ непрестаннаго покаянія и постепеннаго усовершенствованія, а потому преступленія монаховъ, каковы бы они ни были, должны заслуживать только епитиміи, т. е. наказаній, имѣющихъ въ виду раскаяніе и исправленіе, а не лишенія званія, того пути, которымъ легче всего достигать нравственнаго исправленія и возможнаго въ этомъ отношеніи совершенства.

Глава третья.

Постановленія относительно имущественныхъ правъ нашихъ монастырей въ XVIII и XIX столѣтіи.

Вопросъ о церковныхъ имуществахъ, ставшій еще съ давнихъ поръ особымъ, спеціальнымъ пунктомъ нашего законодательства, ко времени Петровской реформы de jure порѣшался почти окончательно, но de facto онъ требовалъ еще много труда и усилій для того, чтобы результаты его теоретическаго рѣшенія проникли въ жизнь и пересоздали ее по новымъ началамъ. Попытки къ отобранію церковныхъ имуществъ въ государственную казну начинаются еще при Іоаннѣ III. Онъ былъ первымъ изъ царей, который принялъ сторону тѣхъ „нестяжателей", по мнѣнію которыхъ монастырямъ не слѣдовало держать имѣній, а полезнѣе обращать ихъ „на службу государству [2]). Съ этихъ поръ, можно сказать, непрерывною нитью

[1]) Кормч. ч. II, „отъ новыхъ заповѣд. Іустина", II-й гран. гл. I.

[2]) Чтен. въ Импер. обществѣ Истор. Древ. Росс. 1861 г. II книг. ст. Милютина „О недвижим. имуществ. духовенств. въ Россіи" стр. 419—424.

тянутся многократныя попытки государства къ совершенному уничтоженію имущественныхъ правъ монастырей. И въ основаніи всѣхъ законодательныхъ актовъ по секуляризаціи церковныхъ имуществъ всегда лежатъ двѣ мысли: во-первыхъ, мысль о вредномъ вліяніи монастырскихъ богатствъ на нравственную жизнь иноковъ въ связи съ неумѣньемъ съ ихъ стороны пользоваться огромными матеріальными средствами на благо церкви и государства, а во-вторыхъ, мысль, имѣющая отношеніе къ экономической жизни всего государства въ силу того, что монастырямъ въ то время принадлежала почти $^1/_3$ часть территоріи веего государства съ населеніемъ, доходящимъ до 1 милліона душъ, (т. е. $^1/_{10}$ часть всего податного сословія). Вотъ почему государство по необходимости должно было столкнуться съ вопросомъ о монастырскихъ имуществахъ и въ своемъ рѣшеніи его постараться вдвинуть имущественныя права монастырей въ такія границы, которыя бы не нарушали собою государственно-общественныхъ интересовъ. Стремленія гражданскихъ правительствъ къ отобранію въ пользу государства монастырскихъ имуществъ при Іоаннѣ III выражались, какъ частныя, исключительныя или случайныя мѣры, въ примѣненіи только къ нѣкоторымъ монастырямъ. Мысль о необходимости положить границы постоянному увеличенію церковныхъ имуществъ впервые появляется въ узаконеніяхъ Іоанна Грознаго и приводитъ къ тому, что монастырямъ (въ 1581 г.) запрещено было какимъ бы то ни было образомъ пріобрѣтать вотчины [1]). Такимъ постановленіемъ пресѣченъ былъ путь къ обогащенію монастырей только недвижимами имуществами, что же касается вообще богатствъ монастырскихъ, то они свободно могли увеличиваться, такъ какъ тѣ же вотчины, отданныя по душѣ или подаренныя, могли свободно быть переведены на денежныя цѣны ихъ, и тогда владѣніе ими не запрещалось. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича законодательствомъ были приняты новыя мѣры къ ограниченію имущественныхъ правъ монастырей, которыя значительно способствовали достиженію цѣлей государства по данному вопросу. Въ уложеніи 1649 г.

[1]) „Вопросъ о церк. имущ. при Екат. II“. А. Завьялова, стр. 42; Милютинъ, стр. 443—444.

было постановлено, что постригающіеся вотчинники или вдовы не могутъ отдавать принадлежащихъ имъ вотчинъ въ монастыри, ни сами владѣть ими; закону этому было дано и обратное дѣйствіе, т. е. запрещено было держать за собою вотчины, даже и тѣмъ монахамъ и монахинямъ, которые постриглись до изданія Уложенія [1]). Кромѣ того, тѣмъ же Уложеніемъ повелѣвалось: „всѣ слободы, принадлежавшія Патріарху, духовнымъ властямъ, монастырямъ... населенныя людьми торговыми и ремесленными, которые отправляли торговлю и владѣли лавками, а податей Государю не платили и службъ не служили, со всѣми людьми въ нихъ жившими, кромѣ кабачныхъ, взять за Государя въ тягло и въ службы безлѣтно и безповоротно [2]).

Но всѣ законы, изданные къ ограниченію имущественныхъ правъ монастырей, какъ видно изъ неоднократныхъ подтвержденій ихъ, не строго сохранялись въ своей настоящей силѣ и часто нарушались Какъ мы уже имѣли случай упоминать раньше, такое отношеніе къ законодательству явилось результатомъ того, что духовное и свѣтское правительства не дѣйствовали солидарно на пути къ осуществленію начинающихся реформъ. Правительство еще колебалось между чисто государственными началами и уваженіемъ къ духовному чину, идеею ненарушимости имущественныхъ правъ церкви. Правительства XVI и XVII вв. стремились преимущественно къ ограниченію вотчинныхъ правъ монастырей, правительство же XVIII в. поставило себѣ главною и прямою цѣлью совершенное уничтоженіе правъ этого рода. Петръ I вполнѣ раздѣлялъ взгляды Іоанна IV на монастырскія имѣнія и на значеніе, которое они должны имѣть, поэтому его общая внутренняя политика стремилась къ тому, чтобы, обезпечивъ извѣстнымъ содержаніемъ монастыри, все остальное богатство ихъ привлечь къ служенію благу общества и государства. Явленій въ исторіи и законодательствѣ, подготовлявшихъ передачу монастырскихъ имуществъ отъ монастырей къ государству, накопилось слишкомъ много. Съ самаго начала своего царствованія Петръ I неоднократно выставляетъ на видъ церковной власти, что

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. 1, Уложеніе гл. XVII, ст. 43—44.

[2]) Ibidem гл. XIX, ст. I.

монастырскія имѣнія „туне гибнутъ“, между тѣмъ какъ государственныхъ нуждъ, которыя могли бы покрыться доходами съ церковныхъ имуществъ, при немъ было больше, чѣмъ когда-нибудь: однѣ войны, для которыхъ, по выраженію царя, „деньги были артеріей“, требовали весьма много расходовъ, если же мы примемъ во вниманіе нужды общественнаго призрѣнія, то мы вполнѣ согласимся съ тѣмъ, что Петръ I въ силу историческихъ обстоятельствъ, въ свое время болѣе, чѣмъ когда-либо могъ дать широкое развитіе мысли предшествующаго ему законодательства. Поэтому, подтвердивъ постановленія своихъ предшественниковъ относительно ограниченія имущественныхъ правъ монастырей [1]), Петръ I, особенное вниманіе обращаетъ на ихъ дѣйствительное исполненіе. Въ цѣляхъ болѣе правильнаго употребленія монастырскихъ имуществъ Петръ I строгими предписаніями запретилъ монастырскимъ властямъ и архіереямъ „строить лишнія строенія и отнюдь не держать денегъ въ расходъ безъ великаго государя указу, а деньгамъ и хлѣбу приходъ и расходъ записавъ въ книгу присылать тѣ книги къ великому Государю къ Москвѣ“ [2]). Такимъ образомъ надъ монастырскими имуществами былъ учрежденъ строгій контроль. Въ связи съ этимъ находится цѣлый рядъ важныхъ законовъ, которыми Петръ I, лишивъ монашествующихъ права управлять монастырскими имуществами и употреблять ихъ по своему произволу, отдалъ управленіе ими вновь возстановленному монастырскому приказу. Указомъ 1701 года 30-го декабря хозяйственный бытъ монастырей былъ совершенно измѣненъ. Съ этихъ поръ повелѣвалось „въ монастыри монахамъ и монахинямъ давать опредѣленное число денегъ и хлѣба, а вотчинами и никакими угодьями имъ не владѣть, не ради разоренія монастырей, но лучше ради исполненія монашескаго обѣщанія. Давать же яко начальнымъ, такъ и подначальнымъ равное даяніе: по 10 руб. денегъ и по 10 четв. хлѣба, дрова въ довольность, а съ вотчинъ доходы въ монастырскій Приказъ собирати. Таково было жалованье монахамъ монастырей штатныхъ, каковыми считались только монастыри богатые, у ко-

[1]) П. С. З. Р. И. т. IV, № 1839.

[2]) Ibidem т III, № 1721, 1725, 1733

торыхъ, помимо необходимыхъ расходовъ по содержанію братіи, оставались еще суммы на дѣла благотворительности. Бѣдные же монастыри считались не штатными, и относительно ихъ въ указѣ было сказано слѣдующее: „А которыхъ монастырей монахамъ и монахинямъ съ вотчинъ по окладамъ ихъ указное число денегъ сполна не будетъ, въ тѣ монастыри давать сколько было у нихъ прежде сего доходовъ, а въ которыхъ монастыряхъ есть малыя вотчины или какія угодья и тѣми доходами прокормить монаховъ невозможно, то давать въ тѣ монастыри денежное и хлѣбное жалованье, безъ чего по самой нуждѣ быть невозможно“ [1]). Такимъ образомъ, даже монахи монастырей нештатныхъ, по мысли Петровскаго законодательства, должны были пользоваться государственной субсидіей. Въ 1710 г. такихъ монастырей, въ которыхъ были введены извѣстные оклады содержанія, выдававшіеся имъ изъ Монастырскаго Приказа въ Патріаршей области было 52 (1940 монашествующ.); въ епархіяхъ 28; на содержаніе первыхъ отчислялось 12232 руб. денежнаго жалованья и 9231 руб. хлѣбнаго, на содержаніе вторыхъ полагалось только денежное въ количествѣ 5947 руб.; женскихъ монастырей было 15 (2159 монахинь), на содержаніе ихъ денежнаго жалованья выдавалось 5760 руб., да хлѣбнаго 4434 р. [2]). Съ теченіемъ времени, конечно, получали опредѣленные оклады содержанія и другіе монастыри, хотя въ количествѣ незначительномъ [3]). Что же касается архіерейскихъ домовъ, то имъ въ началѣ 18 столѣтія не было положено опредѣленнаго содержанія: они расходовали столько, сколько хотѣли изъ епархіальныхъ доходовъ, хотя все же произволъ ихъ въ этомъ отношеніи ограничивался контролемъ Монастырскаго Приказа. Съ 1710 г. архіерейскіе дома опредѣляются штатами, хотя примѣненіе штатовъ ограничивается только нѣсколькими архіерейскими домами, такъ какъ, за отсутствіемъ матеріала по финансовымъ операціямъ каждаго архіерейскаго дома, трудно было составить въ Петровское время штаты для всѣхъ архіерейскихъ

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. IV, № 1886.
[2]) П. С. П. и Расп. т. II, № 901, стр. 616.
[3]) Ibidem т. I, № 102; II, № 772.

домовъ. Но частныхъ распоряженій относительно ограниченій имущественныхъ правъ архіереевъ и архіерейскихъ домовъ мы встрѣчаемъ нѣсколько. Такъ въ 1711 г. повелѣно было изъ доходовъ, доставляемыхъ вотчинами Крутицкаго Архіерейскаго дома, „опредѣлить епископу на домовой его всякій расходъ, такожъ и домовымъ людямъ на жалованье по 1000 руб. на годъ“ [1]). Въ 1712 г. такая же мѣра принята была относительно Смоленскаго Архіерейскаго дома. „Изъ денежныхъ сборовъ съ архіерейскихъ вотчинъ велѣно было имать ему, Архіерею, себѣ и домовымъ служителямъ по 1500 руб.“ [2]). Изъ одного указа 1713 г. видно, что дѣйствіе этого начала было примѣнено и къ Вологодской епископіи [3]). При Екатеринѣ II точно было обозначено содержаніе каждому архіерею и архіерейскому дому [4]). Въ 1724 г. 22 мая изданы были Высочайше утвержденные штаты, въ которыхъ подробно и точно опредѣлено количество, какъ хлѣбнаго, такъ и денежнаго жалованья, слѣдующаго на расходы по монастырямъ. Въ этихъ штатахъ замѣтна тенденція возвысить содержаніе монастырей противъ 1701 г. и вообще придать этому дѣлу постановку болѣе точную и опредѣленную. Оклады жалованья назначаются не одинаковые, но сообразно съ положеніемъ монастырей и степенью начальственныхъ обязанностей лицъ [5]), причемъ, кромѣ расходовъ по содержанію штатныхъ монаховъ, назначаются суммы на расходы по монастырю и его хозяйству, а также отчисляются суммы на траты непредвидѣнныя [6]). Но хотя Петровское законодательство своими штатами и надѣлило монашествующихъ лицъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, однако это послѣднее не составляло личной собственности монаха, а принадлежало монастырю, потому что „жалованья и пищи никому не должно было имѣть кромѣ общества, и

---

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. IV, № 2415.

[2]) Ibidem, ст. 2597.

[3]) Ibidem, т. V, № 2686, 3038.

[4]) Книг. Штат. стр. 27—49.

[5]) Іеродіакону 8 руб. деньгами и 7 четв. хлѣба; іеромонаху 10 р. и 8 четв., игумену 50 р. и 8 четв., Архимандриту 100 и 8 четвер.

[6]) П. С. П. и Расп. т. IV, № 1266 (Приложеніе).

оттоль казначею давать потребная кому-что“ [1]). За это же говорятъ и тѣ немалочисленные въ исторіи монашества 18 ст. случаи, когда по требованію государства, въ силу какихъ-либо накопившихся за монастырями недоимокъ, Монастырскому Приказу было предписываемо „по то время не давать денежнаго жалованья по монастырямъ чернцамъ, пока не будетъ заплачена вся недосланная Монастырскимъ Приказомъ въ положенныя мѣста сумма, отъ которой недосылки полевой арміи бѣднымъ солдатамъ въ дачѣ жалованья учинилась остановка [2]). Но эта указанная нами дача монашествующимъ лицамъ въ 1705 г. „ради свейскія войны“ была убавлена на половину [3]), а затѣмъ, когда на монастыри была возложена обязанность по обезпеченію обездоленныхъ и содержанію отставныхъ воинскихъ чиновъ, то окладъ и этого содержанія иногда убавлялся и распредѣлялся между призрѣваемыми монастыремъ [4]). Въ видѣ существенной особенности теперь же появляется раздѣленіе монастырей на классы, основаніемъ для чего служатъ историческое значеніе монастырей и ихъ экономическое состояніе. Классовъ намѣчено было два: первый съ архимандритомъ во главѣ, второй съ игуменомъ. Примѣненіе этихъ штатовъ къ каждому въ отдѣльности монастырю, за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ свѣдѣній о населенности монастырей и ихъ матеріальномъ благосостояніи, было дѣломъ очень труднымъ. Правительство пришло къ убѣжденію, что штаты, составленные на теоретическихъ выкладкахъ и разсчетахъ не имѣютъ никакого значенія для основательнаго рѣшенія вопроса объ обезпеченіи монастырей. Вотъ почему съ этихъ поръ законодательство въ видахъ успѣшной работы по указанному вопросу стремится прежде всего привести въ извѣстность фактическія данныя относительно монастырей и на основаніи этихъ данныхъ приступать уже къ рѣшенію вопроса о штатахъ. Въ 1727 г. 6 февраля Екатерина I изъявила было намѣреніе принять рѣшительныя мѣры къ сочиненію окончательныхъ штатовъ всѣмъ монасты-

---

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, № 4450 опр. I, пункт. 9.

[2]) Ibidem, т. VII, 4152, VIII, 6273. П. С. П. и Р. И. т III, № 998.

[3]) Горчаковъ: „О земельн. влад. Всеросс. патр., стр. 473“.

[4]) П. С. П. и Расп. т. II, № 536.

рямъ и архіерейскимъ домамъ. Съ этою цѣлью было подтверждено прежнее предписаніе Петра I представить изъ Синода въ Сенатъ подробныя вѣдомости о состояніи монастырей и монастырскихъ имуществъ. Изъ указа императрицы видно, что при Петрѣ I не всѣмъ монастырямъ и архіерейскимъ домамъ назначено было жалованье, а только нѣкоторымъ изъ нихъ, другіе же оставались на прежнемъ основаніи, хотя вслѣдствіе многихъ обязательныхъ расходовъ не могли уже свободно распоряжаться своими доходами [1]). Но больше всего въ дѣлѣ собранія сырого матеріала для составленія штатовъ было сдѣлано въ царствованіе Анны Іоанновны [2]). Высочайшимъ указомъ 8 сентября 1740 года назначено было составленіе штатовъ въ С.-Петербургской Конторѣ Коллегіи Экономіи, въ которую были присланы матеріалы о 17 архіерейскихъ домахъ и 730 монастыряхъ. „Изъ оныхъ вѣдомостей приказано было дѣлать формуляръ штата о всѣхъ приходахъ и расходахъ, сколько какимъ присылать въ Коллегію Экономіи, и сколько при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, на ихъ собственные расходы оставлять потребно; и въ томъ наиприлежнѣйшее радѣніе показать, чтобы сіе полезное дѣло было окончено какъ наискорѣе“ [3]). Но непредвидѣнныя затрудненія, которыя встрѣтились при рѣшеніи этого дѣла, не позволили окончить его въ царствованіе Анны Іоанновны. При ней были опредѣлены штатами только нѣкоторые монастыри (напримѣръ, Троицкій, Александро-Невскій) [4]), причемъ оклады содержанія монашествующихъ лицъ сравнительно съ Петровскими штатами были увеличины. Вторая половина царствованія Елизаветы Петровны проникнута была тѣмъ же требованіемъ штатовъ, собраніе матеріала для которыхъ такъ успѣшно подвинулось въ предшествующее царствованіе [5]). Царствованіе же Петра III представляетъ собою уже попытку окончательно секуляризировать монастырскія имущества. Въ указѣ, данномъ Св. Синоду, повелѣвалось: „всѣхъ монастырскихъ крестьянъ причислить мо-

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, № 4969.
[2]) Ibidem, т. X, № 7791, 7526, т. XI, 8029.
[3]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XI, 8232.
[4]) П. С. П. и Расп. т. VI, 2636.
[5]) Вопр. о церк. им. при Ек. II Завьялова, стр. 263.

ему державству, а вмѣсто ихъ жалованье дать". Коллегіи Экономіи изъ доходовъ, получаемыхъ съ монастырскихъ вотчинъ, повелѣвалось выдавать денежное и хлѣбное жалованье во всѣ монастыри на содержаніе властей, монаховъ и монастырскихъ служителей по штату 1724 года, и только архимандритамъ 10 ставропигіальныхъ монастырей „для наилучшаго удовольствія монашествующихъ" былъ положенъ повышенный окладъ содержанія, именно: 1-го класса 500 р., 2-го 200 р., и 3 класса 150 руб. [1]). При монастыряхъ повелѣвалось оставить: „имѣющіеся при нихъ сады, огороды, выгоны, сѣнокосы, а также и рыбныя ловли, ибо и рыбаки „по штату на жалованье положены" [2]). Однакожъ изъ луговъ велѣно было оставить при монастыряхъ I класса не болѣе 50 десятинъ, а при другихъ— по соразмѣрности; о точномъ же количествѣ луговъ и рыбныхъ ловель, какое должно было оставить при монастыряхъ, предписано было Коллегіи Экономіи составить особый проэктъ и внести его въ Сенатъ. Съ маловотчинными монастырями повелѣно было поступать на точномъ основаніи указа 1701 г. декабря 30, которымъ въ такіе монастыри давалось столько, „сколько у нихъ было всякихъ доходовъ прежде сего"; монастырямъ же, не имѣющимъ деревень и не получающимъ отъ казны жалованья, повелѣвалось быть на томъ содержаніи, какое они имѣли прежде, а потому рѣшено было оставить за ними въ ихъ владѣніи принадлежащія имъ земли, рыбныя ловли и прочія угодья. Въ 1762 г. 6 апрѣля было постановлено: Коллегіи Экономіи составить „наивозможно скорѣе" новые штаты всѣмъ монастырямъ и пустынямъ, руководствуясь штатами 1724 г. и настоящимъ положеніемъ монастырей. Всѣ обители повелѣвалось раздѣлить на 3 класса; 10 ставропигіалныхъ причислить къ первому, а всѣ остальныя раздѣлить пополамъ между вторымъ и третьемъ. Самые штаты по составленіи ихъ должны были быть внесены для разсмотрѣнія въ общее собраніе Сената и Синода [3]). Какъ видно изъ представленныхъ здѣсь указовъ за царствованіе Петра III его поли-

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XV, № 11481.
[2]) Ibidem, т XV, № 11481, 11498.
[3]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XV, № 11498.

тика въ отношеніи къ вопросу о монастырскихъ имуществахъ не отличалась строгою обдуманностью. Справедливо выражается о политикѣ Петра III въ своемъ манифестѣ Екатерина II, когда говоритъ, что у Петра III было только желаніе „отобрать у духовныхъ имѣнія, а чтобы осмотрительныя взять мѣры о порядочномъ, и какъ для Церкви и духовнаго чина безобидномъ, такъ и для отечества полезномъ управленіи, о томъ и не думалъ“ [1]). Петръ III поспѣшилъ отнятіемъ изъ вѣдомства духовнаго чина деревень и прочихъ имѣній, ибо это сдѣлалъ до составленія опредѣленныхъ, строго установленныхъ штатовъ. Эту поспѣшную политику Петра III въ дѣлѣ отобранія у монастырей имуществъ и отмѣтила Екатерина II въ своемъ манифестѣ, сказавъ, что оное „учинено безъ всякаго предыдущаго порядка и разсмотрѣнія“ [2]).

Екатерина II шла къ осуществленію давно начавшагося дѣла по секуляризаціи монастырскихъ имуществъ инымъ путемъ, совершенно обратнымъ тому, какимъ хотѣлъ достигнуть этого ея предшественникъ. Вотъ почему Екатерина II тотчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ вопреки законодательству Петра III повелѣваетъ: „для благопристойнаго духовнаго чина содержанія, всѣ синодальныя архіерейскихъ домовъ, монастырей и бѣлаго священства движимыя и недвижимыя имѣнія, отдать имъ въ управленіе и для того запечатанныя деньги, хлѣбъ и прочее распечатать“ [3]), хотя въ другомъ указѣ и замѣчаетъ, что все это дѣлается „на время, доколѣ къ лучшему успѣху новое и полезнѣйшее узаконимъ опредѣленіе [4]).

Трудами многихъ предшествующихъ дѣятелей къ царствованію Екатерины II сырые матеріалы для составленія отчета о населенности монастырей и ихъ матеріальномъ богатствѣ были собраны въ достаточномъ количествѣ, и при Екатеринѣ II, такимъ образомъ открылась возможность разъ навсегда покончить съ вопросомъ о монастырскихъ имуществахъ. Для детальной разработки этого вопроса Екатерина II учредила особую комиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, поручивъ ей со-

[1]) Ibidem. [2]) Ibidem, т. XVI, № 11643
[3]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, № 11643.
[4]) Ibidem, т. XVI, № 11730, 11865, 11943.

ставленіе штатовъ на основаніи подробнаго изученія собраннаго матеріала. Въ инструкціи, данной этой комиссіи, были опредѣленно намѣчены всѣ вопросы, которые предстояло рѣшать комиссіи. Въ 1764 г. труды комиссіи по составленію штатовъ были окончены и Высочайше утверждены. Всѣ монастыри, положенные по штату, были раздѣлены на 3 класса. Принципъ дѣленія былъ главнымъ образомъ экономическій, но отъ строгаго проведенія этого принципа въ штаты по обезпеченію монастырей въ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ комиссіи пришлось отказаться; такъ, отъ системы экономическаго дѣленія на классы монастырей комиссіи пришлось отступить ради достоинства нѣкоторыхъ обителей, въ силу чего были заносимы въ 1-й и 2-й классъ даже монастыри безвотчинные; то же самое приходилось дѣлать комиссіи и при установленіи штатовъ дѣвичьихъ монастырей, которые вообще были бѣдны вотчинами. Каждому монастырю 1 го касса окладъ жалованья назначался въ 2017 р. 50 коп., 2-го класса въ 1311 р. 90 к. и 3 класса—въ 806 р. 30 коп. Дѣвичьимъ монастырямъ 1-го класса: Вознесенскому и Новодѣвичьему въ Москвѣ—по 2009 р. 80 коп., Переяславск. Успенскому 2007 р. 70 к., Суздальск. Покровскому 1506 р. 30 к., монастырямъ 2 класс.—475 р. 80 к., 3 класса—375 руб. 60 коп. [1]). Жалованье между монашествующими лицами распредѣлялось такимъ образомъ: архимандриту 1-го класса—500 руб., II кл.—300 руб., III кл.—150 р., намѣстникамъ I кл.—50 р., казначеи отъ 25 до 22 р., іеромонахамъ съ іеродіаконами по 13 руб. во всѣхъ классахъ, а прочей монашествующей братіи отъ 8 до 10 руб. въ монастыряхъ всѣхъ классовъ [2]).

Сверхъ отпускаемаго по штатамъ жалованья при монастыряхъ положено было оставить извѣстное количество земли для огородовъ, садовъ, пастьбы лошадей и выгона скота; для рыбной ловли имъ оставлялись озера и пруды. Всѣмъ монастырямъ, положеннымъ въ штаты, кромѣ дѣвичьихъ 2 и 3, положено было отвести по одному скотному двору, по 1-му малому пруду или озеру для рыбной ловли (если отстоятъ отъ

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, 12060 или же кн. Шт. т. 44 ч. II, отд. III.
[2]) Книга Штат., стр. 54—61.

монастыря не далѣе 15 в.), земли же для выгона скота назначено для монастырей 1 класса по 9 дес.; 2 кл.—по 8 дес. и 3 кл.—по 6 дес. Подворья монастырей въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ оставлены были за ихъ владѣльцами, но на содержаніе ихъ не велѣно отпускать никакого пособія [1]).

Съ такимъ жалованьемъ и земельнымъ надѣломъ положены были въ штатъ монастыри вотчинные. „Что же слѣдуетъ до всѣхъ тѣхъ монастырей и пустынь, которые маловотчинны, и которые, вотчинъ за собою не имѣя, состоятъ на своемъ содержаніи, то о нихъ предписано было обстоятельныя и вѣроятныя вѣдомости собрать и о всѣхъ тѣхъ мужескихъ и дѣвичьихъ монастыряхъ и пустыняхъ, въ какомъ они находятся состояніи, и чѣмъ до нынѣ содержатся и впредь содержать себя могутъ ли, и кои изъ нихъ на своемъ содержаніи оставить, а иныя по приличности и недостатку доходовъ упразднить и приходскими церквами учинить и въ другіе монастыри свести надлежитъ, о чемъ достовѣрное распоряженіе учинить слѣдуетъ Св. Синоду".

При Павлѣ I денежные оклады и земельные надѣлы, положенные монастырямъ по штатамъ Екатерины II, были значительно увеличены, можно сказать почти вдвое. Такъ монашествующимъ въ 2-хъ лаврахъ и 177 мужскихъ монастыряхъ до Павла I отпускалось 37695 руб., а при немъ была сдѣлана прибавка къ этому окладу въ размѣрѣ 35331 руб., или на содержаніе Александро Невскаго монастыря отпускалось прежде 1454 руб., при Павлѣ I содержаніе увеличено на 1766 руб. Монашествующимъ 81 женскаго монастыря по Екатерининскимъ штатамъ полагалось 24348 руб. 50 к., по штатамъ же, составленнымъ при Павлѣ I, на содержаніе ихъ за исключеніемъ С.-Петербургскаго Вознесенскаго монастыря, „по достаточному на него прежнему положенію", прибавлено было 2081 р. 50 к. [2]). Кромѣ того, 127 монастырямъ, оставленнымъ по штатамъ на своемъ содержаніи при Павлѣ I

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVII, № 12060.

[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XLIV, кн. штат. ч. II. отд. III, стр. 63—65.

„каждому въ милостыню“ положено было по 300 р. [1]), каковыхъ они въ 1868 году были снова лишены. Съ такимъ окладомъ денежнаго содержанія монашествующіе и монастыри остаются и до настоящаго времени. Въ 1882 г. было предположено уменьшить содержаніе, отпускаемое на монастыри изъ казны въ виду того, что монастыри помимо жалованья, получаютъ еще большія доходы съ богомольцевъ. Съ этою цѣлью было предписано навести точныя справки о приходахъ и расходахъ всѣхъ монастырей, но результаты этихъ справокъ были таковы, что не дали правительству основаній къ осуществленію указаннаго предположенія, почему окладъ содержанія монашествующимъ былъ оставленъ прежній [2]).

Вмѣстѣ съ увеличеніемъ денежнаго оклада, „для доставленія монастырямъ, какъ штатнымъ, такъ и сверхштатнымъ, „найлучшихъ по возможности выгодъ“, приказано было увеличить и надѣлы земельные; указомъ отъ 18 декабря 1797 г. повелѣвалось отвести каждому монастырю по 30 дес. земли (архіерейскому дому по 60 дес.) со включеніемъ сюда и земель, дарованныхъ Екатериною II, кромѣ того снабдить монастыри и архіерейскіе дома рыбными ловлями, хотя бы онѣ отстояли отъ нихъ на разстояніи и далѣе 15 верстъ и мельницами (по одной на каждый) [3]). Въ 1835 г. по межевымъ законамъ Николая I надѣлы земельные были еще болѣе увеличены: положено было отводить монастырямъ отъ 100 до 150 дес. изъ казенныхъ дачъ съ лучшими угодьями [4]).

Указомъ 1800 г. 5 апрѣля монастырямъ запрещено было просить правительство о перемѣнѣ отведенныхъ имъ дачъ, кромѣ важныхъ къ тому побужденій, причемъ мѣна эта производилась не иначе, какъ съ Высочайшаго на то разрѣшенія [5]). Какъ бы сознавая недостаточность содержанія, положеннаго по штатамъ монастырямъ, правительство 19 ст. сочло нужнымъ даже снова возвратиться къ Петровскому способу обез-

[1]) Ibidem, стр. 67

[2]) Цирк. Ук. Св. Пр. Син. 1867—1900 г., Завьялова, изд. 2, С.-Петербургъ, 1901; указ. 1882 г № 4.

[3]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XXIV, 18273, 35.

[4]) Руков. Ук. Св. Прав. Синода В. Мавринкій, стр. 73—74.

[5]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XXVI, № 19370.

печенія монастырей, т. е. даровать имъ снова право пріобрѣтенія земли. Въ царствованіе Александра I опредѣлены были имущественныя права монастырей и совершился въ принципѣ возвратъ къ тому, что отвергала политика XVIII вѣка. Указомъ 1810 г. 29 мая „Его Императорское Величество разсуждая, что по законамъ давно уже возбранено монастырямъ покупать себѣ недвижимыя имѣнія, но съ другой стороны уважая, что пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ статей по мѣстному ихъ положенію, можетъ быть весьма полезнымъ для монастырей, особенно тѣхъ, кои не могли получить отъ короны всѣхъ угодій по штатамъ, имъ предоставленныхъ, Высочайше предположить соизволилъ, чтобы не отмѣняя постановленія, о пріобрѣтеніи имѣній недвижимыхъ монастырями существующаго, всякій разъ, когда таковыя покупки или по надобностямъ чинимы будутъ, испрашиваемо было особенно на совершеніе купчихъ Высочайшее соизволеніе, посредствомъ чего частныя только исключенія дѣлаемы быть могутъ въ общемъ законѣ, и всегда можно будетъ удовлетворять желаніямъ монастырей, соотвѣтственно подлиннымъ ихъ надобностямъ“ [1]). Такимъ образомъ, прежній законъ, воспрещавшій монастырямъ владѣть землею, законодательствомъ не отмѣнялся, а ограничивался. Этотъ законъ Александра I и донынѣ сохраняетъ свою силу [2]), дозволяя монастырямъ пріобрѣтеніе недвижимой собственности всѣми законными способами: чрезъ даръ, завѣщаніе и по давности владѣнія. При покупкѣ на совершеніе крѣпостныхъ актовъ испрашивается Высочайшее соизволеніе [3]), причемъ при совершеніи купчей, въ качествѣ покупщика отъ монастыря, должно присутствовать монашествующее лицо по выбору настоятеля и братіи. Пріобрѣтеніе монастырями земель посредствомъ пожертвованій и духовныхъ завѣщаній не требуетъ личнаго участія кого либо изъ членовъ монастыря, и утвержденіе на пріобрѣтеніе этихъ имуществъ идетъ канцелярскимъ путемъ; то же самое можно

---

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XXVIII, 21785, XXXI, 24246, XXXVI, 27622. 2-е П. С. З. Р. И. т. VI, 4844 § 39 п. 2 и т. XV, 13326, XVI, 14409, гдѣ находится подтвержд. приведеннаго закона.

[2]) Св. Зак. т. IX ст. 439. Изд. 1899 г.

[3]) Ibidem., ст. 435.

сказать и о способѣ пріобрѣтенія путемъ давности, ибо на основаніи указа Св. Синода отъ 6 сентября 1879 г. монастыри, владѣющіе недвижимымъ имуществомъ по давности, не обязаны ходатайствовать ни о признаніи за ними судомъ права собственности, ни объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на укрѣпленіе за ними имущества до тѣхъ поръ, пока эти имущества состоятъ во владѣніи монастыря; на передачу же этихъ имуществъ во владѣніе другому собственнику, требуется утвержденіе въ правахъ собственности, что производится съ Высочайшаго соизволенія [1]). Въ тѣхъ же цѣляхъ доставить монастырямъ больше способовъ къ обезпеченію себя въ матеріальномъ отношеніи, позволено было правительствомъ отводить монастырямъ участки лѣсовъ изъ казенныхъ дачъ (отъ 50 до 150 дес.) или въ собственность монастыря или же только на сбереженіе и продовольствіе [2]). Съ 1865 г. Государь Императоръ, въ измѣненіе установленнаго порядка (Уст. Дух. Конс. ст. 131 и Св. Зак. т. VIII, ч. I Уст. Лѣсн. ст. 1339 п. I) касательно сношеній духовнаго начальства съ гражданскимъ о надѣленіи монастырей земельными и лѣсными участками, внесъ такую поправку и такое устройство, которыми значительно облегчалось монастырямъ ходатайство по надѣленію ихъ земельными и мѣстными участками, такъ какъ съ ходатайствами по данному вопросу было позволено входить въ сношеніе непосредственно съ мѣстными палатами государственныхъ имуществъ, не донося о семъ Св. Синоду [3]). Изъ отчета Оберъ-Прокурора Св. Синода видно, говоритъ Ростиславскій, что въ теченіе какихъ-нибудь 26 лѣтъ (1836—1861), 170—180 монастырей получили болѣе чѣмъ 16000 дес. лѣсу и болѣе 900 дес. земли пахатной или луговой, такъ что среднимъ числомъ на каждый приходится почти по 140 десят.“ [4]). Такая щедрая раздача земельныхъ участковъ монастырямъ ясно показываетъ благосклонное отношеніе къ монастырямъ правительства XIX столѣтія. На ряду съ правомъ пріобрѣте-

---

[1]) Изъ лекцій Павлова, „Богосл. Вѣстн.“ октябрь 1901 г. стр. 232—233

[2]) 2-е П. С. З. Р. И. т. XIII, № 11518, VII, 5742 ст. II.

[3]) Рук. ук. Св. Синод. В. Мавринскій стр. 75.

[4]) Бесѣды 1872 г. т. III.

нія, монастырямъ было даровано право и отчужденія земель, причемъ продажа ихъ дозволялась только въ тѣхъ случаяхъ, когда недвижимыя имущества являлись для монастырей безполезными, не приносящими никакой прибыли или вовсе не нужными. Въ данномъ случаѣ, если отчужденіе земель производилось на сумму до 3000 р., требовалось разрѣшеніе епархіальнаго начальства, до 10000 р. Св. Синода [1]). Но хотя монастырямъ возвращено было отнятое у нихъ въ XVIII вѣкѣ право пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ, однако съ ограниченіемъ какъ со стороны свободы права, которую положительный законъ въ отношеніи къ носителямъ этого права отрицаетъ и возводитъ ее къ своему источнику: волѣ государя, такъ и съ объективной стороны этого права, путемъ запрещенія пріобрѣтать родовыя имѣнія и имѣнія, населенныя крестьянами (до отмѣны крѣпостного права). Такимъ образомъ, въ отношеніи къ праву другихъ лицъ по пріобрѣтенію земельныхъ владѣній дѣйствуетъ внѣшній положительный законъ, въ отношеніи же къ праву монастырей дѣйствуетъ субъективная воля законодателя.

Но если монастыри были ограничены законодательствомъ въ правѣ пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ, то право на пріобрѣтеніе имуществъ движимыхъ за ними признавалось всегда. Въ силу этого монастыри всегда, напримѣръ, пользовались правомъ наслѣдованія: 1) въ остающихся послѣ монашествующихъ властей ризницахъ, хотя бы въ оныхъ находились вещи на собственное ихъ иждивеніе пріобрѣтенныя, если о сихъ вещахъ не сдѣлано умершимъ особаго распоряженія и завѣщанія въ пользу какихъ либо духовныхъ мѣстъ; 2) во всемъ движимомъ имуществѣ монашествующихъ низшихъ степеней, а равно въ выморочномъ имѣніи духовныхъ властей, когда ими не оставлено завѣщанія, и, наконецъ, 3) въ строеніяхъ внутри монастырей монашествующими на собственное иждивеніе или вкладчиками свѣтскаго состоянія воздвигнутыхъ [2]).

Что же касается вопроса объ управленіи монастырскими имуществами, то онъ имѣетъ свою длинную исторію [3]).

---

[1]) Лекціи Павлова, „Богосл. Вѣст.“, октябрь, 1901 г., стр 240.

[2]) Св. Зак. т. IX ст. 440 по прод. 1899 г

[3]) Данный вопросъ прекрасно разработанъ у г. Милютина, сочиненіемъ котораго при изложеніи деталей этого вопроса мы и воспользуемся.

Въ 1701 году Петръ I издалъ указъ. которымъ повелѣвалось: „домъ святѣйшаго патріарха и домы жъ архіерейскіе и монастырскія дѣла вѣдать боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, а съ нимъ сидѣть дьяку Ефиму Зотову и сидѣть на патріаршѣ дворѣ въ палатахъ, гдѣ былъ патріаршъ разрядъ и писать Монастырскимъ Приказомъ, а въ Приказѣ Большого дворца монастырскихъ дѣлъ не вѣдать и прежнія дѣла отослать въ тотъ же Приказъ“ [1]). Монастырскому Приказу велѣно было принять изъ подъ власти церковныхъ учрежденій въ свое вѣдѣніе всѣ имущества и вотчины патріаршихъ и архіерейскихъ домовъ и монастырей [2]). Предполагалось установить точную перепись всему имуществу монастырей, а въ связи съ этимъ опредѣлить количества монастырскихъ доходовъ для составленія штатовъ. Но съ переводомъ монастырскихъ имуществъ въ руки свѣтской власти (Мон. Прик.), благодаря полнѣйшему произволу и совершенной безконтрольности въ дѣятельности агентовъ Монастырскаго Приказа, монастырскія имущества въ теченіи какихъ-либо 20 лѣтъ были страшно опустошены и казнѣ не приносили надлежащихъ доходовъ. Въ виду этого Петръ I, въ 1720 году 6 октября, снова возвращаетъ монастырскія имущества въ руки ихъ прежнихъ владѣльцевъ: „монастырскія вотчины, которыя отъ монастырей взяты, раздать въ тѣ монастыри и вѣдать ихъ тѣхъ монастырей архимандритамъ и игуменамъ по прежнему. А съ тѣхъ вотчинъ окладъ монастырскаго приказа и вновь всякіе положенные доходы, сбирая имъ платить бездоимочно, и о той раздачѣ разсмотрѣніе и указъ учинить въ Камеръ—Коллегію [3]). Но возвращая монастырямъ право владѣнія принадлежавшими имъ вотчинами, Петръ I не уничтожалъ ихъ подвѣдомственности монастырскому приказу; монастырямъ предоставлено было только непосредственное управленіе вотчинами, за Приказомъ же осталось право высшаго надзора за ходомъ этого управленія. Но со времени учрежденія Синода, власть Монастырскаго Приказа, дотолѣ самостоятельнаго и только подчиненнаго Се-

[1]) 1-е П. С. З Р. И. т. IV, 1829.
[2]) Ibidem т. IV, № 1834.
[3]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VI, № 3659.

нату на ряду съ прочими Коллегіями, подверглась новому ограниченію. Въ виду того, что вотчины „отъ гражданскихъ управителей пришли въ скудость и пустоту, а Духовная Коллегія присягою обязалася, какъ въ вѣрности, такъ и въ исканіи интереса Царскаго Величества противъ прочихъ Коллегій не меньше“ [1]), Сенатскимъ указомъ 3 марта 1721 года было предписано: „монастырскія вотчины сборами и управленіемъ вѣдать въ Синодѣ“ [2]). Впрочемъ приведеннымъ постановленіемъ Монастырскій Приказъ уничтоженъ не былъ, за нимъ сохранено было право управлять вотчинами монастырей, но только въ непосредственной зависимости отъ Синода. Для завѣдыванія хозяйственными дѣлами и для сбора доходовъ съ монастырскихъ имѣній въ 1724 г. Петръ I предложилъ учредить при Св. Синодѣ особенную Камеръ-Коллегію, вслѣдствіе этого Монастырскій Приказъ при Петрѣ I еще разъ терпитъ измѣненіе и переименовывается по распоряженію Сената въ Камеръ-Контору Синодальнаго Правительства [3]). Въ царствованіе Екатерины I всѣ дѣла экономическія поступали въ распоряженіе учрежденной ею по указу отъ 12 іюля и 26 сент. 1726 г., такъ называемой Коллегіи Экономіи Синодальнаго Правленія [4]), каковое учрежденіе было почти точной копіей монастырскаго Приказа Петровскаго времени, ибо и основано то было въ исполненіе намѣреній Петра I объ ограниченіи обязанностей Синода одними только духовными дѣлами. Самостоятельность Синода была ограничена и въ томъ отношеніи, что доходы съ монастырскихъ имѣній, хотя и представлялись въ Синодъ, но послѣдній, въ дѣлѣ расходованія присылаемыхъ ему суммъ, подлежалъ по указу 6 февраля 1727 г. строгому контролю камеръ-Коллегіи, безъ согласія которой и не имѣлъ права производить ассигнаціи [5]). При Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1738 г. апрѣля 15, повелѣно было „Коллегіи Экономіи быть подъ вѣдѣніемъ Сената, а Синоду отъ сего времени той Коллегіи не вѣдать, понеже въ оной Коллегіи состоятъ сборы и другія

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VI, № 3734.
[2]) Ibidem, 3749.
[3]) Ibidem, т. VII, № 4567, 4632.
[4]) 1-е П. С. З. Р. И. т. VII, №№ 4959, 4918.
[5]) Ibidem, № 5005.

Экономическія дѣла, которыя подлежатъ вѣдѣнію Сената, и „понеже собираніе и выбираніе доимокъ дѣло свѣтское, а Св. Синодъ и безъ того важнѣйшими духовными дѣлами весьма отягощенъ“ [1]). Управлять монастырскими вотчинами посланы были „отставные отъ службы“. Но въ виду того, что указанное устройство въ управленіи монастырскими имуществами, какъ и при Петрѣ I, не приводило къ желаннымъ, выгоднымъ для государства цѣлямъ, въ 1740 г. повелѣно было сдѣлать ревизію всѣмъ монастырямъ, „понеже, какъ сказано въ инструкціи ревизорамъ, надъ всѣми доходами и расходами монастырскія власти и управители полную мочь имѣли и, что хотѣли, дѣлали, и для того многіе непорядочные и неподлежащіе до монастырей расходы, только по однимъ страстямъ и прихотямъ чинимы были“ [2]). Но за скоро послѣдовавшею смертью императрицы ревизія монастырей была произведена только въ Новгородской епархіи. Въ 1741 году іюня 26, въ правленіе принцессы Анны, на докладъ Синода, Высочайшей резолюціей было постановлено: „за опредѣленными вотчинами до дальнѣйшаго впредь разсмотрѣнія и опредѣленія быть по прежнему въ вѣдомствѣ у властей и доходы платить въ Коллегію-Экономіи, какъ съ 1720 г. до послѣдняго Мусина-Пушкина представленія было“ [3]). Каковымъ указомъ непосредственное завѣдываніе монастырскими вотчинами со стороны Коллегіи Экономіи, введенное на нѣкоторое время при Аннѣ Іоанновнѣ, отмѣнялось. При Елизаветѣ Петровнѣ, указомъ 1744 г. іюля 15, Коллегія Экономіи потеряла свое прежнее значеніе и съ именемъ Канцеляріи Синодальнаго Экономическаго Правленія сдѣлалась учрежденіемъ, подчиненнымъ Св. Синоду и всѣ доходы съ монастырскихъ вотчинъ и прочія, что были въ вѣдомствѣ той Коллегіи, были отданы съ этихъ поръ въ вѣдомство и управленіе Св. Синода [4]). Однако въ 1757 г. Елизавета Петровна нашла нужнымъ ограничить совершенную свободу отъ участія въ управленіи монастырскими вотчинами

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. X, № 7558, 7679 и IX, 6354
[2]) Ibidem, т. X, № 7526, т. XI, 8029.
[3]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XI, 8406.
[4]) Ibidem, т. XII, 8993.

свѣтскаго элемента и по новому устройству низшее управленіе монастырскими вотчинами было предоставлено гражданскимъ чиновникамъ: „отставнымъ штабъ и оберъ-офицерамъ“ [1]). А императоръ Петръ III въ данномъ отношеніи пошелъ еще далѣе. Въ указѣ отъ 16 февраля 1762 года, восхваливъ сначала Елизавету Петровну „за переводъ монастырскихъ имуществъ въ вѣдѣніе свѣтскаго правительства, что одно уже, помимо всего прочаго должно обезсмертить ея память“, Императоръ постановилъ: „для управленія монастырскими вотчинами учредить въ Москвѣ подъ вѣдомствомъ Сената Коллегію Экономіи, а въ С.-Петербургѣ Контору этой Коллегіи. Коллегіи Экономіи назначить для управленія вотчинами духовнаго вѣдомства по одному штабъ-офицеру; прежнимъ же не токмо изъ монашествующихъ, но и изъ монастырскихъ служекъ управителями не быть и до того ихъ не допускать, а существующихъ отдѣлить“ [2]). Въ объясненіе къ этому распоряженію императоръ говорилъ, что онъ дѣлаетъ это для исправленія монашества, потому что „отрекшимся сего временнаго житія“ должно оставить всякія житейскія и мірскія попеченія и проводить жизнь, сообразную съ своимъ званіемъ. Однако Императрица Екатерина II, реформы Петра III, по управленію монастырскимъ имуществомъ, „нашла“ установленіемъ неполезнымъ и несвоевременнымъ, почему именнымъ указомъ 1762 г. августа 12 она повелѣвала: „для благопристойнаго духовнаго чина содержанія, всѣ недвижимыя и движимыя имущества монастырей отдать снова имъ въ управленіе, а Коллегію Экономіи отставить, и посланнымъ для управленія церковными вотчинами офицерамъ не быть“ [3]), хотя эти распоряженія, по ея же заявленію, носили временный характеръ „доколѣ къ лучшему успѣху новое и полезнѣйшее о семъ будетъ узаконено опредѣленіе“ [4]). Въ 1763 г. 12 мая для высшаго завѣдыванія монастырскими вотчинами учреждена была Коллегія Экономіи духовныхъ имѣній, которая находилась

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XIV, № 10765.
[2]) Ibidem, т. XV, № 11481.
[3]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, 11643.
[4]) Ibidem, № 11730.

подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Императрицы и Сената [1]). Въ 1764 г. 26 февраля всѣ монастырскія вотчины были переданы въ непосредственное вѣдѣніе Коллегіи Экономіи, а вмѣстѣ съ этимъ монастырскія власти были совершенно освобождены отъ управленія принадлежавшими имъ имуществами [2]). Но учрежденная Екатериною II Коллегія Экономіи существовала только до 1786 г., когда именнымъ указомъ отъ 2 іюля даннымъ Сенату повелѣно было „той Коллегіи не быть", а всѣ дѣла ея сдать въ государственный архивъ [3]). Этимъ распоряженіемъ было разъ навсегда уничтожено то учрежденіе, которое служило спеціально цѣлямъ управленія церковными имуществами, которыя, вмѣстѣ съ переходомъ въ государственное владѣніе, поступили въ завѣдываніе казенныхъ палатъ и Директоровъ домоводства [4]).

Въ распоряженіи монастырскихъ властей послѣ отобранія у нихъ вотчинъ остались лишь только имущества, которыя имъ опредѣлены были по штатамъ. Завѣдываніе и управленіе этимъ имуществомъ находилась подъ непосредственнымъ надзоромъ монастыскихъ властей съ совѣтомъ старшей братіи, для наблюденія же надъ различными отраслями хозяйства монастырскія власти назначали себѣ тѣхъ или другихъ помощниковъ съ званіемъ казначеевъ, экономовъ и т. п. Высшій же контроль надъ состояніемъ монастырскаго хозяйства и принадлежащихъ монастырю имуществъ находился въ рукахъ епископа, который чрезъ монастырскихъ благочинныхъ и наблюдалъ за общимъ экономическимъ состояніемъ монастырей. Въ случаѣ замѣченныхъ въ монастыряхъ безпорядковъ и злоупотребленій, по управленію экономическою стороною, епархіальнымъ архіереемъ для ревизіи монастыря назначались особыя лица, помимо благочиннаго. Циркулярнымъ указомъ Св. Синода благочинные монастырей обязаны были наблюдать за тѣмъ, чтобы 1) приходъ и расходъ былъ записываемъ въ заведенныя для того въ монастыряхъ книги безъ промедленія, 2) чтобы монастырскія деньги хранимы были въ ризницѣ или

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, № 11844.
[2]) Ibidem, № 12060.
[3]) Ibidem, т. XXII, № 16399.
[4]) Ibidem, № 16358, 16359.

безопасной кладовой за печатью настоятеля или намѣстника и за ключемъ казначея, чтобы 3) хозяйственныя заготовленія дѣлаемы были заблаговременно и осмотрительно казначеемъ, или экономомъ и 4) чтобы не дѣлать расходовъ ненужныхъ и незаконныхъ. Опредѣленіемъ Св. Синода 16 ноября 1836 г. было постановлено, чтобы „приходо-расходныя книги въ монастыряхъ велъ казначей, причемъ ихъ ежемѣсячно повѣрялъ настоятель со старшей братіей и одинъ или два раза въ годъ благочинный; въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца должна производиться высыпка изъ кружекъ денегъ; еженедѣльно, а въ богатыхъ монастыряхъ и чаще, казначей долженъ принимать деньги отъ лицъ, продающихъ въ монастырѣ разные предметы, выдавать имъ росписку въ полученіи, вноситъ въ приходъ и т. д. [1]). Всѣ поправки и покупки въ монастырѣ должны быть совершаемы по волѣ настоятеля, но съ совѣтомъ старшей братіи, причемъ расходы свыше 500 руб. (а въ лаврахъ и ставропигіальныхъ монастыряхъ 2000 р.) монастырскія власти должны представлять на усмотрѣніе Епархіальнаго начальства [2]); постройки же и починки, не превышающія расхода въ 5000 р. (до 1865 г.—1500 руб.) позволялось производить безъ учрежденія особыхъ строительныхъ комиссій [3]). О получаемыхъ монастырями доходахъ требуется составлять точныя вѣдомости, которыя должны храниться въ Консисторіи. Суммы, остающіяся отъ положенныхъ расходовъ, причисляются къ капиталамъ монастырей и епархіальное начальство заботится о томъ, чтобы оныя своевременно препровождаемы были въ кредитныя учрежденія [4]), на основаніи указовъ, предрставляющихъ монастырямъ право вносить въ сберегательныя кассы, съ цѣлью увеличенія капитала, какъ деньги, имѣющія временное назначеніе (на постройку или покупку чего-либо), такъ и деньги

---

[1]) Церк. вѣст. 1892 г. № 23 и Цирк. указ. Св. Син. А. Завьялова 1892 г., стр. 226—230 и указ. Св. Синод. 1866 г. 17 декабря.

[2]) 2-е П. С. З. Р. И. т. XL, № 42698.

[3]) Ibidem, № 42700.

[4]) Рук. ук. Св. Син. Маврицкаго, стр. 76, № 82, 2-е П. С. З. Р. И. т. XVI

представляющія собою основной фондъ монастырскаго богатства [1]).

Монастыри до Петровскаго времени владѣли очень многими имущественными привиллегіями. Въ связи съ ограниченіемъ имущественныхъ правъ монастырей идетъ рука объ руку отмѣна и существовавшихъ жалованныхъ грамотъ. Петръ I, за-исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, не подтверждалъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ и не выдавалъ новыхъ Онъ постоянно стремился къ тому, чтобы лишить монастыри принадлежавшихъ имъ раньше исключительныхъ правъ и преимуществъ. На этомъ основаніи въ 1699 году онъ отмѣнилъ всѣ прежнія привиллегіи монастырей на изъятіе отъ печатныхъ пошлинъ [2]), уничтожилъ принадлежавшее Пѣсношскому монастырю право на сборъ таможенныхъ пошлинъ въ селѣ Рогачевѣ. Въ 1700 г. онъ предписалъ „тарханы, съ кого пошлинъ не имано, всѣ оставить и брать пошлины всякаго чину со всѣхъ по торговому уставу и по новоуказаннымъ статьямъ равныя“ [3]).

Политики Петра I въ указанномъ отношеніи придерживались и его преемники, поскольку каждый изъ нихъ стремился къ осуществленію началъ по имущественной реформѣ, ясно выраженныхъ въ дѣятельности Петра I. Правда исторія намъ можетъ указать много фактовъ, говорящихъ на первый взглядъ совершенно противное этому, но надо замѣтить, что эти факты были всегда исключеніями и общаго начала, установленнаго Петромъ I, не колебали, почему и сопровождались почти всегда такими словами: „не въ примѣръ прочимъ“. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе Елизаветы Петровны Кіево-Михайловскому собору дано было право „шинковать“ (держать шинки) всякими питіями внутри и внѣ Кіева [4]), Московской Троицкой Лаврѣ было предоставлено право „для обительскаго содержанія“ привозить изъ Малороссіи до 3000 ведеръ вина безъ платежа пошлины, а въ Великороссіи покупать его по подрядной цѣнѣ

[1]) 3 е П. С. З. Р. И. т. XIII, 5113; Цир. ук. Св Син. Завьялова 1888 г. № 7, 1893 г. № 11; Церк. Вѣд. и Церк. Вѣст. за 1888 г., стр. 157 и 462. Церк. Вѣд. 1890 г., стр. 419

[2]) 1-е П. С. З. Р. И. т. III, № 1711.

[3]) Ibidem, т. IV, № 1799.

[4]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XIII, № 9846.

безъ взноса въ казну прибыльныхъ денегъ. Но все это какъ сказано было въ именномъ указѣ „инымъ монастырямъ не въ образецъ“ [1]).

По нынѣ дѣйствующему законодательству монастыри пользуются слѣдующими привиллегіями. Они освобождаются отъ 1) поземельныхъ сборовъ на мѣстныя земскія повинности, 2) отъ оцѣночнаго сбора за недвижимыя имущества, находящіяся въ городѣ, но не приносящія никакого дохода, 3) отъ государственнаго квартирнаго налога, 4) отъ воинскаго постоя, 5) отъ государственнаго промысловаго налога за содержаніе заведеній для печатанія и продажи книгъ (духовно-нравственнаго содержанія и учебниковъ), для приготовленія и продажи предметовъ, потребныхъ для богослуженія; но за всѣмъ этимъ на монастыряхъ лежитъ обязанность по сохраненію въ надлежащей исправности и чистотѣ мостовыхъ и освѣщенію улицы фонарями [2]). Кромѣ того, монастыри свободны отъ уплаты крѣпостныхъ пошлинъ съ капиталовъ, завѣщаемыхъ въ ихъ пользу [3]).

По вопросу о правѣ государства на секуляризацію церковныхъ имуществъ существуетъ два взгляда. Одни (напр. Завьяловъ) совершенно оправдываютъ дѣятельность гражданскаго правительства по отобранію церковныхъ земель въ государственную казну, другіе (напр. Барсовъ), наоборотъ, считаютъ этотъ фактъ секуляризаціи съ юридической точки зрѣнія нарушеніемъ имущественныхъ правъ церкви. Первые въ своихъ доказательствахъ держатся болѣе канонической точки зрѣнія, и говорятъ, что „владѣніе населенными имѣніями несвойственно церковнымъ учрежденіямъ и отвлекаетъ ихъ отъ прямого ихъ служенія“ [4]). Кромѣ того имущественная правоспособность монастырей выражавшаяся въ рабовладѣніи и землевладѣніи, оказывая вредное вліяніе на монашествующихъ лицъ, въ то же время затрагивала въ значительной мѣрѣ интересы самаго государства. Но противъ этого возражаютъ защитники про-

---

1) 1-е П. С. З. Р. И. т. XII, № 8960.

2) Св. Зак. т. IX ст. 395 прим. 1—5 А. Канторовичъ, стр. 204.

3) 2-е П. С. З. Р. И. т. XXXVIII, № 39842.

4) Христ. чт. за 1901 г. янв. стр. 116.

тивоположныхъ взглядовъ, указывая на то, что право владѣнія имуществомъ есть, искони дѣйствовавшее въ Православной церкви, каноническое право (кн. дѣян. гл. 4, 34, прав. апост. 38 и 41. 7 Всел. соб. пр. 13), а „вѣрное государственное право, какъ говоритъ Филаретъ Черниговскій [1]), не отнимаетъ ни у кого правъ собственности. Нарушивъ права церковной собственности, говорятъ они, государство кромѣ того вступило въ противорѣчіе само съ собою, оставивъ въ полной силѣ законъ, по которому имущества, жертвуемыя частными лицами въ пользу извѣстныхъ общественныхъ учрежденій съ опредѣленнымъ назначеніемъ, считаются неприкосновенными и воля жертвователя ненарушимой [2]).

Намъ кажется, что Государство имѣло основанія къ отобранію церковныхъ имуществъ, на основаніи чисто канонического свойства, формальныхъ же правъ къ отобранію церковныхъ имуществъ оно, конечно, не имѣло. Неоспоримо то, что церковь и монастыри являлись собственниками большихъ земельныхъ имуществъ, право на владѣніе каковыми было упрочено самимъ государствомъ, почему вопросъ объ имущественныхъ правахъ монастырей могъ быть рѣшенъ только при взаимномъ участіи церкви и государства, которыя совмѣстно должны были опредѣлить границы своихъ правъ. Но исторія этого вопроса показала, что церковь съ самаго начала была расположена строго отстаивать право церковныхъ учрежденій на владѣніе недвижимой собственностью, въ чемъ, конечно, она была права. Со стороны церкви для устраненія поводовъ къ вмѣшательству государственной власти въ имущественныя дѣла ея нужно было бы только внести извѣстный строй, порядокъ, организацію въ управленіе имуществами и удовлетворить государство въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ нарушались его права. Но церковная власть не имѣла силы и возможности тогда исправить подобнаго рода явленіе; въ рукахъ ея не было средствъ, могущихъ дать правильную постановку экономическому строю. Въ силу этого на помощь церкви является

---

1) Обозр. русск. Духов. Литер., к. 2, стр. 90.

2) Русск Стар. 1876 г. кн. IV, „Митр. Ростов. Арсеній Мацѣевичъ и дѣло объ отобраніи церк. имѣній въ 1762". Н. П. Барсовъ.

государство, которое по своимъ первоначальнымъ намѣреніямъ стремилось не къ тому, чтобы „присвоить себѣ церковныя имѣнія, но чтобы предписать законы о лучшемъ ихъ употребленіи на славу Божію и пользу отечества“ [1]), на что само Божественное писаніе лицамъ, стоящимъ во главѣ государства, якобы предоставляетъ право [2]). Обращая вниманіе на то „сколь великій соблазнъ“ приводитъ то обстоятельство, „когда имущество церковное расточается на временныя житейскія попечнія, а вѣчныя и богоугодныя дѣла остаются въ забвеніи или и вовсе въ уничтоженіи“ [3]), сторонники секуляризаціи церковныхъ имуществъ, на всемъ протяженіи исторіи этого вопроса, въ качествѣ главнаго мотива къ отобранію церковныхъ имуществъ, выставляютъ неумѣлое распоряженіе со стороны церкви владѣемыми ею богатствами, каковое распоряженіе ведетъ къ тому, что богатства „туне гибнутъ“. Въ виду такихъ обстоятельствъ Петръ I рѣшилъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что передалъ государству только право управленія монастырскими вотчинами, учредивъ для этого Монастырскій Приказъ, самыя же вотчины составляли еще въ то время собственность церкви и монастырей. Но такъ какъ введенное со времени Петра I новое устройство въ дѣлѣ управленія церковными вотчинами не вносило въ прежнюю систему экономическаго управленія никакихъ улучшеній, то духовенство естественно, конечно, имѣло полное основаніе и право жаловаться и роптать на подобную дѣятельность Петра I. Итакъ, государство въ началѣ 18 ст. явилось на помощь церкви въ дѣлѣ лучшей организаціи управленія недвижимыми имуществами, но само показало себя несостоятельнымъ въ дѣлѣ упорядоченія прежняго управленія, сообразно съ цѣлями церковныхъ учрежденій и правами самого государства. Намъ нужно сказать теперь еще о томъ, имѣло ли право государство на участіе въ управленіи тѣми имуществами, которыя составляютъ собственность Церкви? Мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ утвердительно. И само законодательство словами представителей своихъ выражаетъ это

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, № 11643.
[2]) Ibidem, № 11716.
[3]) Ibidem, 11716, Духовн. реглам. 1823 г. 1—2 стр. 16 п. 2.

свое право слѣдующимъ образомъ: „данная намъ отъ Бога власть самодержавная, къ которой мы избраны и Его Всевышнею рукою помазаны на престолѣ, не токмо во всѣхъ военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ одолжаетъ насъ имѣть недреманое око, но и обязываетъ насъ учреждать всѣ порядки и законы, подкрѣпляющіе православіе, такъ чтобы всѣ дѣла нами въ духовномъ чину установленныя соотвѣтствовали дѣлу Божію“ [1]). Если же мы обратимъ вниманіе на то, что, отбирая управленіе церковными имуществами въ свои руки, государство тѣмъ самымъ освобождало монастыри отъ многихъ заботъ чисто мірского свойства, а вмѣстѣ съ тѣмъ способствовало подъему нравственной жизни иноковъ, то съ канонической точки зрѣнія стремленіе государства къ отобранію управленія монастырскими имуществами въ свои руки не должно вызывать серьезныхъ возраженій. Но при Екатеринѣ II, въ дѣло по вопросу о церковныхъ имуществахъ, внесена была новая черта, ибо при Екатеринѣ II, рѣчь идетъ уже не только объ управленіи церковною собственностью, а и объ отобраніи этой собственности въ государственную казну. Является такимъ образомъ вопросъ: имѣетъ ли право государство обращать собственность церкви въ свою собственность? Въ виду того, что имущественная правоспособность монастырей затрогивала существенно интересы самого государства, вопросъ о монастырскихъ недвижимыхъ имуществахъ требовалъ настоятельно разрѣшенія. Но рѣшать его совмѣстно съ церковью государство въ 18 вѣкѣ не пыталось, такъ какъ факты исторіи убѣдили его въ безполезности такихъ попытокъ. Въ силу этого государство дѣйствуетъ одиноко въ рѣшеніи вопроса объ имущественныхъ правахъ церкви и монастырей. Оно не спрашиваетъ у церкви разрѣшенія на отнятіе у нея ея собственности, а только, переходя на каноническую точку зрѣнія, какъ бы отъ лица самой церкви считаетъ этотъ фактъ секуляризаціи вполнѣ правильнымъ. Но подобной дѣятельности государства, по отношенію къ имуществамъ церковнымъ, съ формальной точки зрѣнія нельзя оправдать. Дѣло въ томъ, что церковь все же являлась собственникомъ, за которымъ право

[1]) 1-е П. С. З. Р. И. т. XVI, № 11716.

на владѣніе земельными имуществами было признано юридически, путемъ выдачи имъ со стороны государства подтвердительныхъ грамотъ. На этомъ основаніи всякій формальный актъ, касающійся собственности церкви и монастырей, не могъ быть рѣшенъ иначе, какъ при активномъ участіи со стороны самого собственника. Но государство, видя, со стороны церкви и монастырей нѣкоторую какъ бы несостоятельность въ распоряженіи имуществами, наносящую вредъ интересамъ и самой церкви и государству, дѣйствуетъ такимъ образомъ, что беретъ на себя право постоянной опеки надъ церковью и монастырями въ экономическомъ отношеніи, но на условіяхъ, при которыхъ собственность монастырей и церкви переходила навсегда уже въ собственность самого государства. Опека на такихъ условіяхъ нарушала права собственности, хотя и имѣла каноническія оправданія. По 6 правилу Двукратнаго собора „аще кто обрящется усвояющій себѣ нѣкое стяжаніе (изъ тѣхъ, кои постриглись), не предоставивъ онаго монастырю (за которымъ признается только право собственности), то „игуменъ или епископъ имѣетъ право взять оное стяжаніе и продавъ его раздать нищимъ и нуждающимся". То есть, если монахъ, принявъ на себя обѣты нестяжанія, заставляющіе его отдѣлиться отъ всего мірского и отъ всякой собственности, этого не дѣлаетъ, между тѣмъ какъ это идетъ въ разрѣзъ съ его жизненнымъ призваніемъ, то онъ, хотя и владѣетъ формальнымъ правомъ на свою собственность, но какъ членъ, принявшій на себя обязанность выполнять извѣстныя нравственныя цѣли и задачи, достиженіе которыхъ не мирится съ личною собственностью, теряетъ уже свое формальное право на собственность и начальникъ той общины, гдѣ онъ состоитъ членомъ, имѣетъ право лишать его этой собственности. Такимъ образомъ подчинять формальное право нравственному, каноническому принципу, въ дѣлѣ организаціи жизни нравственныхъ институтовъ, является позволительнымъ. Становясь на эту точку зрѣнія дѣйствовало и государство. Церковь и институтъ монашествующихъ постольку имѣютъ право владѣть имущественною собственностью, поскольку эта послѣдняя служитъ достиженію ихъ цѣлей, если же она препятствуетъ

этому, то государство въ лицѣ своихъ представителей имѣетъ право воспользоваться имущественною собственностью тѣхъ институтовъ, цѣли которыхъ и задачи не совпадаютъ съ правомъ на владѣніе имущественною собственностью. „Въ наше время, говоритъ Завьяловъ, болѣе чѣмъ странно отстаивать разрушенное въ 1764 году вотчинное право церковныхъ учрежденій. Вѣдь это было крѣпостное право, которымъ церковныя учрежденія владѣли на основаніяхъ не догматическихъ, а только историческихъ, почему государство имѣло полное право и основаніе на секуляризацію церковныхъ имуществъ, коль скоро оно нашло это несоотвѣтствующимъ для церкви и не выгоднымъ для себя [1]).

---

1) Христ. Чт. 1901 г. № 1, стр. 116.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Введеніе . . . . . 1—4

ЧАСТЬ I.

Постановленія относительно монашествующихъ лицъ.

Глава первая. Условія поступленія въ монастырь и постриженія въ монашество . . . . . 4—29

Глава вторая. Постановленія, касающіяся общаго состава и устройства монашеской общины (права и обязанности монашествующихъ лицъ) . . . 30—81

Глава третья *). Постановленія объ образѣ жизни монаховъ и судѣ надъ ними . . . . . 113—145

ЧАСТЬ II.

Постановленія относительно монастырей.

Глава первая. Постановленія относительно учрежденія и закрытія монастырей . . . . . 81—90

Глава вторая. Постановленія относительно служебнаго значенія монастырей въ качествѣ благотворительныхъ и исправительныхъ институтовъ 91—113

Глава третья. Постановленія относительно имущественныхъ правъ монастырей . . . . . 145—173

*) Означенная глава ошибочно попала во вторую часть моего сочиненія и представляетъ собою третью главу первой части, хотя въ текстѣ носитъ заглавіе второй главы.

